

МЕЖВУЗОВСКИЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ФОРУМ

В РАМКАХ НАУЧНОГО ПРОЕКТА
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Сборник статей

24-25 ноября 2022
г.Ростов-на-Дону

**РОСТОВСКИЙ ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»
(г. Ростов-на-Дону)**

МЕЖВУЗОВСКИЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ФОРУМ

В РАМКАХ НАУЧНОГО ПРОЕКТА

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

СБОРНИК СТАТЕЙ

**Дата проведения
24-25 ноября 2022 г.**

Ростов-на-Дону 2022

УДК 343
ББК 65.5
С23

Редакционная коллегия:
Полтавцева Лариса Ивановна;
Палиева Оксана Николаевна;
Серегина Елена Владимировна;
Коблева Мария Мухадиновна;
Рogaва Инга Георгиевна

С23 Межвузовский криминалистический форум (в рамках научного проекта «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства»). Сборник статей [Электронный ресурс]/под. ред. Полтавцевой Л.И., Палиевой О.Н., Серегинной Е.В., Коблевой М.М., Рogaва И.Г. – Электр. текстовые данные (3,05 Мб) – Ростов н/Д: Издательство ИП Беспамятнов С.В., 2022. – С. 302 – 1 опт. компакт-диск (CD-ROM).

ISBN 978-5-6049038-6-5

Настоящий сборник составлен по материалам Межвузовского криминалистического форума (в рамках научного проекта «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства»), состоявшегося 24 и 25 ноября 2022 года в г. Ростов-на-Дону. В сборнике научных трудов рассматриваются современные проблемы уголовного судопроизводства.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов с целью использования в научной и учебной деятельности.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

УДК 343
ББК 65.5

Минимальные системные требования:

*Процессор x86 с тактовой частотой 500 МГц и выше; ОЗУ 512 Мб;
5 Мб на жестком диске; видеокарта VGA 1280x1024; привод CD-ROM,
Операционная система: Windows XP/7/8/10
Программное обеспечение: Adobe Acrobat Reader версии 6 и старше.*

ISBN 978-5-6049038-6-5

© Коллектив авторов, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Айрапетова Алина Арменовна</i> В ОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТРАКТОВКИ НОРМЫ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА.....	8
<i>Александрова Любовь Вячеславовна</i> МЕДИАЦИЯ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ В РОССИИ.....	13
<i>Астамирова Лимда Султановна</i> ЗНАЧЕНИЕ КОРЫСТНОГО МОТИВА ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА.....	19
<i>Берестова Анна Андреевна</i> ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА НЕВМЕНЯЕМОСТИ ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	25
<i>Биналиев Алихан Азалхонович</i> К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ «ОБЫСКА В ЖИЛИЩЕ».....	31
<i>Бобрышова Надежда Романовна</i> ПРОБЛЕМЫ СОСТОЯНИЯ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН.....	36
<i>Валуев Тельман Витальевич</i> ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ.....	41
<i>Висарханова Аминат Мовсаровна</i> ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ.....	48
<i>Великохацкая Дарья Владимировна</i> О ПРОБЛЕМАХ НЕДОПУСТИМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ.....	54
<i>Владимиров Владислав Николаевич</i> ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ УБИЙСТВА ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ И В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ.....	60
<i>Галайко Алексей Сергеевич</i> К ВОПРОСУ О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ, СОВЕРШЕННЫХ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА ПЕРИОД 2020 – ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ 2022 ГГ.....	66

<i>Гнутов Антон Сергеевич</i> О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	72
<i>Гулаев Юрий Викторович</i> КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТА	78
<i>Дешко Дарья Андреевна</i> МИГРАЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК УГРОЗА КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	83
<i>Дорофеева Злата Евгеньевна</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РАЙОНАХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА.....	89
<i>Драб Катерина Сергеевна</i> ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА ИЗ СОСТРАДАНИЯ	95
<i>Дубровин Семён Евгеньевич</i> К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ РАСШИРЕНИЯ ПРЕДМЕТА ОБЖАЛОВАНИЯ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЖАЛОБЫ, ПОДАННОЙ В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 125 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	99
<i>Закурдаева Маргарита Александровна</i> ГЕНЕЗИС СТАНОВЛЕНИЯ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА И ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ.....	105
<i>Ивлиева Юлия Сергеевна</i> НЕТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ КРИМИНАЛИСТИКИ.....	113
<i>Казанов Александр Алексеевич</i> КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ.....	118
<i>Клепачева Екатерина Алексеевна</i> БЕЗРАБОТИЦА КАК ФАКТОР ПРЕСТУПНОСТИ.....	123
<i>Короткова Алина Ивановна</i> ТАКТИКА ИЗОБЛИЧЕНИЯ ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ	128
<i>Кузина Ангелина Сергеевна</i> ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О СОВЕРШЕНИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОТСУТСТВИЕ ПОДСУДИМОГО.....	133
<i>Курбаналиев Габиб Абдурашидович</i> ФУНКЦИИ ДОЗНАВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	138

<i>Куркиев Мубарак Даудович</i> СПЕЦИФИКА ПРАВООТНОШЕНИЙ ПО ОХРАНЕ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	144
<i>Леонтьев Максим Александрович</i> ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРИОБРЕТЕНИЯ ИЛИ СБЫТА ИМУЩЕСТВА, ЗАВЕДОМО ДОБЫТОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	154
<i>Луганская Инна Сергеевна</i> ПРЕДПОСЫЛКИ И ФАКТОРЫ, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ.....	159
<i>Мальбахов Амирхан Борисович</i> ИНЫЕ МЕРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ.....	164
<i>Маркарян Гаяне Жораевна</i> УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПА ТАЙНЫ ПЕРЕПИСКИ, ТЕЛЕФОННЫХ И ИНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ, ПОЧТОВЫХ, ТЕЛЕГРАФНЫХ И ИНЫХ СООБЩЕНИЙ В РОССИИ.....	170
<i>Мержоева Марем Алихановна</i> ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ДВУМЯ ФОРМАМИ ВИНЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ.....	175
<i>Миненко Наталья Павловна</i> К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ НЕОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ДОКТРИНЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА.	182
<i>Мирзоян Геворг Араикович</i> К ВОПРОСУ О ФОРМАХ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ	187
<i>Нечволода Геннадий Геннадьевич</i> СООТНОШЕНИЕ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА И ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ.....	194
<i>Никишина Ольга Александровна</i> ВИРТУАЛЬНАЯ АУТОПСИЯ – ИННОВАЦИЯ В МИРЕ КРИМИНАЛИСТИКИ	200
<i>Плохотнюк Анастасия Николаевна</i> К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ	207
<i>Попова Анастасия Викторовна</i> О НЕКОТОРЫХ УГОЛОВНО- ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ БОРЬБЫ С ПЕДОФИЛИЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	212

<i>Потапова Диана Андреевна</i> ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ	218
<i>Розатос Михаил Михайлович</i> ПРАВОВАЯ ПРИРОДА НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ ПОСРЕДСТВОМ АВТОМАТИЧЕСКИ СРАБАТЫВАЮЩИХ ИЛИ АВТОНОМНО ДЕЙСТВУЮЩИХ СРЕДСТВ ИЛИ ПРИСПОСОБЛЕНИЙ	223
<i>Рудаков Дмитрий Сергеевич</i> ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, КАК СРЕДСТВО ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	228
<i>Светлов Сергей Сергеевич</i> ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ.....	234
<i>Скокова Татьяна Петровна</i> ВОПРОС ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ.....	239
<i>Скороваров Игорь Игоревич</i> СОВРЕМЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ОБ УСЛОВНОМ ОСУЖДЕНИИ	244
<i>Стрельцова Валерия Олеговна</i> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВРУЧЕНИЯ КОПИИ УТВЕРЖДЕННОГО ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	251
<i>Супруненко Валерия Руслановна</i> ТАКТИКА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И УГОЛОВНОГО ДЕЛА	257
<i>Танская Марина Витальевна</i> О ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	265
<i>Темникова Валерия Владимировна</i> О ПРОБЛЕМАХ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОБЕЩАНИЕ ИЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ.....	271
<i>Ханджян Лаврентий Артурович</i> К ВОПРОСУ О МЕРАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БАНДИТИЗМУ	277
<i>Шабунина Дарья Дмитриевна</i> ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ.....	282

<i>Шуаев Салим Алилович</i> К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	287
<i>Янова Ирина Владимировна</i> ОТНОСИМОСТЬ ПОКАЗАНИЙ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО.....	293
<i>Дараселия Елизавета Васильевна</i> МЕДИАЦИЯ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	298

ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТРАКТОВКИ НОРМЫ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

Айрапетова Алина Арменовна,

Студент

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Москалева Елена Николаевна,

старший преподаватель кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье рассматривается законодательная трактовка нормы, предусматривающей ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка. Автор исследует виды детоубийства, рассуждает о целесообразности их включения в привилегированную норму.

В заключении статьи сделаны выводы о необходимости исключения из диспозиции ст. 106 УК РФ убийства матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов.

Ключевые слова: убийство новорожденный, роды, мать, психическое расстройство, психотравмирующая ситуация, привилегированный состав.

QUESTIONS OF LEGISLATIVE INTERPRETATION OF THE RULES THAT ESTABLISH RESPONSIBILITY FOR THE MURDER OF A NEWBORN CHILD BY A MOTHER

Ayrapetova Alina Armenovna

Scientific adviser: Moskaleva Elena Nikolaevna

Abstract: The article deals with the legislative interpretation of the norm providing for liability for the murder of a newborn child by a mother. The author explores the types of infanticide, discusses the expediency of their inclusion in the privileged norm.

At the end of the article, conclusions are drawn about the need to exclude from the disposition of Art. 106 of the Criminal Code of the Russian Federation, the murder of a newborn child by a mother during or immediately after childbirth.

Keywords: murder of a newborn, childbirth, mother, mental disorder, traumatic situation, privileged composition.

Насилие в отношении детей является одной из важнейших проблем современного общества. Ежедневно в России умирают от насильственной смерти восемь несовершеннолетних детей [1, с. 5]. В последние годы на законодательном уровне принимаются решения об ужесточении ответственности за преступления против детей, но в то же время в Уголовном кодексе Российской Федерации содержится привилегированный состав – убийство матерью новорожденного ребенка. Согласно медицинским заключениям, новорожденным ребенком считается младенец, проживший после рождения не более одного месяца. Это заставляет задуматься над вопросом – разве ребенок, проживший менее месяца, не защищен законом так же, как защищены малолетние?

Анализируя зарубежные законодательные подходы к ответственности за убийство новорожденного, можно сделать вывод, о наличии двух полярных точек зрения. Согласно одному из подходов, ответственность за это преступление для роженицы наступает как за простое или тяжкое преступление. Другой подход подразумевает отнесение этого деяния к привилегированному составу.

Правовая природа ст. 106 УК РФ связана с тем, что женщина в этот момент находится в особом психоэмоциональном состоянии, вызванном родами. Либо при наличии психотравмирующей ситуации, сложившейся во время или сразу же после родов, или при психическом расстройстве, не исключающем вменяемости, которое побудило ее убить своего ребенка. Считаем, что только при наличии данных признаков, действия субъекта можно квалифицировать по вышеуказанной статье УК РФ. Убийство новорождённого ребёнка матерью, находившейся в нормальном состоянии во время родов и после них, которое не было вызвано психотравмирующей ситуацией и психическим расстройством, должно влечь за собой ответственность на общих основаниях. Т.В. Кондрашова, пишет: «Хотя сам законодатель упоминает о состоянии психического расстройства, не исключающем вменяемости, лишь при указании признаков третьего вида детоубийства, некоторые виды толкования закона позволяют сделать

вывод о том, что этот признак присущ всем случаям убийства матерью новорожденного ребенка, иначе невозможно объяснить, почему законодатель считает хладнокровное убийство, совершенное, например, отцом ребенка или другими лицами, обычным или квалифицированным убийством, и при этом такие же умышленные действия матери относит к привилегированному составу преступления» [2, с. 348].

Мы согласны с этими суждениями автора, поэтому, на наш взгляд, квалификация данного деяния по статье 106 УК РФ, совершенного роженицей в нормальном состоянии, чаще всего с заранее обдуманым умыслом, противоречит общепринятым моральным принципам, а также нарушает принципы справедливости и равенства.

Проведенный нами анализ уголовных дел по данному преступлению, позволяет сделать вывод о предполагаемом «портрете» матери-убийце. Так, зачастую ими являются женщины, имеющие среднее образование, проживающие в небольших населенных пунктах, безработные, незамужние, либо имеющие «непутевого» мужа. Они слишком поздно узнают о беременности, скрывают свое положение от родных и близких, абсолютно всегда не становятся на учет по беременности в медицинские учреждения. Роды проходят тайно, без привлечения медицинских работников, после чего роженица совершает убийство и скрывает труп. Мотивом преступления является желание скрыть беременность и рождение ребенка от родных и близких, тяжелое материальное положение и страх столкнуться с трудностями при дальнейшем воспитании ребенка.

В научных кругах часто высказывается мнение, что смягчение обстоятельств данного преступления обусловлено психическим состоянием женщины и тем, что в процессе и сразу после родов женщина не способна воспринимать ребенка как самостоятельное, независимое существо. Она продолжает видеть в нем свой плод, источник страданий и боли. Также, согласно медицинским исследованиям, большое количество женщин не ощущают того самого материнского инстинкта, который «должен быть», они могут относиться к ребенку, как к чужому, но ведь это все равно не дает им право убивать его!

Подобные аргументы, на наш взгляд, не могут служить основанием для отнесения заранее спланированного убийства к разряду привилегированных. Отношение матерей к беременности и ее сокрытие, позволяет сделать вывод, что на протяжении своей беременности, женщина не планировала оставлять ребенка. Также, важно отметить, что большое количество детоубийств совершается с особой жестокостью, либо способом, пусть и не относящимся к особо жестоким, но явно, не

направленным на быструю и безболезненную смерть ребенка. Судебная практика по этим делам подтверждает данный вывод. Так, одна из женщин совершила убийство, поместив своего новорожденного ребенка в ведро, накрыв его целлофановым пакетом, тем самым лишив возможности дышать, затем она вынесла ведро на лестничную площадку в подъезде. Другая женщина кинула своего ребенка в унитаз и несколько раз нажала на кнопку слива воды, пока новорожденный не перестал подавать признаки жизни.

Другая «мать» сразу после родов вынесла своего ребенка голым на улицу в морозную погоду, оставив на снежном сугробе. Ребенок скончался от переохлаждения. Женщина даже не позаботилась о теплой одежде, таким образом, откровенно проявляя безразличие к дальнейшей судьбе и жизни своего ребенка, а ведь его могли бы спасти проходящие мимо люди.

Как мы видим, всегда речь идет о циничных, заранее продуманных, преднамеренных и хладнокровных убийствах. Они не обусловлены ни анатомическими изменениями, ни психическими или физиологическими особенностями женского организма, находящегося в послеродовом состоянии.

Отнесение данного вида преступления к привилегированным деяниям не целесообразно в соотношении с общей демографической политикой. На данный момент не только в зарубежных странах, но и в России существует большое количество детских домов, интернатов и Baby box (специально оборудованное место для анонимного отказа от ребёнка и передачи его на попечительство государственным службам и органам), где женщины могли бы оставить нежелательного ребенка, не лишая его при этом жизни. Поэтому, развитию и функционированию подобных учреждений, следует уделять больше внимания, необходима соответствующая социальная реклама, ориентированная на женщин, проживающих в городах и в сельской местности.

Таким образом, необходимо изложить статью 106 УК РФ в редакции, исключающей убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов. Также, при рассмотрении уголовных дел, должное внимание стоит уделять исследованию вопроса о времени возникновения умысла. По ст. 106 УК РФ может быть осуждена лишь та женщина, совершившая убийство своего ребенка, у которой умысел на убийство возник внезапно в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Данные подходы к дифференциации уголовной ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка будут способствовать

реализации принципа гуманизма.

Список литературы

1. *Право на детство* // *Российская газета*. 2020. № 7913 (45). – URL: <https://rg.ru/2020/03/03/valentina-matvienko-deti-v-rossii-ploho-zashchishcheny-ot-zhestokogo-obrashcheniia.html> (дата обращения: 18.10.2022).

2. *Кондрашова, Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности*. - Екатеринбург, 2000. – 348 с.

3. *Авилова, Л. Д. Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ)* // *Евразийский Союз Ученых*. – 2020. – №4-10 (73). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ubiystvo-materyu-novorozhdenного-rebenka-st-106-uk-rf> (дата обращения: 23.09.2022).

4. *Бухарова, А. А. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка как привилегированного состава преступления* // *Nauka-rastudent.ru*. – 2017. – № 08 (044). – URL: <http://nauka-rastudent.ru/44/4324/> (дата обращения: 15.10.2022).

5. *Иванова, О. С. Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ): проблемы описания состава преступления и дифференциации ответственности* // *Теория и практика общественного развития*. - 2016. - №7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ubiystvo-materyu-novorozhdenного-rebenka-st-106-uk-rf-problemy-opisaniya-sostava-prestupleniya-i-differentsiatsii-otvetstvennosti> (дата обращения: 05.11.2022).

©А.А. Айрапетова, 2022.

МЕДИАЦИЯ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ В РОССИИ

*Александрова Любовь Вячеславовна,
Студентка
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Фоменко Ирина Владимировна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** в работе рассматривается возможность и необходимость внедрения института медиации в уголовно-правовые отношения. Отражены преимущества применения процедуры медиации и опыт зарубежных стран. Вынесены предложения, направленные на увеличение эффективности применения медиации в уголовных делах.*

***Ключевые слова:** медиация, медиатор, уголовное право, примирение, потерпевший, обвиняемый, правосудие.*

MEDIATION AS A CRIMINAL LAW PHENOMENON IN RUSSIA

*Alexandrova Lyubov Vyacheslavovna
Scientific adviser: Fomenko Irina Vladimirovna*

***Abstract:** the paper considers the possibility and necessity of introducing the institution of mediation in criminal law relations. The advantages of the mediation procedure and the experience of foreign countries are reflected. Proposals aimed at increasing the effectiveness of mediation in criminal cases have been made.*

***Keywords:** mediation, mediator, criminal law, reconciliation, victim, accused, justice.*

В настоящее время чрезвычайно актуален вопрос внедрения в уголовно-правовые отношения элементов восстановительного правосудия,

которое давно применяется во многих ведущих странах мира. Концепция восстановительного правосудия является альтернативой карательной системе, поскольку ставит в качестве цели не наказание виновных, а на восстановление нарушенных прав потерпевшего. Идея восстановительного правосудия, созданная для разрешения уголовно-правовых конфликтов, получила название «медиация».

Использование медиации в уголовном судопроизводстве обусловлено рядом её преимуществ: гибкость, оперативность, экономичность, возможность нахождения взаимовыгодного решения, антикоррупционный потенциал. Медиация доказала свою эффективность как средство борьбы с негативными последствиями репрессивного характера системы уголовного правосудия. Медиация также способствует судебной разгрузке, что позволяет судам сосредоточить своё внимание на разрешении тяжких и особо тяжких уголовных дел, где положения восстановительного подхода невозможно применить.

В США действует Единый закон о медиации, который носит рекомендательный характер. Между тем институт медиации в американском уголовном судопроизводстве имеет достаточно глубокие корни и в настоящее время получил широкое распространение. В странах континентальной правовой системы институт медиации имеет, как правило, законодательное закрепление в уголовно-процессуальных кодексах. Страной-лидером по популяризации использования медиации в уголовном праве в настоящее время является Германия, где около 80% уголовных дел малой и средней тяжести разрешаются посредством медиации. По статистике уровень соблюдения достигнутого медиативного соглашения в зарубежных странах чрезвычайно высок, в диапазоне 90-95%, что отчасти связано с совместной разработкой и принятием решений [1, с. 83].

В России медиация является относительно новым институтом, основные положения которого закреплены в Федеральном законе № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре разрешения споров с участием посредника». Пункт 2 данного закона определяет медиацию как способ разрешения споров с помощью посредника, основанный на добровольном согласии сторон с целью достижения взаимоприемлемого решения. Согласно части 2 ст. 1 ФЗ-193, процедура медиации может применяться к спорам, возникающим из гражданских, трудовых и семейных отношений, а прямое указание на возможность применения процедуры медиации в контексте уголовных отношений отсутствует. Однако ч. 3 ст. 1 Закона о медиации содержит пункт, согласно которому данная процедура может

применяться к иным правоотношениям [2].

Современное российское уголовное законодательство имеет основные нормативные предпосылки возникновения медиации в уголовном судопроизводстве, к которым можем отнести ст. 76 УК РФ (уголовно-правовой институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим), а также ст. 25 УПК РФ, устанавливающую возможность для некоторых представителей правоохранительных органов прекратить уголовное дело на основании примирения сторон и возмещения вреда правонарушителю. В то же время возможность примирения сторон существенно ограничивается правом на судебное усмотрение [3]. В свою очередь медиация ориентируется на волю сторон в конфликте, а не на силы правопорядка. Кроме того, спецификой процедуры медиации является участие в переговорах медиатора – независимого и беспристрастного лица, оказывающего психологическую и юридическую помощь сторонам в разрешении конфликта. Несмотря на эти различия между примирением сторон и медиацией, многие юристы считают ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса правовой основой для введения института медиации в уголовном судопроизводстве. Ввиду отсутствия конкретики дискуссионным является вопрос о возможности и необходимости медиативного разрешения уголовных дел [4].

С нашей точки зрения, заключение медиативного соглашения в уголовном процессе может составить одно из оснований прекращения производства по уголовному делу, наряду с примирением сторон, предусмотренным ст. 25 УПК РФ. В пользу медиации говорит тот факт, что процедура медиации может быть инициирована и завершена в минимальные сроки, предусмотренные сторонами спора, и учитывает интересы обеих сторон. Очевидно, что для потерпевшего от преступления в большинстве случаев важнее возмещение материального и морального ущерба, чем наказание обвиняемого государством. Следует также учитывать, что обвиняемый также должен изъявить свою волю на проведение примирительной процедуры, он вправе сам решить, нуждается ли он в примирении в данном конкретном случае.

Правоведы и правоприменители выделяют ряд препятствий для эффективного и широкого применения медиативного соглашения в уголовных делах. Среди организационных препятствий выделяются отсутствие устоявшейся практики использования медиации в связи с относительной новизной учреждения, а также низкий уровень просветительской работы. Среди субъективных факторов отмечаются высокая степень конфликтности в общественных отношениях,

непризнание сторонами авторитета посредника, нежелание сторон брать на себя ответственность за разрешение спора, что можно объяснить низким уровнем правовой культуры. Безусловно, одной из основных причин незначительной применимости медиации является несовершенство действующего законодательства, отсутствие правового регулирования процедуры медиации в системе уголовного судопроизводства. Некоторые эксперты выделяют в качестве одного из основных факторов экономической, заключающийся в высокой стоимости услуг посредника. На практике, такой вывод не подтверждается, так как стоимость услуг медиатора намного ниже судебных расходов. Кроме того, есть ряд лиц, участвующих в роли посредника на безвозмездной основе. Однако в качестве экономического фактора неостребованности института медиации в уголовном судопроизводстве можно выделить крайне низкий уровень материально-технической базы из-за отсутствия государственного финансирования данной сферы [5, с. 228].

Если определить условия медиации в уголовном судопроизводстве, то необходимо, прежде всего, чтобы эта процедура осуществлялась на добровольной основе, иначе могут быть нарушены законные права и интересы обвиняемого и потерпевшего. Процесс медиации должен быть правом, а не обязанностью сторон и должна быть возможность прекратить использование посредничества до и во время процесса. Ещё одно обязательное требование, являющееся основным отличием медиации от других существующих примирительных процессов – это независимость и беспристрастность медиатора (посредник не выступает ни на чьей стороне и не является заинтересованным лицом) [6, с. 120].

Для реализации данной процедуры необходимо внести некоторые изменения и дополнения в российское законодательство. Во-первых, дополнить часть вторую статьи первой Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» указанием на возможность применения процедуры медиации для разрешения уголовно-правовых конфликтов. А также в законе следует установить процессуальный статус медиатора, предоставить право осуществлять процедуру медиации в уголовном процессе независимым беспристрастным лицам, обладающим соответствующей квалификацией, которая может быть присвоена по итогам прохождения специального курса обучения и сдачи квалификационного экзамена.

Во-вторых, необходимо ввести в ст. 5 УПК РФ понятия «медиация по уголовным делам» и «медиатор», а в главу 8 УПК РФ - новую статью о

процессуальном статусе медиатора, определить его права и обязанности.

Кроме того, в УПК РФ необходимо закрепить возможность использовать процедуру медиации на стадии предварительного расследования, после успешного завершения которой заключается медиативное соглашение, которое будет являться основанием для прекращения уголовного преследования. Допустимо также использование медиации и на судебных стадиях процесса для вынесения судебного решения с учетом результатов медиативной процедуры. Согласие сторон на применение процедуры медиации предполагает, что процесс может более не продолжаться в традиционном порядке, а проводиться по упрощенным правилам с учетом наличия примирительного соглашения.

Необходимо дополнить УПК РФ статьей 25.2, где обозначить по каким уголовным делам будет возможна медиация (к примеру, по преступлениям небольшой и средней тяжести), в чьи полномочия будет входить назначение медиации, процессуальный порядок её назначения, каким образом будет осуществляться передача уголовного дела на медиацию, установить обязанность дознавателя, следователя, защитника разъяснить потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому право на рассмотрение дела с применением процедуры медиации, а также последствия её применения и другое.

Считаем, что предложенные дополнения и изменения в уголовное законодательство РФ позволят оптимизировать, упростить уголовное судопроизводство путём сокращения затрат на его реализацию, уменьшения производственной нагрузки на судей, следователей, дознавателей, сокращения сроков производства по уголовным делам, установления большей защиты законных прав и интересов участников уголовного процесса.

Таким образом, разрешение уголовных дел с использованием процедуры медиации может иметь большое значение для участников процесса примирения. Стороны понимают важность диалога, умение учитывать интересы другой стороны, на обвиняемом лежит большая ответственность за сглаживание вреда – это позволит ему оставаться социально адаптированным, не терять связи с обществом. Нельзя исключать переживания потерпевшего, которые он испытал в процессе совершения против него преступления. Уважение чувств потерпевшего при альтернативном способе разрешения уголовно-правового конфликта и активное раскаяние обвиняемого позволит разрешить ситуацию без ущерба для интересов любой из сторон конфликта. Воспитательное воздействие при проведении процедуры медиации основано на новом

понимании уголовно-правового конфликта, толерантности его участников, новых взглядах на культуру взаимодействия сторон. Для полноценной реализации и работы института медиации необходимо его юридическое закрепление, содействие дальнейшему экспериментированию в регионах путём обеспечения соответствующей материально-технической базы, а также повышение уровня правовой культуры населения, в том числе путём пропаганды и образовательной деятельности.

Список литературы

1. Галыгина Е.С. К вопросу о возможностях применения института медиации в уголовном судопроизводстве России // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. – 2020. – № 18. – С. 80-85.

2. Федеральный закон от 27.07. 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства Российской Федерации от 02.08.2010 г. – № 31. – Ст. 4162.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17.06.1996 г. – № 25. – Ст. 2954.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 24.12.2001 г. – № 52 (часть I). – Ст. 2954.

5. Попов К.И. Медиация в уголовном праве: миф или реальность? // Военное право. – 2022. – № 2(72). – С. 226-230.

6. Гребнева Н.Н. Применение медиации в российском уголовном процессе: проблемы теории и практики // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2018. – № 35. – С. 118-121.

© Л.В. Александрова, 2022.

УДК: 343.43

ЗНАЧЕНИЕ КОРЫСТНОГО МОТИВА ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА

*Астамирова Лимда Султановна,
магистрант 3 курса
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Научный руководитель:
Осадчая Наталья Георгиевна
*к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: в статье рассматривается значение корыстного мотива для правильной квалификации преступлений против личной свободы человека. Обращается внимание на то обстоятельство, что в правоприменительной практике наиболее спорными являются именно вопросы определения корыстного мотива преступлений против личной свободы человека. В результате автор дает определение корыстного мотива, которое в полной мере применимо как к группе корыстных преступлений против личной свободы человека, так и преступлений, связующим элементом в механизме которых выступает корыстный мотив.

Ключевые слова: мотив преступления, корыстный мотив, преступления против личной свободы человека, похищение человека, торговля людьми, использование рабского труда, субъективная сторона преступления, состав преступления, квалификация преступлений.

THE IMPORTANCE OF A SELFISH MOTIVE FOR THE QUALIFICATION OF CRIMES AGAINST A PERSON'S PERSONAL FREEDOM

*Astamirova Lida Sultanovna
Scientific adviser: Osadchaya Natalia Georgievna*

Abstract: the article examines the importance of a selfish motive for the

correct qualification of crimes against a person's personal freedom. Attention is drawn to the fact that in law enforcement practice the most controversial are precisely the issues of determining the selfish motive of crimes against a person's personal freedom. As a result, the author gives a definition of a selfish motive, which is fully applicable both to a group of selfish crimes against a person's personal freedom, and crimes whose binding element in the mechanism is a selfish motive.

Keywords: *motive of crime, mercenary motive, crimes against personal freedom of a person, kidnapping, human trafficking, use of slave labor, subjective side of the crime, the composition of the crime, qualification of crimes.*

В современный период преступления против личной свободы человека, содержащие в структуре состава корыстный мотив, представляют особую угрозу, т.к. резкая имущественная дифференциация российского общества существенно расширила спектр корыстной мотивации. К данным преступлениям относятся квалифицированный вид похищения человека, торговля людьми, использование рабского труда.

Уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за преступления против личной свободы человека, характеризуются редакционными неточностями, что приводит к проблемам в их применении и квалификации [1, с. 107]. Анализ судебной практики по делам о преступлениях против личной свободы человека показывает, что имеются значительные затруднения при установлении признаков данных составов преступлений, а также разграничении со смежными противоправными деяниями. Ошибки, допускаемые правоприменителем, обуславливаются неоднозначностью в толковании признаков субъективной стороны состава преступления. Неправильное установление какого-либо из компонентов субъективной стороны состава преступления, в частности мотива, ведет к судебным ошибкам, что существенно затрудняет единообразное применение уголовного закона.

Мотив преступления не всегда включается законодателем в признаки его состава, хотя мотивация любого поведения всегда присутствует. На уровне закона происходит деление мотивов на юридически значимые для квалификации преступления и иные мотивы, которые приобретают правовой смысл при дальнейшей реализации уголовного закона (назначение наказания, иных мер уголовно-правового характера, освобождение от уголовной ответственности и наказания и др.) [2, с. 11].

Несмотря на то, что в УК РФ не закреплена дефиниция такого признака субъективной стороны, как мотив, в науке уголовного права дается достаточно много различных определений, помогающих судам максимально точно его интерпретировать. Так, по мнению авторов одного из учебников, мотив «преступления – это обусловленное определенными потребностями внутреннее побуждение и убеждение, которым субъект руководствовался при совершении преступления психологическая причина его деятельности по совершению данного деяния» [3, с. 163]. Таким образом, мотив преступления – центральный компонент оценки субъективной стороны. Его установление и правовая оценка – основная задача правоохранительных и правоприменительных органов. Мотив преступления играет важную роль для определения истинного содержания вины, для отграничения смежных составов преступлений, для дифференциации уголовной ответственности.

К одному из наиболее распространенных мотивов, обуславливающих совершение большей части преступлений, относится корысть. Как правило, корыстные мотивы состоят в стремлении человека к личной наживе, однако эти побуждения не исключены и там, где лицо стремится доставить незаконную материальную выгоду другим лицам, в судьбе которых оно так или иначе заинтересовано: родственникам, друзьям и т.д.

Нельзя не учитывать, что выявление корыстного мотива нередко представляет известные трудности, так как он может быть выражен нечетко, тем более что практически любое волевое действие лица, в том числе и преступное, порождается, не одним каким-либо побуждением в его рафинированном виде, а целым комплексом мотивов различного, нередко даже противоположного, содержания. Корыстный мотив преступления характеризуется следующими признаками:

- конкретизирует потребности, которые дополняются и обогащаются другими психологическими чертами и свойствами личности (интересами, стремлениями, влечениями, жизненными ориентациями);
- обозначает стремление к незаконному обогащению (корыстная потребность, которая ориентирована на получение личностью любого блага, удобств, выгоды (материальной и имущественной));
- предполагает усилия, направленные на завладение чужим имуществом или правом на имущество [4, с. 23].

Законодатель применяет понятие «корыстные побуждения» при конструировании следующих составов: п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ. В соответствии с разъяснениями постановления

Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» под квалификацию, предусмотренную «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ подпадают убийства в двух случаях. В первом – убийство совершается «в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц», во втором – «в целях избавления от материальных затрат» [5].

Применительно к п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ обозначенное выше понимание корысти позволяет выделить два основных аспекта: 1) стремление к личной наживе, выражающееся в желании обогатиться за счет незаконного изъятия чужого имущества (приобретение всякого рода имущественных благ); 2) стремление обеспечить имущественную выгоду другим лицам [6, с. 4]. В целях обеспечения единообразного применения судами норм уголовного законодательства Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъясняет, что «похищение человека квалифицируется по п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ (из корыстных побуждений), если оно совершено в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение и т.п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.), а равно по найму, обусловленному получением исполнителем преступления материального вознаграждения освобождением от материальных затрат [7].

Корыстный мотив содержится не только в п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ, но и в ст. 127.1 УК РФ, ст. 127.2 УК РФ. Выделение квалифицирующих признаков в структуре уголовно-правовой нормы свидетельствует о повышенной общественной опасности противоправного деяния, по сравнению с зафиксированным в основном составе преступления. Обстоятельства, доминирующие в преступной мотивации и характеризующие такие преступления как торговля людьми и использование рабского труда, проявившиеся непосредственно в корыстных побуждениях при их совершении, свидетельствуют о резком изменении степени общественной опасности содеянного. Поэтому «корыстные побуждения» должны быть признаны в качестве квалифицирующих признаков. Такое законодательное решение позволит обеспечить единообразное правовое регулирование однородных общественных отношений в области защиты личной свободы человека, т.к. специфика объекта уголовно-правовой охраны требует определить типичный набор квалифицирующих обстоятельств, сопутствующих однородных преступлений.

Для решения проблем уголовного законодательства в отношении корыстных преступлений против личной свободы человека необходимо привести единообразное понимание признака «корыстные побуждения». У корыстного побуждения отсутствует постоянный, одинаковый для корыстных преступлений против личной свободы человека, уголовно-правовой статус. Указанное обстоятельство диктует необходимость предусмотреть дифференциацию ответственности за торговлю людьми и использование рабского труда путем выделения в ч. 2 ст. 127.1 и ч. 2 ст. 127.2 УК РФ квалифицирующего признака, обозначающего корыстную направленность.

Результаты проведенного исследования позволяют следующим образом определить корыстный мотив – это побуждения, обусловленные потребностью в приобретении для себя или иных лиц материальных выгод, или избавлении от материальных затрат, вызывающие у виновного лица решимость совершить преступление. Указанное определение в полной мере применимо как к группе корыстных преступлений против личной свободы человека, так и преступлений, связующим элементом в механизме которых выступает корыстный мотив.

Список литературы

1. *Рogaва И.Г. Проблемы квалификации торговли людьми // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2015. – № 6 (61). – С. 107-110.*
2. *Гришина В.И. Правовая характеристика корыстного мотива // Вестник современных исследований. – 2021. – № 4-5(42). – С. 10-12.*
3. *Актуальные проблемы общей части уголовного права / Бохан А.П., Грошев А.В., Кейдунова Е.Р., Лавринов В.В., Литвяк Л.Г., Миллерова Е.А., Миллеров Е.В., Пащенко Е.А., Подройкина И.А., Серегина Е.В., Улезько С.И., Фаргиев И.А. Учебник. – М.: Проспект, 2020. – 544 с.*
4. *Курбанов Г.С. Мотив и мотивация в генезисе преступного поведения // Мониторинг правоприменения. 2018. № 4. – С. 22-25.*
5. *Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».*
6. *Тютюнник И.Г. Корыстный мотив в структуре преступлений против свободы личности: уголовно-правовой и криминологический анализ: монография. – М.: Юстицинформ, 2017. – С. 50.*
7. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека,*

незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

© Л.С. Астамирова, 2022.

ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА НЕВМЕНЯЕМОСТИ ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*Берестова Анна Андреевна,
студент 3 курса очной формы обучения юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Кравцова Елена Александровна,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** в статье раскрывается понятие и значение института невменяемости для квалификации преступлений, процедура признания лица невменяемым. Приведены статистические данные применения принудительных мер медицинского характера, которые показывают, что преступления, совершаемые лицами в состоянии невменяемости имеют высокую степень общественной опасности и вызывают особую озабоченность как в теории, так и на практике. На основе анализа различных точек зрения освещается проблематика определения невменяемости лица и привлечения его к уголовной ответственности в продолжаемых преступлениях, вносятся предложения для правильной квалификации таких деяний.*

***Ключевые слова:** уголовное право, состав преступления, невменяемость, продолжаемые преступления, судебная экспертиза.*

THE IMPORTANCE OF THE INSTITUTION OF INSANITY FOR THE QUALIFICATION OF CRIMES

*Berestova Anna Andreevna
Scientific adviser: Kravtsova Elena Alexandrovna*

***Abstract:** the article reveals the concept and significance of the institution of insanity for the qualification of crimes, the procedure for declaring a person insane. Statistical data on the use of compulsory medical measures are given, which show that crimes committed by persons in a state of insanity have a high*

degree of public danger and are of particular concern both in theory and in practice. Based on the analysis of various points of view, the problem of determining the insanity of a person and bringing him to criminal liability in ongoing crimes is highlighted, proposals are made for the correct qualification of such acts.

Keywords: *criminal law, corpus delicti, insanity, ongoing crimes, forensic examination.*

Каждый год в России фиксируется большое количество преступлений, среди которых значительную долю занимают преступления, совершенные лицами в состоянии невменяемости. Так по данным судебной статистики в 2021 году за совершенные преступления 7 642 человека были приговорены к принудительным мерам медицинского характера, причем среди них 367 преступлений были квалифицированы по ч. 1 ст. 105 УК РФ [1]. Указанные данные показывают, что преступления, совершаемые лицами в состоянии невменяемости, имеют высокую степень общественной опасности и вызывают особую озабоченность как в теории, так и на практике.

Однако на сегодняшний день правоприменитель сталкивается с некоторыми проблемами при квалификации преступлений, совершенных в состоянии невменяемости, а особенно если совершено так называемое продолжаемое преступление. В теории уголовного права так же возникает не мало противоречий при обсуждении рассматриваемого вопроса.

Так, многие правоведы дают свои определения невменяемости. Например, С.В. Шишков считает, что невменяемость – состояние, которое полностью исключает собой вину и уголовную ответственность, а не отсутствие способности лица осознавать во время совершения преступления характер и общественную опасность совершаемого деяния или контролировать ими [2, с. 25].

В.Г. Павлов же утверждает, что невменяемость – разные виды болезненных психических расстройств лица, причиняющие или могущие причинить в момент совершения общественно опасного деяния ущерб общественным отношениям, которые охраняются уголовным законом, при отсутствии у него возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих деяний либо руководить ими, что исключает признание этого лица в качестве субъекта преступления и виновность его, а также привлечение к уголовной ответственности и назначение ему справедливого наказания [3, с. 107].

Не смотря на разные точки зрения, понятие невменяемости все же сводится к тому, что должна быть установлена связь между наличием у лица психических расстройств и неспособностью осознавать фактический характер своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения преступления. В настоящее время высока доля преступников, имеющих какие-либо симптомы психических расстройств, но сам по себе факт наличия у лица тех или иных психических отклонений не означает, что лицо невменяемо. В связи с этим российское уголовное право исходя из презумпции вменяемости, в обязательном порядке устанавливает обязанности подтверждения данного факта следственно-судебными органами.

Для установления невменяемости лица уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает обязательное назначение судебной экспертизы. В частности, она производится в случаях, описанных в п. 3, 3.1 и 3.2 ст. 196 УПК РФ, когда необходимо установить:

- психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве, в том числе его нуждаемость в лечении в стационарных условиях;

- психическое состояние подозреваемого, обвиняемого в совершении в возрасте старше восемнадцати лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии);

- психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией [4].

Судебная экспертиза проводится специалистами в области психиатрии – психиатрами-экспертами или комиссиями экспертов, которые уполномочены лишь дать заключение о наличии у лица того или иного психического расстройства, то есть поставить соответствующий диагноз. Признать же лицо невменяемым может только суд, поскольку понятие невменяемости является юридической категорией и для ее установления необходимо подтвердить факт совершения лицом, страдающим психическим расстройством, общественно опасного деяния, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации, и способность действовать осознанно, отдавать себе отчет о своих действиях

(бездействии) в момент совершения преступления. Этот тезис подтверждается правоприменительной практикой – в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 марта 2010 г. №53-О10-2 указано, что разрешение вопроса о вменяемости подсудимого находится в исключительной компетенции суда, который с учетом имеющихся в материалах дела данных и поведения подсудимого в судебном заседании принимает решение о вменяемости (невменяемости) подсудимого либо о назначении новой судебно-психиатрической экспертизы в случае, если суд приходит к выводу, что ранее проведенная экспертиза является недостаточно обоснованной и имеются основания сомневаться в психической полноценности подсудимого [5].

При вынесении судом определения о невменяемости лица, совершившего преступление, он перестает быть субъектом преступления, следовательно, исчезает и весь состав преступления. Следовательно, такое лицо не подлежит уголовной ответственности. В силу части второй ст. 21 УК РФ лицу, совершившему предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера.

Запрет на привлечение невменяемого лица к уголовной ответственности полностью целесообразен, так как он отвечает принципам гуманизма и социальной справедливости российского уголовного права. Также важно отметить, что если лицо заболело психическим расстройством после совершения общественно опасного деяния, то оно невменяемым не признается, но при этом к нему тоже не могут быть применены меры уголовно-правового характера. Сначала необходимо применение принудительных мер медицинского характера, а уже после выздоровления лица допустимо применение уголовного наказания.

Сложным в правоприменительной практике является вопрос об определении невменяемости лица и привлечения его к уголовной ответственности в продолжаемых преступлениях, поскольку здесь нужно учитывать состояние лица в течение всего преступного акта. Исходя из общих положений законодательства о невменяемости и теоретических знаниях о продолжаемых преступлениях, можно сделать вывод о том, что если лицо осознает фактический характер своих действий (бездействия), то началом продолжаемого преступления будет считаться первое общественно опасное действие (бездействие), а концом – последнее задуманное действие (бездействие); в обратном же случае, когда лицо не осознает фактический характер своих действий (бездействия), началом

продолжаемого общественно опасного деяния будет совершение первого действия (бездействия), а концом – момент причинения уголовно значимого вреда охраняемым законом общественным отношениям.

Когда лицо страдает хроническим психическим расстройством, то вопрос квалификации в продолжаемых преступлениях решен – лицу назначаются принудительные меры медицинского характера. Однако состояние невменяемости может носить и временный характер. Если лицо начинало преступление в таком состоянии, а закончило уже вменяемым, то тут на лицо признаки умышленного деяния. А вот если расстройства наступили в момент окончания продолжаемого преступления, какие меры тогда должны быть применены к такому лицу.

По мнению В.И. Морозова и В.В. Галкина данную проблему необходимо решать следующим образом: «если на момент начала совершения продолжаемого преступления лицо находилось в нормальном психическом состоянии, а в дальнейшем психическое состояние лица ухудшилось, и оно перестало осознавать фактический характер своих действий (бездействия) и руководить ими, задуманное не было доведено до конца, то лицо признается вменяемым, а содеянное будет квалифицироваться как покушение на причинение того или иного вреда; если лицо на момент начала продолжаемого преступления страдало психическим расстройством и не могло осознавать фактический характер своих действий (бездействия) и руководить ими, а в последующем его состояние улучшилось, но оно не отказалось от совершения начатого ранее преступления, такое лицо будет признано вменяемым, а содеянное будет квалифицироваться как оконченное преступление, важно также заметить, что учитываться будет только тот вред, что был причинен во вменяемом состоянии, в отношении остального вреда лицо будет признаваться невменяемым» [6, с. 51-52].

Исходя из вышеизложенного привлекать такого лица, у которого происходило чередование состояния вменяемости и невменяемости в продолжаемых преступлениях необходимо по преобладающему количеству того или иного состояния. Однако если даже лицо большую часть находилось в невменяемом состоянии, а наибольший вред причинило во вменяемом состоянии, то это факт остается без внимания, что в свою очередь нарушает принцип справедливости.

В связи с этим, считаем целесообразным согласиться с вышеуказанным мнением по поводу квалификации продолжаемых преступлений при признании лица невменяемым в начале либо в конце общественно опасного деяния. Однако в ситуации чередования таких

состояний стоит проводить квалификацию с учетом всех временных промежутков нахождения лица в том или ином состоянии, так как преобладание состояния невменяемости не должно означать полное исключение уголовной ответственности.

Таким образом, институт невменяемости имеет большое значение для определения наличия признаков субъекта преступления и последующего наличия состава преступления. Очень важным является вопрос об определении вменяемости (невменяемости) лица в продолжаемых преступлениях, так как от этого зависит факт привлечения лица к уголовной ответственности и последующее назначение наказания. При совершении продолжаемого преступления необходимо учитывать каждый акт поведения – любое изменение психического состояния лица должно поддаваться самостоятельной уголовно-правовой оценке для установления вменяемости (невменяемости) лица. В случае с установлением невменяемости состав преступления отсутствует, следовательно, нет и преступления, поэтому лицо, совершившее общественно опасное деяние, не будет подлежать уголовной ответственности, по решению суда при наличии угрозы для общества к такому лицу применяются принудительные меры медицинского характера.

Список литературы

1. Судебная статистика РФ: Уголовное судопроизводство Данные о назначенном наказании по статьям УК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://stat.apu-пресс.рф/> (20.10.2022)
2. Шишков С.В. Понятия «вменяемость» и «невменяемость» в следственной судебной и экспертной практике // Законность. – М., 2019 – № 2 – С. 25-29.
3. Павлов В.Г. Субъект преступления // СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». – 2016. – 295 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №74-ФЗ (в актуальной редакции) // СПС «Консультант Плюс».
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 марта 2010 г. №53-О10-2 // СПС «Гарант».
6. Морозов В.И., Галкин В.В. Характеристика темпорального признака юридического критерия невменяемости // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2019. - № 3. - С. 44–54.

© А.А. Берестова, 2022.

УДК: 343.13

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ «ОБЫСКА В ЖИЛИЩЕ»

*Биналиев Алихан Азалхонович,
Магистрант
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Полтавцева Лариса Ивановна,
профессор, д. ю. н., профессор
кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** Статья посвящена рассмотрению составляющих терминологической конструкции «обыск в жилище». Проблемным аспектом в настоящее время представляется отсутствие законодательного закрепления понятия обыск. Кроме того, бланкетная формулировка определения «жилища» на практике вызывает множество трудностей. На основе анализа конституционного, отраслевого законодательства, а также научной литературы интерпретируются понятия «обыск» и «жилище».*

***Ключевые слова:** обыск, жилище, выемка, обыск в жилище, место жительства, жилищный фонд.*

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT AND ESSENCE OF A "SEARCH IN A DWELLING"

*Binaliev Alikhan Azalkhonovich
Scientific adviser: Poltavtseva Larisa Ivanovna*

***Abstract:** The article is devoted to the consideration of the components of the terminological construction "house search". A problematic aspect at the present time is the lack of legislative consolidation of the concept of search. In addition, the blanket wording of the definition of "dwelling" in practice causes many difficulties. It seems appropriate to analyze the constitutional, sectoral legislation, as well as scientific literature in order to interpret the concepts of*

"search" and "dwelling".

Keywords: *Search, dwelling, seizure, search in a dwelling, place of residence, housing stock.*

Нормами уголовно-процессуального законодательства регламентированы основания и порядок производства обыска (ст. 182 УПК РФ). В свою очередь, обыск в жилых помещениях имеет свою специфику, всестороннее изучение которой, безусловно, представляется необходимым в контексте данного исследования. Особый интерес вызывает понятийный аппарат составляющих данного института (обыск, жилое помещение).

В настоящее время обыск представляет собой такой способ получения доказательств по существу уголовного дела, который оказывает решающую роль в расследовании. Так, производство обыска в жилых помещениях достаточно трудоемко, требует специальных знаний, а также представляет собой психологическую нагрузку для всех участников следственного действия. Несмотря на то, что обыск является одним из результативных следственных действий, его толкование на законодательном уровне отсутствует. Тем не менее, анализ научной литературы позволяет сделать вывод о многополярности существующих мнений в области понимания обыска. Данный факт обуславливает неоднозначность интерпретации данного термина.

Так, А.Б. Соколов трактует это понятие следующим образом: «обыск представляет собой следственное действие, содержанием которого является принудительное обследование каких-либо объектов или лиц в целях обнаружения и изъятий орудий преступления, предметов, документов, ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела» [1, с. 273].

В свою очередь, Ю.К. Якимович считает, что обыском признается «изъятие орудий преступления, предметов и ценностей, добытых преступным путем» [2, с. 428].

С.А. Шейфер в качестве одного из ключевых признаков обыска выделяет его принудительность, т.е. обыск заключается в принудительном обследовании, основанном на наблюдении и осуществляемым в установленном уголовно-процессуальном порядке в целях выявления вещественных доказательств [3, с.67].

Анализируя мнения А.Б. Соколова, Ю.К. Якимовича, С.А. Шейфер, можно прийти к выводу о том, что их интерпретации «обыска» не являются исчерпывающими. Поэтому представляется целесообразным под данным термином понимать следственное действие, выраженное в

принудительном обследовании объектов или лиц с целью выявления, обнаружения и изъятия предметов, ценностей, документов, имеющих особое значение для разрешения уголовного дела.

Проблемным аспектом данного вида следственного действия является его сходство с выемкой, но последняя имеет свои отличительные особенности. Поэтому, несмотря на схожие признаки обыска и выемки, целесообразно выделить их существенные отличия, которые помогают определять их как два самостоятельных института.

Так, в ст. 182-183 УПК РФ устанавливает в качестве отличительного признака обыска и выемки – характер основания для их проведения. Для производства обыска достаточно предположения о наличии в определенном месте или у конкретного лица искомых объектов, тогда как выемка осуществляется только на основании точной достоверной информации, позволяющей сделать категоричный вывод об изъятии объекта.

Для того, чтобы интерпретировать терминологическую конструкцию «обыск жилища», необходимо дать определение не только термину «обыск», но и понятию «жилище». Анализ конституционных норм российского государства позволяет сделать вывод о том, что Основной закон закрепляет право на жилище в ст. 40. Тем не менее, трактовка термина «жилище» в Конституции не предусмотрена. Парадоксальным представляется и различное видение рассматриваемого права на жилище в международно-правовых актах и конституционном праве России. В отличие от российского законодательства, международное сообщество придает особое значение праву на жилище. Данная категория используется в качестве характеристики права человека на достойную жизнь.

Поскольку основным законом интерпретация термина «жилище» не предусмотрено, представляется целесообразным обратиться к отраслевому законодательству. Так, Гражданский кодекс РФ в ч.1 ст. 20 дает толкование «места жительства». Под данным термином понимается «место, где постоянно или преимущественно проживает гражданин». Кроме того, гражданское законодательство конкретизирует понятие «место жительства несовершеннолетних», согласно которому таковым признается место жительства их законных представителей, родителей, усыновителей и опекунов (ч.2 ст. 20 ГК РФ).

Уголовно-процессуальный кодекс в п.10 ст. 5 закрепляет терминологическую конструкцию «жилище». Так, оно представляет собой «индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности,

входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания». Стоит отметить, что на практике применение данного определения вызывает некоторые трудности, прежде всего, в виду того, что данная норма содержит отсылки к жилищному законодательству (в частности, к п. 3-4 ст. 15, ст. 16 и п. 1 ст. 19 ЖК РФ).

Еще одним недостатком бланкетного определения жилища является во многом искусственное ограничение круга объектов. Таким образом, достаточно трудно определить, возможно ли признать жилищем дачный дом, трейлер или автоприцеп. В данном случае целесообразно обратиться к Определению Конституционного Суда от 12 мая 2005 г. № 166-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Котовой Е.С., в котором указывается, что нежилые помещения и строения могут быть отнесены к категории жилища, если установлен факт временного проживания.

Важно заметить, что если считать «жилищем» только жилье, отвечающее строительным, санитарным и иным нормативам и стандартам, то будут нарушаться права жителей на неприкосновенность жилища, а также на свободу передвижения и выбора места жительства, в зависимости от имущественного положения обыскиваемого. Очевидно, принадлежность к жилищам любого помещения, входящего в жилищный фонд, законодателем презюмируется.

Таким образом, проведенный анализ составляющих терминологической конструкции «обыск в жилище» позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на отсутствие законодательной интерпретации понятия «обыск», данный термин не остался без внимания ученых-криминалистов, что послужило детерминантом многополярности мнений относительно трактовки данного термина. В современных правовых реалиях это создает определенные трудности на практике. В настоящем исследовании была предложена иная интерпретация «обыска», которая представляется исчерпывающей.

В свою очередь, толкование понятия «жилище» предусматривается Уголовно-исполнительным кодексом РФ. Тем не менее, недостатком выступает бланкетная формулировка данного термина, которая содержит отсылки к административному и жилищному законодательству. Таким образом, представляется целесообразным дополнить Жилищный кодекс понятием «жилище», раскрывающего всю его сущность и особенности, с последующим изъятием его интерпретаций из других законодательных

актов.

Аккумулируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. К числу актуальных проблем, требующих обстоятельного исследования, стоит относить понятийный аппарат терминологической конструкции «обыск в жилище». Кроме того, представляется необходимым сформулировать отличительные признаки обыска, отграничивающие его от смежных следственных действий.

Список литературы

1. Соколов А. Б. *К вопросу о понятии и сущности обыска в жилище // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: материалы международной научно-практической конференции. Омск, 24 марта 2016 года. – С. 234-238.*
2. *Уголовно-процессуальное право: учебник / Под ред. Якимович Ю.К. – Спб.: Юрид. центр Пресс, 2007. – 888с.*
3. Шейфер С.А. *Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение: монография / С.А. Шейфер. – Самара: Изд-во Самар. Гуманит. Акад., 2008. – 168с.*

© А.А. Биналиев, 2022.

УДК: 330

**ПРОБЛЕМЫ СОСТОЯНИЯ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ
УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ
СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК
В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН**

Бобрышова Надежда Романовна,
аспирант

ФГБОУ ВО

«Ростовский государственный экономический университет»

Научный руководитель:
Улезько Сергей Иванович

д.ю.н., профессор

ФГБОУ ВО

«Ростовский государственный экономический университет»

Аннотация: *нынешнее состояние статистических показателей женской преступности в государстве за последние годы имеет дифференцированную характеристику по количественным показателям и содержательной характеристике. Данная тенденция обусловлена во многом внешними проявлениями экономического характера, что приводит к деградации нравственных устоев и деформированию морального облика, личностных ориентиров. Преимущественным видом наказания, применяемым вследствие совершения преступлений, является лишение свободы. Таким образом, в статье будут рассмотрены и охарактеризованы проблемы состояния практики применения уголовного наказания в виде лишения свободы на определенный срок в отношении женщин с опорой на аналитику различных показателей, а также будут проанализированы причины происходящих трансформационных процессов и текущее состояние статистики по рассматриваемой в статье теме.*

Ключевые слова: *женская преступность, лишение свободы, особенности лишения свободы, анализ применения наказания в виде лишения свободы, тенденции наказуемости женской преступности*

PROBLEMS OF THE STATE OF THE PRACTICE OF APPLYING CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF IMPRISONMENT FOR A CERTAIN PERIOD AGAINST WOMEN

Bobryshova Nadezhda Romanovna

Scientific supervisor: Ulezko Sergey Ivanovich

Abstract: *the current state of statistical indicators of female crime in the state in recent years has a differentiated characteristic in terms of quantitative indicators and substantive characteristics. This trend is largely due to external manifestations of an economic nature, which leads to the degradation of moral foundations and the deformation of moral character, personal orientations. The predominant type of punishment applied as a result of the commission of crimes is deprivation of liberty. Thus, the article will consider and characterize the problems of the state of the practice of applying criminal punishment in the form of imprisonment for a certain period against women based on the analysis of various indicators, and will also analyze the causes of the ongoing transformation processes and the current state of statistics on the topic under consideration in the article.*

Keywords: *female crime, deprivation of liberty, features of deprivation of liberty, analysis of the use of punishment in the form of deprivation of liberty, trends in the punishability of female crime.*

Последние исследования в области особенностей существования женской преступности концентрируют свое внимание преимущественно на рассмотрении не общих теоретических вопросов, а конкретных особенностей применений наказания за совершение преступлений, в частности, применения наказания в виде лишения свободы.

Говоря о количественных показателях, следует отметить, что на 2021-2022 год количественная статистика женской преступности в России к общему совокупному объему составляет не более 20%, однако это не является показателем того, что женская преступность не является важной проблемой, поскольку из всех видов наказаний, применяемых в отношении женщин, лишение свободы составляет более 80%.

В Российской Федерации конституционно закреплено равенство всех людей независимо от пола, при этом анализ пенитенциарных тенденций в отношении женщин позволяет говорить о том, что правовое положение женщин в российском правовом поле обладает определенными особенностями, а именно, следует отметить гуманизационный характер

назначения наказания и условий его отбывания в отношении женщин.

Кроме того, анализ современного состояния применения наказания в виде лишения свободы позволяет сделать вывод о планомерности проводимой гуманизационной политики в отношении назначения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин.

Если еще десять лет назад (до 2003 года) особо опасный рецидив предполагал отбывание наказания в виде лишения свободы в условиях колонии строгого режима, то на сегодняшний день данная норма смягчена и совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также рецидивная преступность предусматривает отбывание наказания в колонии общего режима.

Большой объем послаблений в отношении уголовной ответственности женщин связан с наличием беременности и несовершеннолетних детей.

Так, статья 79 УК РФ дополнена положением, предусматривающим возможность применения института УДО в отношении женщины при условии отбытия не менее $\frac{1}{4}$ всего срока наказания при условии установленного факта беременности или в случае наличия ребенка, которому на момент соблюдения условий для применения процедуры УДО не исполнилось трех лет [1].

Аналогичным примером гуманизационной политики является дополнение статьи 80 УК РФ, позволяющей при соблюдении аналогичных вышеописанных условий воспользоваться правом замены оставшейся части срока на иной более мягкий вид наказания.

Согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, к числу основных направлений развития современной уголовно-исполнительной системы относится «учет особенностей содержания отдельных категорий осужденных, подозреваемых и обвиняемых, в том числе женщин» [2].

В рамках анализа системы гуманизации назначения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин ее эффективность следует проанализировать на примере статистической отчетности (рисунок 1) [4].

Согласно статистическим сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 10 лет трансформации системы уголовно-правовой ответственности в отношении женщин отмечается положительная динамика сокращения численности осужденных женщин, однако динамика назначения наказаний в виде лишения свободы значительных успехов не показывает.

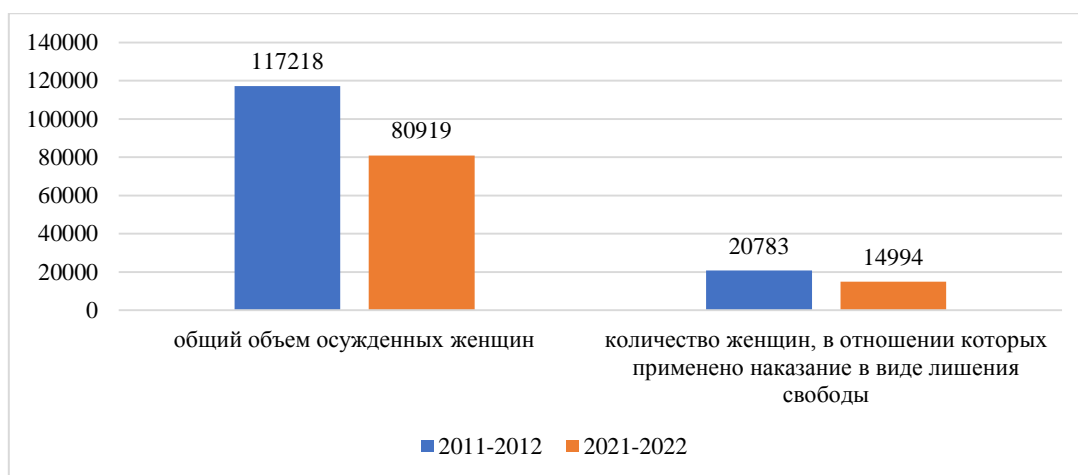

Рисунок 1. Статистика женской преступности

Анализируя зарубежные статистические данные и сопоставляя их с отечественными, можно сказать, что преобладающая численность мужской преступности в совокупном объеме совершаемых преступлений является повсеместной актуальной тенденцией.

При этом, надо отметить, что количественный показатель в среднем по мировым меркам является однородным, что является особенностью женской преступности. Об этом также свидетельствует и аналитика, согласно которой за последние 10 лет в России усредненный количественный показатель доли женской преступности колеблется в пределах 15-20%. Помимо этого, важной особенностью женской преступности является ее цикличность роста и спада динамики, обусловленной, преимущественно, социально-экономическими факторами, то есть усилению данной тенденции также будет способствовать и трудности экономической составляющей жизнедеятельности, что влечет к снижению привычного и удобоваримого для женщины уровня жизни. В таком случае, корыстный мотив, движимый женщиной, будет способствовать увеличению совершаемых преступлений [3].

Российская уголовная юстиция отличается гуманным подходом к привлечению женщин к уголовной ответственности, предоставляя им правовые преимущества, создавая благоприятный режим отбывания наказания. Полагаем, что законодатель преследует цели, стимулирующие их к исправлению, и компенсационные цели в отношении женщин, преступивших закон.

Список литературы

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 31.07.2020 № 260-ФЗ // СЗ РФ. – 2020. – № 31, ст. 5019.
2. Концепция развития уголовно-исполнительной системы

Российской Федерации на период до 2030 года: утвержден распоряжением Правительства Рос. Федерации от 29.04.2021 № 1138-р // СЗ РФ. – 2021. – № 20, ст. 3397.

3. *Караманукян Д. Т. Законодательные предпосылки гендерной дискриминации в Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. – 2019. – №1. – С. 6-12.*

4. *Федотова Е.Н. Современное состояние практики применения уголовного наказания в виде лишения свободы на определенный срок в отношении женщин // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2022. – №9. – С. 12-21.*

© Н.Р. Бобрышова, 2022.

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
СОВЕРШАЕМЫЕ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ**

*Валуев Тельман Витальевич,
Магистрант
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Фоменко Ирина Владимировна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: в статье были исследованы генезис и динамика развития норм уголовного законодательства России, предусматривающего ответственность за противоправные деяния, совершаемые в состоянии алкогольного опьянения. Были изучены нормативно-правовые акты дореволюционного периода. Проведя криминологический и социально-правовой анализ антиалкогольной политики, автор приходит к выводу, что в России ситуация с алкоголем начала XXI века подразумевает усиление остроты проблемы и расширение масштабов «пьяных» правонарушений.

Ключевые слова: пьянство, алкоголизм, алкоголизация, состояние опьянения, причины и условия преступности, предупреждение преступности.

**HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN CRIMINAL
LEGISLATION ON RESPONSIBILITY FOR CRIMES COMMITTED
IN THE STATE OF DRUNK**

*Valuev Telman Vitalievich
Scientific adviser: Fomenko Irina Vladimirovna*

Abstract: The author has researched and studied the genesis and dynamics of the development of the norms of the criminal legislation of Russia

providing for legal liability for illegal acts committed while intoxicated. The legal acts of the pre-revolutionary period were studied. After conducting a criminological and socio-legal analysis of anti-alcohol policy, the author comes to the conclusion that in Russia the situation with alcohol at the beginning of the 21st century implies an increase in the severity of the problem and an increase in the scale of "drunk" offenses.

Key words: *drunkenness, alcoholism, alcoholization, state of intoxication, causes and conditions of crime, crime prevention.*

Преступность представляет собой асоциальный феномен, борьба с которым выступает одним из главных направлений государственной политики. Как асоциальное явление преступность свидетельствует о государственных, национальных, региональных, культурных, социально-экономических, политических проблемах в обществе. Данный тезис относится к противоправным деяниям, совершаемым в результате опьянения. Опьянение, как таковое, формирует множество проблем, наносящих существенный ущерб личности, обществу и государству.

Действующие общесоциальные превентивные меры в отношении наркомании и алкоголизма не способны в полной мере охватить все слои населения, негативные тенденции продолжают распространяться отражаться на криминальных показателях.

В настоящее время в нашей стране наблюдается рост уровня насильственной преступности в связи с злоупотреблением алкоголем. Процесс алкоголизации граждан становится независимым и весомым фактором обострения криминогенной ситуации в государстве.

Законодатель всегда учитывал нахождение в состоянии алкогольного опьянения, связывая содеянное и возникающие правовые последствия.

Так, в Соборном уложении 1649 года (далее - Уложение) (имело юридическую силу практически 200 лет), состояние алкогольного опьянения не освобождало от ответственности за совершенное противоправное деяние, как и не являлось смягчающим обстоятельством.

На основании статьи 71 Соборного Уложения, в случае если убийцей являлся боярский сын, или сын его, или племянник, или приказчик чьего крестьянина, а после допроса (пытки) этот убийца начнет говорить, что он убил в драке, а не с умыслом или пьяным делом, то у того сына боярского из его поместья забрать лучшего крестьянина с женой и с детьми, живущими с ним, и со всеми животными отдать в крестьяне тому помещику, у которого крестьянина убили, а жену убитого крестьянина с

детьми и с животными у того помещика, у которого крестьянина убили, не забирать [1, с. 98].

Анализ данных норм позволяет сделать вывод, что на квалификацию убийства и применяемую санкцию оказывало влияние наличия или отсутствия умысла, а также социальный статус обвиняемого. Состояние опьянения не могло освободить преступника от ответственности, однако деяние считалось неумышленным. В свою очередь отсутствие умысла смягчало вину. Когда имелся прямой умысел, социальное положение не имело значения и преступника судили по ст. 72 Уложения, применяя санкцию в виде казни.

Ответственность за совершенное в состоянии алкогольного опьянения убийство назначалось на основании социального положения жертвы и преступника. В соответствии со ст. 17 главы XXII, называемой «Указ за какие вины кому чинить смертную казнь и за какие вины смертью не казнить, а чинить наказанье» опьянение рассматривалось в качестве обстоятельства, которое сопутствовало реализации задуманного [2, с. 56].

Итак, Соборное Уложение 1649 г. учитывало состояние опьянения и умысел при назначении наказания. Важно отметить, что законодатель рассматривал опьянение не только как обстоятельство совершения преступления, но и непосредственно как преступное деяние. Например, ст. 1-10 XXV главы Уложения «Указ о корчмах» фиксировали собой правовые последствия за корчемство – изготовление и распространение, путем реализации за вознаграждение (имущественного и неимущественного характера) алкогольных напитков частными лицами, в то время как на реализацию алкоголя действовала государственная монополия.

Санкция применялась также к лицам, которые употребляли алкогольные напитки, приобретенные незаконно, но при даче показаний о продавцах и деятельном раскаянии, такие лица могли быть освобождены от наказания.

Таким образом, дореволюционный период законодатель не причислял состояние алкогольного опьянения обстоятельством, которое каким-либо образом смягчало, либо освобождало лицо от правовой ответственности за совершенное противоправное деяние. Последующее развитие института привлечения к уголовной ответственности, в том числе в состоянии алкогольного опьянения, связано с принятым в 1715 году воинским Артикулом. Так, в соответствии со ст. 43 Воинского Устава Петра I «когда кто пьян напьется и в пьянстве своем зло решит, тогда тот не токмо чтобы в том извинения получил, но по вине вящею жестоко наказуем имеет быть» [2, с. 57].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. встречается особая норма, ст. 106, где раскрывается взаимосвязь простого опьянения и ответственности, а именно – влияние этих факторов друг на друга. Речь идет об умышленном и намеренном, а также неумышленном и ненамеренном состоянии опьянения. Намеренное пьянство подразумевало под собой следующее: лицо целенаправленно допустило состояние алкогольного опьянения, намереваясь совершить противоправное деяние. В таком случае применялась высшая мера наказания. Соответственно ненамеренное опьянение в соответствии с ч. 2 ст. 106 не влияло на меру наказания [3, с. 259].

Особенная часть Уложения данную норму сохранила, некоторые статьи даже устанавливали опьянение как смягчающее обстоятельство. Что касается Устава о наказаниях, то алкогольное опьянение как противоправное деяние последним не рассматривалось вовсе, и мировой суд руководствовался только Уложением.

Наряду с этим также, как и последний не включал в себя само по себе противоправное деяние в виде алкогольного опьянения и, следовательно, правовые последствия за его совершение Воинский уголовный устав. В Устав входили 24 главы и 209 статей, где перечислялись преступления и применяемые к ним санкции. Документ включал не только уголовно-правовые нормы, но и сугубо военные правила, что обуславливает актуальность дискуссий о сфере правового регулирования Воинского артикула. Конечно же Воинский устав не прекратил действие Соборного уложения 1649 г., его использовали наряду с Уложением пока не был принят Свод законов Российской Империи.

Стоит отметить, что в Артикуле воинском законодатель определенно четко решил вопрос о том, как влияет алкогольное опьянение на степень и тяжесть последствий правового характера за совершение данного противоправного деяния, а именно называет его отягчающим обстоятельством.

Иначе состояние опьянение никак не учитывалось при выборе наказания, а в некоторых ситуациях и вовсе его смягчало. Например, если лицо оскорбило государя императора, даже заочно, оно лишалось любого имущества и статуса, отправлялось в ссылку на длительный период. Однако, то же оскорбление в состоянии опьянения без прямого умысла, влекло заключение в смиренном доме до одного года. Позднее в законодательстве наблюдалась тенденция ужесточения уголовно-правовой ответственности за преступления, совершаемые в состоянии алкогольного опьянения. Так, ст. 113 Свода законов 1834 года устанавливала, что

каждый, кто совершает преступление будучи опьяненным – виновен. Тем не менее, Свод разграничивал умысел как фактор смягчения наказания. Интересен тот факт, что законодатель ввел понятие «намеренного опьянения» при котором лицо целенаправленно достигало эффекта алкогольного опьянения, цель которого была направлена на совершение преступного деяния. Такие преступления предусматривали применение высшей меры наказания.

Несмотря на тот факт, что до конца XIX века действовало правило общей превенции для предотвращения преступности, судебная практика свидетельствовала о применении более мягких санкций к лицам, которые совершали преступления, будучи в опьянении.

Такое положение обуславливалось прямой заинтересованностью государства в алкоголизации граждан по экономическим и политическим причинам. Борьба с алкоголизмом носила фиктивный характер. После Октября 1917 г. правительство стремилось пресечь любую преступность, связанную с алкоголем, появился «сухой» закон, а также распитие алкогольной продукции в местах, являющихся общественными – стало уголовно наказуемым преступлением.

В Декрете СНК от 19 декабря 1919 г. «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ» отражаются направления политики советского правительства, раскрывается стратегия борьбы с алкоголизмом. Можно сделать вывод, что первоначальное советское уголовное законодательство наказывало за непосредственное употребление алкоголя. Первый Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. не включал особенных норм, регулирующих вопросы уголовной ответственности за преступления в состоянии опьянения. Однако, в ст. 17 раскрывалось понятие невменяемости и указывалось, что данная статья не действует для лиц в состоянии опьянения.

В Советское время правоведы неоднозначно толковали эту статью, т.к. были случаи, когда преступников признавали невменяемыми в связи с опьянением. Вместе с тем изначально уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик 1924 года, так же как и Руководящие начала 1919 года, вообще не уделяли внимания аспекту влияния опьянения на меру ответственности и применяемые санкции [4, с. 172]. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. внес значимую норму – ст. 11, согласно которой лицо, совершившее противоправное деяние в состоянии невменяемости, не подлежит уголовной ответственности за совершение данного преступления. Однако, статья имела примечания, где указывалось

исключение действия данной нормы для лиц, находящихся под воздействием опьяняющих веществ.

Именно то обстоятельство, что исключение находилось в примечании, а не непосредственно в самой статье, повлекло теоретические предположения о медицинском и юридическом критериях невменяемости. При этом законодатель никак не отразил аспект влияния опьянения на выбор санкции. Только в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года вопрос уголовной ответственности за преступления в состоянии опьянения был проработан детально, что отразилось и в дальнейшем развитии законодательства.

Ст. 12 Основ и ст. 12 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года устанавливала: лица, совершившие противоправное деяние во время нахождения под действием веществ, вызывающих опьянение, не подлежат освобождению от наказания. Однако, п. 10 ст. 39 УК 1960 года наделял судью правом учесть характер преступного деяния и рассмотреть опьянение как отягчающее обстоятельство. Аналогичные нормы установлены в Уголовном кодексе РФ 1996 года.

Таким образом, анализ развития отечественного законодательства позволяет сделать вывод об отсутствии последовательности в оценке влияния состояния опьянения на уголовную ответственность в зависимости от исторического периода. Так, Соборное Уложение 1649 года рассматривало опьянение как смягчающее обстоятельство, а при прямом умысле становилось отягчающим обстоятельством. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года опьянение устанавливал как отягчающее вину обстоятельство.

Сегодня легального определения дефиниции «опьянение» законодатель не предложил. Единого мнения относительно данного понятия в правовой науке не сложилось. Представляется, что под опьянением следует понимать модернизацию психологического и физического состояния личности, ввиду употребления последним алкогольной, наркотической, психотропной и иной изменяющей сознание продукции. Вместе с тем, состояние опьянения рассматривается как дополнительное отягчающее обстоятельство (ч. 1.1 ст. 63 УК РФ), а также является основным признаком состава для нарушения правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ), является квалифицирующим признаком нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ).

Список литературы

1. Елесева С.Ю. К вопросу об уголовно-правовых мерах предупреждения преступлений, совершаемых в состоянии опьянения // *Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сборник материалов конференции.* – М., 2019. – С. 97-99.

2. Заиграева Е.И. Проблемные вопросы уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения // *Проблемы становления гражданского общества: сборник статей VIII Международной научной студенческой конференции.* – Иркутск, 2020. – С. 54-57.

3. Лысякова Н.А., Балдандоржиева Ц.Т., Гармышев Я.В. Уголовно-правовая оценка совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения // *Безопасность-2019: материалы докладов XXIV Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием «Проблемы экологической и промышленной безопасности современного мира».* – М., 2019. – С. 259-260.

4. Шайтарова Е.И. Проблемы вменяемости и ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения // *Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания: Сборник статей III Международной научно-практической конференции / Под ред. Н.В. Пантелевой.* – Могилев, 2020. – С. 171-173.

© Т.В. Валуев, 2022.

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ

*Висарханова Аминат Мовсаровна,
Магистрант 3 курса
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Демидченко Юрий Викторович,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: в статье рассматриваются формы взаимодействия следователя с органами дознания. Дается определение категории «формы взаимодействия». Называются и раскрываются такие формы, как процессуальная и непроцессуальная.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, формы взаимодействия, следователь, орган дознания.

FORMS OF INTERACTION OF THE INVESTIGATOR WITH INTERESTING BODIES

*Visarkhanova Aminat Movsarovna
Scientific adviser: Demidchenko Yury Viktorovich*

Abstract: the article discusses the forms of interaction between the investigator and the bodies of inquiry. The definition of the category "forms of interaction" is given. Such forms as procedural and non-procedural are named and disclosed.

Key words: criminal proceedings, forms of interaction, investigator, body of inquiry.

Вопрос о формах взаимодействия следователя с органами дознания является весьма дискуссионным.

Если обратиться к толковым словарям, то форма трактуется как:

«способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его выражением» [1], «установленный способ, порядок совершения чего-нибудь» [2], «тип, устройство, способ организации чего-либо» [3].

Категория «формы взаимодействия» в юридической литературе трактуется по-разному: «совместная деятельность... при производстве следственных действий» [4, с. 52-53], «комплекс совместных, согласованных действий следователя и органа дознания» [5, с. 20].

Применительно к «форме взаимодействия следователя с органами дознания», И.Ф. Герасимов отмечал, что под формами взаимодействия следователя с органами дознания: «понимаются такие способы и порядок связей между ними, которые обеспечивают согласованность их деятельности и правильное сочетание присущих каждому из этих органов полномочий, методов и средств работы» [6, с. 132].

По мнению А.М. Ларина и А.Н. Балашова, «формы взаимодействия следователя и органов дознания – это такие способы и порядок связи между ними, которые обеспечивают согласованность их деятельности и правильное сочетание присущих каждому из этих органов полномочий, методов и средств работы» [7, с. 132; 8, с. 134-135].

Аналогичного мнения придерживается Л.П. Плеснева, которая дает следующее определение: – это «такие способы и порядок связей между ними, которые обеспечивают согласованность их деятельности и правильное сочетание присущих каждому из них полномочий, методов и средств работы» [9, с. 121-122].

Можно заметить, что определение понятия «формы взаимодействия следователя с органами дознания» не вызывает каких-бы то проблем и даже из приведенных выше определений данной категории видно, что их содержание особо не отличается друг от друга. Чего нельзя сказать о конкретных формах такого взаимодействия, данный вопрос сегодня вызывает массу дискуссий, в связи с тем, что нет единой, универсальной точки зрения.

Так, по мнению Л.П. Плесневой, «при взаимодействии следователей и оперативных работников возникают и складываются связи в формах, как указанных в процессуальном законе (например, поручение следователя – ч. 4 ст. 38 УПК РФ), так и не указанных в нем, однако получивших широкое распространение на практике и доказавших свою эффективность (например, совместное составление планов расследования, создание следственно оперативных групп). Эти формы принято называть организационными. К процессуальным относятся: 1) следственные поручения о проведении оперативно розыскных мероприятий,

производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ); 2) содействие при производстве следственных и иных процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 7 ст. 164 УПК РФ). Типичными организационными формами взаимодействия являются: 1) совместное планирование; 2) следственно оперативная группа» [9, с. 121-122].

И.Ф. Герасимов различал «процессуальные и организационно-тактические формы» [10, с. 132].

А.П. Кругликов считает, что «такие «организационные» формы взаимодействия, как совместное планирование следственных и розыскных действий, обмен информацией и др., также являются процессуальными (правовыми), поскольку они предусмотрены различными ведомственными подзаконными нормативными актами – соответствующими приказами, инструкциями, наставлениями Министра внутренних дел РФ, Директора ФСБ, Председателя Следственного комитета РФ, руководителей других правоохранительных органов. Но так как ведомственные подзаконные нормативные акты представляют собой разновидность правовых актов, то и формы взаимодействия, установленные ими, являются правовыми. Поэтому правомерно говорить о правовых формах взаимодействия» [11, с. 192-194]. Кроме того, ученый называет следующие правовые формы взаимодействия:

«1) взаимная связь и поддержка при принятии и рассмотрении заявлений и сообщений о преступлениях, при разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела;

2) возбуждение органом дознания уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, и выполнение по нему неотложных следственных действий;

3) совместное планирование по делу следственных действий, розыскных и оперативно-розыскных мероприятий;

4) выполнение органом дознания следственных действий по поручениям следователя;

5) содействие органа дознания следователю при производстве отдельных следственных действий;

6) выполнение органом дознания розыскных мероприятий по поручениям следователя;

7) выполнение органом дознания оперативно-розыскных мероприятий по поручениям следователя;

8) исполнение органом дознания постановлений следователя о задержании, приводе, производстве иных процессуальных действий, а

также получение содействия органов дознания при их осуществлении;

9) участие должностных лиц органов дознания, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в деятельности следственных групп;

10) совместная согласованная деятельность в составе следственно-оперативной группы;

11) обмен информацией и совместное обсуждение результатов следственных действий, розыскных и оперативно-розыскных мероприятий, произведенных в процессе взаимодействия» [12, с. 192-194].

По нашему мнению, взаимодействие следователя с органами дознания осуществляется в процессуальной и организационной формах.

Данное деление форм взаимодействия имеет не только теоретическое, но и прямое практическое значение. Как справедливо отметил И.М. Гуткин, «нарушение процессуальных форм взаимодействия, то есть отступление от норм процессуального закона, регламентирующих эти формы, может привести к невозможности использования в уголовном процессе полученных данных, отрицательно сказаться на законности и обоснованности принимаемых решений. Отступление от организационных норм хотя и может причинить ущерб интересам расследования, оно не сопряжено с процессуально-правовыми последствиями» [12, с. 192-194].

Следует отметить, что формы взаимодействия тесно связаны друг с другом. Так, организационные формы взаимодействия дополняют и детализируют процессуальные. И избрание той или иной формы взаимодействия, а, иногда и их совокупности, зависит от специфики расследуемого преступления.

Кроме того, при решении вопроса о том, к какой форме относится взаимодействие следователя с органами дознания, следует руководствоваться точкой зрения К.Б. Гранкина, по мнению которого, признаки процессуальной формы взаимодействия, следующие: «субъектами отношений по взаимодействию должны выступать, с одной стороны, следователь, а с другой - орган дознания; характер действия каждого из участников для данного этапа производства по делу должен быть предусмотрен уголовно-процессуальным законом; способ согласования действий должен быть определен законодательно» [13, с. 176].

Таким образом, формы взаимодействия следователя с органами дознания представляют собой способы организации совместной деятельности указанных субъектов. Взаимодействие следователя с органами дознания осуществляется в процессуальной и организационной формах.

К процессуальной форме взаимодействия следователя с органами дознания относятся:

– письменные поручения следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ);

– письменные поручения следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ);

– совместный розыск подозреваемого (обвиняемого) (ст. 210 УПК РФ).

Основными организационными формами взаимодействия следователя с органами дознания являются: совместное планирование и следственно-оперативная группа.

Список литературы

1. Толковый словарь Ожегова. Эл. ресурс. Режим доступа. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php> (дата обращения: 12.12.2021)

2. Толковый словарь Ушакова. Эл. ресурс. Режим доступа. – URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 12.12.2021)

3. Толковый словарь Дмитриева. Эл. ресурс. Режим доступа. – URL: <http://endic.ru/dmytriev/Forma-5098.html> (дата обращения: 12.12.2021)

4. Данилкин, И.А. *Взаимодействие следственных и экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел.* – М., 2010. – 156 с.

5. Гордин, А.В. *Взаимодействие оперативно-розыскных подразделений и следователя органов внутренних дел при раскрытии и расследовании преступлений: 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / Гордин Андрей Викторович.* – СПб., 2005. – 35 с.

6. Герасимов, И.Ф. *Некоторые проблемы раскрытия преступлений.* - Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1975. – 256 с.

7. Ларин, А.М. *Расследование по уголовному делу. Планирование. Организация.* – М., 1970. – 321 с.

8. Балашов, А. Н. *Взаимодействие следователей и органов дознания при производстве предварительного следствия. Вопросы борьбы с*

преступностью. – М., 1971. – 294 с.

9. Плеснева, Л.П. *Формы взаимодействия следователя с органами дознания // Сибирский юридический вестник. – 2015. – № 4 (71). – С. 121-122.*

10. Герасимов, И.Ф. *Некоторые проблемы раскрытия преступлений. - Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1975. – 204 с.*

11. Кругликов, А.П. *О понятии и системе форм взаимодействия следователей и органов дознания в процессе расследования и раскрытия преступлений // Успехи современной науки. – 2017. – Т. 7. – № 3. – С. 192-194.*

12. Гуткин, И.М. *Правовые вопросы взаимодействия следователей и органов дознания в уголовном процессе. – М., 1967. – 167 с.*

13. *Уголовный процесс: учебник для вузов. 7-е изд., пер. и доп. / А.Баранов, Б. Булатов. – М.: Litres, 2022. – 356 с.*

© А.М. Висарханова, 2022.

УДК: 34

О ПРОБЛЕМАХ НЕДОПУСТИМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Великохацкая Дарья Владимировна,

Магистрант

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Палиев Владимир Борисович

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в данной статье автор рассматривает вопрос недопустимости доказательств в уголовном судопроизводстве. Проанализирован вопрос допустимости цифровых доказательств в рамках уголовного судопроизводства. Тема сегодня имеет высокую актуальность в связи с масштабной цифровизацией общества.

Ключевые слова: доказательства, недопустимые доказательства, критерии, ошибки, существенные нарушения, несущественные нарушения.

ABOUT THE PROBLEMS OF INADMISSIBLE EVIDENCE

Velikokhatskaya Darya Vladimirovna

Scientific supervisor: Paliev Vladimir Borisovich

Abstract: in this article, the author considers the issue of inadmissibility of evidence in criminal proceedings. The issue of the admissibility of digital evidence in criminal proceedings is disclosed. The topic is highly relevant today due to the large-scale digitalization of society.

Keywords: evidence, inadmissible evidence, criteria, errors, significant violations, non-essential violations.

Современную правовую систему Российской Федерации можно отнести к романо-германской правовой системе. По общему правилу российские суды при осуществлении правосудия не могут использовать доказательства, полученные с нарушением уголовно-процессуального

законодательства.

Основу доказательственного права в уголовном процессе составляет необходимость оценки каждого доказательства через призму его параметров: относимости, правомерности (допустимости), подлинности (достоверности), наличия непосредственной взаимосвязи с иными доказательствами, которые имеются в уголовном деле. Указанное правило регламентировано в ст. 88 УПК РФ [1].

Анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации позволяет сделать вывод о высоком уровне значимости выполнения требований, связанных с правомерностью доказательств в соответствующем процессе. В частности, указанное подтверждается ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, которая регламентирует запрет на использование доказательств, которые были получены с нарушением федерального законодательства [2], а также ст. 7 УПК РФ и ст. 75 УПК РФ.

Значительную долю судебного разбирательства занимает исследование доказательств, а также их оценка. Указанное опосредовано тем, что основополагающим принципом уголовного судопроизводства является состязательность сторон, что регламентировано в ст. 15 УПК РФ. Состязаясь между собой в рамках уголовного судопроизводства стороны обвинения и защиты, как правило, подвергают сомнению доказательную базу, представленную оппонентом по делу, в том числе приводят доводы о недопустимости приобщения к делу тех или иных доказательств.

В соответствии со ст. 75 УПК РФ доказательство и его элементы в отдельности могут быть признаны недопустимыми в том случае, если они были получены с нарушением правил, регламентированных УПК РФ [3, с. 68]. Следует отметить, что определенно-установленных признаков данных нарушений уголовно-процессуальный закон не содержит, также отсутствуют ссылки на конкретные нормы права, которые указывали бы на то, какие конкретно доказательства становятся юридически ничтожными в соответствии с данным критерием. Рассмотренная правовая неясность не позволяет однозначно трактовать рассматриваемую норму и, соответственно, правомерно применять ее на практике.

Представляется необходимым, прежде всего, понять в каком случае доказательство может быть признано недопустимым. Законодатель в ч. 1 ст. 75 УПК РФ отмечает, что «доказательства признаются недопустимыми в том случае, если они были получены с нарушением требований, которые регламентированы в УПК РФ» [1]. Они признаются не имеющими юридической силы и не могут быть заложены в основу приговора. Однако данное определение представляется достаточно расплывчатым, в связи с

чем возникает вопрос: какие же доказательства являются недопустимыми? В связи с этим одной из актуальных задач доказательственного права является установление конкретизированного перечня нарушений уголовно-процессуальных норм, допустимых при собирании, проверке и оценке доказательств и содержащих безусловные основания признания их недопустимыми [3, с. 69].

Как уже было отмечено, недопустимыми признаются те доказательства, которые были получены с нарушением правил, установленных законом. При этом закономерно возникает вопрос: все ли нарушения подобного рода правил влекут признание доказательства недопустимым?

Общая причина, по которой доказательства признаются юридически недействительными, заключается в том, что они получены от должностного лица, которое не имеет соответствующих полномочий на их проведение. Так, например, право на проведение следственных мероприятий имеют только должностные лица, перечень которых регламентирован УПК РФ, то есть те из них, которые имеют соответствующие процессуальные права на реализацию подобного рода мероприятий. Процессуальные полномочия субъектов по производству следственных действий строго разграничены по стадиям процесса и ответственности участников уголовного судопроизводства.

Как отмечал Р. Асянов, «почти каждое уголовное дело индивидуально. Иногда кажущаяся незначительной деталь, мелочь может оказаться важным обстоятельством, коренным образом, меняющим оценку добытых доказательств, восприятие всего уголовного дела в целом [4, с. 23]». Соответственно, необходимо объективно подходить к определению сущности нарушения правил, установленных УПК РФ, при оценке доказательств на предмет их допустимости.

Данные нарушения бывают различными. Так, О. Глобенко отмечал, что «неразъяснение и несоблюдение права обвиняемого на защиту нельзя поставить в один ряд с технической погрешностью при оформлении протокола допроса. Очевидно, что разные по степени нарушения закона при допросе обвиняемого и оформлении его результатов должны влечь разные последствия» [5, с. 211].

Рассматриваемые нарушения классифицируются на два вида в зависимости от органа, который принимает решение по конкретному делу, а именно: следственные и судебные. Так, А.А. Васяев указывает на необходимость различия таких категорий как «ошибка», то есть неправильность в действиях, и «нарушение», то есть несоблюдение чего-

либо. Именно нарушения способны привести к недопустимым доказательствам [6, с. 91].

С точки зрения качества рассматриваемые нарушения делятся на существенные и несущественные.

Исследователи отмечают, что основной причиной нарушений в уголовном процессе выступает человеческий фактор. Как отмечал А.Г. Милявин, «человеческий фактор в правоохранительной и судебной системе – это ошибки в отправлении правосудия». При этом он также отмечает, что: «ошибки в правосудии зачастую допускаются не только по неосторожности, небрежности или низкой квалификации исполнителей, но и умышленно, и в основе таких ошибок лежат невежество, крючкотворство, карьеризм, корысть исполнителей...» [7, с. 83].

На наш взгляд, основополагающей причиной подобного рода ошибок выступают особенности доказывания в уголовном процесса, которые отражены, например, в конфликте объективной истины с принципом состязательности сторон, что породило два противоречивых взгляда на истину. Так, некоторые исследователи отмечают, что в уголовном процессе устанавливается объективная истина, то есть устанавливаются обстоятельства так, как они существуют в действительности [8, с. 11]. Другие представители юридического сообщества придерживаются критериев формальной истины, в соответствии с которой выводы суда должны строиться не на объективной реальности, а на материалах непосредственного дела [9, с. 189].

Безусловно, часть проблем, связанных с нарушениями, является следствием проявления человеческого фактора. Указанное обусловлено тем, что в качестве познающего субъекта всегда выступает человек, которому свойственно ошибаться.

Так, примером проявления человеческого фактора выступает эпизод с участием Заместителя Благовещенского городского суда Е. Махно, который заснул в зале судебного заседания в процессе непосредственного судебного разбирательства по уголовному делу на этапе прений сторон. При этом судьей был вынесен обвинительный приговор, в соответствии с которым подсудимый был приговорен к пяти годам лишения свободы за мошенничество и растрату.

Амурский областной суд отменил указанный приговор и вернул дело в прокуратуру. В качестве основания судебная коллегия сослалась на ст. 237 УПК РФ, а именно на нарушение права на защиту обвиняемого в ходе предварительного и судебного следствия: у двух лиц, интересы которых противоречили друг другу, был один адвокат. Таким образом, в

вышестоящей инстанции не нашли процессуального нарушения в подобном поведении судьи в процессе рассмотрения уголовного дела.

Данная ситуация вызвала бурные споры: одни указывали на то, что подобное является нарушением уголовно-процессуального закона, другие же ссылались на допущенную судебную ошибку [3, с. 69].

В связи с этим одной из актуальных задач доказательственного права является установление конкретизированного перечня нарушений уголовно-процессуальных норм, допустимых при собирании, проверке и оценке доказательств и содержащих безусловные основания признания доказательств недопустимыми.

На основе всего вышеизложенного нами сформулировано предложение по регламентации следующих критериев признания доказательств недопустимыми:

- нарушение конституционных прав участников уголовного процесса в ходе уголовного судопроизводства и отсутствие их своевременного устранения (например, производство обыска жилища в отсутствие соответствующего судебного акта);

- отсутствие процессуальных документов, оказывающих влияние на статус участника в уголовном процессе (например, реализация следственных действий обвинительного в отсутствие предъявления обвинения);

- умышленное искажение смысла содержания процессуальных документов посредством их дополнения или исправления.

Кроме того, предлагается также отдельно выделять несущественные нарушения, которые, главным образом, являются техническими, к которым можно отнести, например, следующие:

- неграмотно составленный текст, с точки зрения юридической техники, того или иного процессуального документа, который не способен оказать какое-либо влияние на сущность проведенного следственного или же судебного действия. К подобного рода ошибкам могут относиться, например грамматические или пунктуационные ошибки;

- иные ошибки, которые влекут существенное нарушение законодательства, в том случае, если они будут своевременно исправлены.

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день существует объективная необходимость регламентации перечня критериев, в соответствии с которыми доказательства, представляемые в материалы уголовного дела, могут быть признаны недопустимыми.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). – 06.10.2022. – № 0001202210060013.
3. Озеров И. Н., Черкасова Е. А., Капустина И. Ю. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве: сущность и значение // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2013. – № 2. – С. 67-70.
4. Асянов Р. Анализ недопустимости доказательств // Вестник Адвокатской палаты Республики Башкортостан. – 2019. – № 1 (25). – С. 21-28.
5. Глобенко О. Недопустимые доказательства // Юрист. – № 1. – 2020. – С. 211-218.
6. Васяев А.А. Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе. – М.: «Волтерс Клувер». – 2019. – 300 с.
7. Милявин А.Г. Человеческий фактор правосудия // Юрист. – № 3. – 2020. – С. 78-86.
8. Мурадян Э.М. Истина как проблема судебного права. – М: Юрист. – 2019. – 180 с.
9. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. – М.: Высшее образование. 2019. – 398 с.

© Д.В. Великохацкая, 2022

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ УБИЙСТВА ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ И В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Владимиров Владислав Николаевич,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Сергина Елена Владимировна,

к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы определения понятия убийства в уголовном законодательстве и в судебной практике. Обращается внимание на отсутствие однозначного понимания в науке уголовного права признаков и видов убийства, а также на непоследовательную позицию по вопросу применения норм об убийстве в судебной практике. Намечены пути выхода из создавшейся ситуации, а именно рекомендовано скорректировать определение убийства в уголовном законе и принять новое постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве».

Ключевые слова: жизнь, убийство, признаки, виды, преступление, законодательство, судебная практика.

DEFINITION OF THE CONCEPT OF MURDER UNDER THE CURRENT LEGISLATION AND IN JUDICIAL PRACTICE

Vladimirov Vladislav Nikolaevich

Scientific adviser: Seregina Elena Vladimirovna

Abstract: the article deals with the problems of defining the concept of murder in criminal legislation and in judicial practice. Attention is drawn to the lack of an unambiguous understanding in the science of criminal law of the signs and types of murder, as well as to the inconsistent position on the

application of the norms on murder in judicial practice. The ways out of the current situation are outlined, namely, it is recommended to correct the definition of murder in the criminal law and adopt a new resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On judicial practice in murder cases».

Key words: *life, murder, signs, types, crime, legislation, judicial practice.*

Преступления против жизни наносят огромный, непоправимый ущерб обществу. Поэтому совершенствование положений уголовного законодательства, затрагивающих различные аспекты охраны жизни, должно стать основным направлением законодательной деятельности, а принципиальное положение о том, что охрана жизни занимает центральное место среди личных прав человека, приоритетным направлением уголовного закона [1, с. 185].

К наиболее тяжким и распространенным среди преступлений против жизни относятся убийства. Это древнейшие и вечные преступления, которые всегда осуждалась как моралью, так и нормами права. Во все времена развития человечества общество уделяло особое внимание защите жизни. Запрет на убийство был одним из первых табу в человеческой культуре. Во многом это объяснялось необходимостью продолжения рода и укрепления социума.

Эти проблемы были актуальны всегда для уголовного права, ввиду того что охрана жизни требовала адекватных мер реагирования и постоянно ставила вопрос о выборе надлежащих средств правового обоснования применения разработанных ранее конструкций. Для отечественной правовой системы это было характерно как в дореволюционный период, так и в советское время. В современной юридической литературе часто указывается на то, что положение дел с убийствами является как бы обобщенной, суммирующей характеристикой общей криминологической обстановки, более того, индикатором всей социальной ситуации в стране [2, с. 77].

Как следует из данных уголовной статистики, в 2021 г. зарегистрировано 7 332 убийств и покушений на убийство, раскрываемость данных преступлений составляет 4445, количество осужденных за убийство и покушение на убийство составило 5 592 человек; в период с января по август 2022 г. зарегистрировано 5 181 убийств и покушений на убийство, сохраняется высокая раскрываемость указанных преступлений – 4 639 человек, в то время как в

2010 г. было зарегистрировано 15 563 убийств и покушений на убийство, раскрываемость данных преступлений составляла 13 219, количество осужденных за убийство и покушение на убийство составляло 12 444 человек [3].

Несмотря на положительную динамику уровня регистрируемых убийств, ухудшилась их качественная характеристика. Зачастую убийства совершаются наряду с другими особо тяжкими преступлениями: изнасилованием, похищением человека, разбоем, террористическим актом, бандитизмом и другими. В последнее время значительная часть этих убийств характеризуется корыстными мотивами, что связано с изменением образа жизни, общественных и межличностных отношений в обществе [4, с. 35].

Вопрос о понятии убийства, его признаках и видах, всегда вызывал определенные сложности в правоприменении. И главным образом потому, что в науке уголовного права отсутствовало однозначное понимание по вопросам юридической оценки убийства среди ученых. Непоследовательная позиция по вопросу применения норм об убийстве прослеживается и в решениях судов по конкретным уголовным делам, что связано, прежде всего, с несовершенством ряда законодательных формулировок, а также отсутствием необходимых научных рекомендаций по их применению и соответствующих разъяснений в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

Важным моментом квалификации преступлений против жизни выступает определение понятия убийства. Из-за отсутствия в уголовном законодательстве достаточно длительное время понимания убийства в правоприменительной практике нередко возникала потребность в точном установлении его границ. Поэтому в доктрине уголовного права предлагались различные толкования убийства, в основных чертах сходные между собой. Ранее убийством считалось как умышленное, так и неосторожное причинение смерти человеку. Соответственно в уголовных кодексах советского периода существовал состав неосторожного убийства. Такая позиция закона не всегда воспринималась положительно. Наиболее последовательным ее критиком был М.Д. Шаргородский [5, с. 226]. Большинство исследователей и авторов учебников того времени не разделяли этого взгляда, ссылаясь не действовавшее законодательство и недопустимость ослабления борьбы с неосторожными преступлениями против жизни.

Действующий уголовный закон впервые закрепил понятие убийства

как «умышленное причинение смерти другому человеку» (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Законодательное определение убийства основано на обобщении выработанных юристами формулировок. Из такого определения рассматриваемого понятия следует два вывода: а) убийством считается причинение смерти другому человеку при наличии вины в форме прямого или косвенного умысла; б) самоубийство не может считаться убийством, поскольку объектом уголовно-правовой охраны является жизнь другого человека. Специалисты в области охраны жизни уголовно-правовыми средствами обращают внимание на то, что данное законодательное определение понятия убийства является неполным.

Так, С.В. Бородин, считает, что в законодательном определении убийства недостает указания на противоправность деяния [6, с. 21]. А.Н. Красиков предлагает следующую формулировку определения понятия убийства «умышленное, противоправное лишение жизни другого человека, когда право человека на жизнь является непосредственным объектом преступления» [7, с. 7].

Противоправность при убийстве включает совершение деяния, запрещенного уголовным законом, и осознание виновным общественной опасности своего деяния. В формулировке ч. 1 ст. 105 УК РФ такого указания нет. Следует согласиться с мнением большинства ученых о том, что признак противоправности в характеристике убийства является необходимым, так как он позволяет отграничить убийство от правомерного лишения жизни человека. О данной необходимости свидетельствует и правоприменительная практика.

Действительно, причинение смерти при необходимой обороне либо задержании лица, совершившего преступление, не только не влечет уголовной ответственности, но и не является убийством. Равным образом не признаются убийством и другие случаи правомерного лишения жизни – при проведении боевых действий в ходе контртеррористических операций, специальной военной операции и др. Но для того, чтобы решить сложнейшие проблемы квалификации умышленного причинения смерти, необходимо конкретизировать понятие убийства, дополнив его признаком противоправности.

Уголовный закон предусматривает несколько разновидностей убийства. Это так называемое «простое» убийство или основной состав преступления, квалифицированное убийство или убийство при отягчающих обстоятельствах, привилегированное убийство или убийство при смягчающих обстоятельствах. Виды так называемого простого убийства законодательно не закреплены [8, с. 23]. Существенную помощь

в решении этого вопроса оказывают рекомендации, даваемые Высшей судебной инстанцией. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» сказано, что по ч. 1 ст. 105 УК РФ квалифицируется убийство, совершенное без квалифицирующих признаков, указанных в ч. 2 ст. 105 УК РФ, и без смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст.ст. 106, 107 и 108 УК РФ (например, в ссоре или драке при отсутствии хулиганских побуждений, из ревности, по мотивам мести, зависти, неприязни, ненависти, возникшим на почве личных отношений) [9].

Справедливость ответственности за убийство зависит не только от точности определения, смысла и юридической природы этого преступления в уголовном законе (ч. 1 ст. 105 УК РФ), но и от того, насколько полно, последовательно и дифференцированно расположены на шкале оценок законодателем обстоятельства, отягчающие и смягчающие ответственность за данный вид преступления в ч. 2 ст. 105 и ст. ст. 106-108 УК РФ. Однако вопросы дифференциации ответственности за убийство в УК РФ во многом еще не решены.

Итак, ключевым моментом в юридической оценке убийства является определение его понятия. Проведенный анализ признаков убийства, закрепленных в действующем уголовном законодательстве, позволил скорректировать его определение: «Убийство – это умышленное противоправное причинение смерти другому человеку».

Вопросы квалификации убийства не до конца разъяснены в действующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)», кроме того, оно существенно устарело и не содержит разъяснений по многим положениям уголовного закона. Внесенные законодательные коррективы в ч. 2 ст. 105 УК РФ и сложившаяся современная судебная практика требуют выработать единый подход к толкованию и пониманию, следовательно, и к применению. Поэтому представляется целесообразным принятие нового постановления Пленума Верховного Суда Российской, посвященного толкованию квалификационных и иных правоприменительных проблем составов убийства.

Список литературы

1. *Сергина Е.В. Исторические тенденции становления и развития российского уголовного законодательства, регулирующего охрану жизни // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство;*

право и управление. – 2012. – № 4 (23). – С. 184-186.

2. *Жолдошалиев М.Т. Динамика убийств: индикатор угрозы в сфере национальной безопасности государства // Таврический научный обозреватель. – 2017. – № 1. – С. 77-82.*

3. *Официальный сайт Министерства внутренних дел России. URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports> (06.10.2022).*

4. *Актуальные проблемы Особенной части уголовного права / Бохан А.П., Грошев А.В., Кейдунова Е.Р., Лавринов В.В., Литвяк Л.Г., Миллерова Е.А., Миллеров Е.В., Пащенко Е.А., Подройкина И.А., Серегина Е.В., Улезько С.И., Фаргиев И.А. Учебник. – М.: Проспект, 2020. – 766 с.*

5. *Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 434*

6. *Бородин С.В. Преступления против жизни. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 467 с.*

7. *Красиков А.Н Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. – Саратов: Полиграфист, 1996. – 211 с.*

8. *Преступления против личности / Подройкина И.А., Серегина Е.В., Артеменко Н.В., Блохин Ю.И., Грошев А.В., Кейдунова Е.Р., Фаргиев И.А., Шимбарева Н.Г. Учебник. – М.: Юрайт, 2021. – 204 с.*

9. *Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».*

© В.Н. Владимиров, 2022.

**К ВОПРОСУ О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ,
СОВЕРШЕННЫХ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ЗА ПЕРИОД 2020 – ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ 2022 ГГ.**

*Галайко Алексей Сергеевич,
Магистрант
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Осадчая Наталья Георгиевна
к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** в указанной статье автор проводит анализ состояния и динамику преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных на территории Ростовской области в 2020, 2021, в январе – августе 2022 года, а также проводит исследование рассмотренных судами Ростовской области за указанный период уголовных дел данной категории.*

***Ключевые слова:** наркотики, преступление, суд, статистика, динамика, анализ.*

**ANALYSIS OF THE STATE AND DYNAMICS OF CRIMES RELATED
TO DRUG TRAFFICKING IN THE ROSTOV REGION
FOR THE PERIOD 2020 – THE FIRST HALF OF 2022.**

*Galaiko Aleksei Sergeevich
Scientific adviser: Osadchaya Natalya Georgievna*

***Abstract:** in this article, the author analyzes the state and dynamics of crimes related to drug trafficking committed on the territory of the Rostov region in 2020, 2021, in January – August 2022, and also conducts a study of*

criminal cases of this category considered by the courts of the Rostov region during this period.

Key words: *drugs, crime, trial, statistics, dynamics, analysis.*

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ являются одним из самых распространенных видов преступности на территории, как Ростовской области, так и России в целом. Следовательно успешная борьба с этими видами преступлений способна сократить существенно уровень преступности в стране. В 2020 году на территории Ростовской области было зарегистрировано 5 504 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в 2021 году 5 853 преступления, и в январе – августе 2022 года зарегистрировано 3 935 преступлений.

На протяжении вышеназванного периода наблюдается стабильный прирост совершенных преступлений: + 3,38%, в 2020 году, + 6,34% в 2021, + 5,98% в январе – августе 2022 года.

В 2022 году на территории Ростовской области было выявлено следующее количество лиц, совершивших преступления, связанных с незаконным оборотом наркотиков:

- в 2020 году – 2 605 лиц,
- в 2021 году – 2 872 лица,
- в январе – августе 2022 года – 1 858 лиц.

Динамика количества выявленных лиц, совершивших преступления, связанных с незаконным оборотом наркотиков в указанный период нестабильна. Так в 2020 году количество выявленных лиц, совершивших преступления, связанных с незаконным оборотом наркотиков, снизилось на 8,47%, в 2021 году это количество увеличилось на 10,25%, в январе – августе 2022 года снова наблюдается тенденция к снижению: – 2,21%.

Также в исследуемом периоде наблюдается нестабильная динамика по количеству преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, уголовные дела о которых направлены в суд. Так в 2020 году в суд было передано 2 698 уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 9,4% меньше чем в 2019 году. В 2021 году наоборот в суд было передано 2 949 уголовных дел, и этот показатель увеличился на 9,3% по сравнению с 2020 годом. В январе – августе 2022 года, данный показатель также поднялся, в суд было передано 2 232 уголовных дела, что на 13,36% больше, чем в аналогичном периоде 2021 года.

По нераскрытым преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков наблюдается динамика постоянного увеличения количества нераскрытых преступлений.

Так в 2020 году осталось нераскрытыми 2 484 преступления, связанными с незаконным оборотом наркотиков, в 2021 году 2 549 преступлений, в январе – августе 2022 года 1 352 преступления. Темпы прироста составили 1,26%, 2,62 % и 10,55% соответственно.

Кроме того, наблюдается продолжающийся рост числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершаемых с использованием бесконтактных способов.

Используется метод «закладок», а также применяется безналичная форма оплаты за них.

Оборот наркотических средств путем прямого контакта между человеком и человеком практически не осуществляется. Оперативно-розыскное мероприятие «проверочная закупка» становится неактуальной.

Так, только в 2020 году сотрудниками управления по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по Ростовской области было выявлено 1 220 преступлений, связанных со сбытом наркотических средств с использованием возможностей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», прирост указанной категории преступлений составил 184%.

С целью предотвращения распространения информации о способах изготовления и использования наркотиков, местах их приобретения, о способах и местах культивирования растений, содержащих в своем составе наркотические средства, сотрудниками УКОН ГУ МВД России по Ростовской области постоянно проводится мониторинг информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Сотрудниками УКОН ГУ МВД России по Ростовской области постоянно выявляется незаконный контент в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: сайты, форумы, видеоматериалы и др.

В исследуемом периоде наблюдается рост изъятых наркотических средств амфетаминовой группы, так называемых «солей», мефедрона, N-метилэфедрона и схожих по химическому составу «синтетических» веществ.

Более того, в настоящее время наблюдается спад доли наркотических средств опийной и каннабисной групп во всем объеме незаконного оборота, однако, несмотря на снижение объемов изъятий марихуаны, она

остается основным наркотиком, реализуемым на территории Ростовской области.

Конопля в основном изготавливается в домашних условиях из местных дикорастущих растений или культивируемых, хотя при этом все-таки еще остается небольшая часть, завозимая из других регионов Российской Федерации [1].

Далее проведем исследование рассмотренных уголовных дела указанной категории судами Ростовской области за указанный период.

Для проведения указанного исследования мною взяты сведения о статистической отчетности работы федеральных судов Ростовской области за 2020, 2021, 1 полугодие 2022 года, предоставленные Управлением Судебного департамента в Ростовской области (таблица 1).

Таблица 1.

Статистические данные о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков

	Ростовская область		
	2020 год	2021 год	1 полугодие 2022 года
Всего осуждено лиц	2555	2915	1431
Несовершеннолетние	19	30	18
от 18 до 29 лет	891	956	462
от 30 до 34 лет	533	619	291
от 35 до 39 лет	458	572	296
от 40 лет и старше	654	738	364
женщины	202	227	108
мужчины	2353	2688	1323
Граждане России	2461	2841	1397
Иностранные граждане	82	67	30
Лица без гражданства	12	13	4
Лишение свободы:	1086	1183	553
до 1 года л.св.	204	212	113
от 1 до 2 лет л.св.	110	140	71
от 2 до 3 лет л.св.	117	115	59
от 3 до 5 лет л.св.	214	246	121
от 5 до 8 лет л.св.	110	118	68
от 8 до 10 лет л.св.	213	256	84
от 10 до 15 лет л.св.	114	93	36
от 15 до 20 лет л.св.	4	3	1
от 20 до 25 лет л.св.	-	-	-
Пожизненное лишение св.	-	-	-
Условное лишение свободы	653	710	380
Принудительные работы	-	-	-
Ограничение свободы	19	47	18
Исправительные работы	105	123	61
Обязательные работы	240	263	120
Штраф	443	578	289

Как видно из статистических данных [2] за последнее время наблюдается тенденция увеличения количества рассмотренных уголовных дел, о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков. И это не удивительно, так как количество совершенных преступлений, выявленных лиц их совершивших и количество уголовных дел, направленных в суд для рассмотрения по существу также выросло.

Из указанных выше данных также заметно увеличение количество несовершеннолетних лиц, которые совершают преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Данный факт указывает на недостаточные профилактические меры, проводимые правоохранительными органами.

Как показало исследование, большинство осужденных это граждане России, мужчины, в возрасте от 18 до 29 лет.

Суды Ростовской области при вынесении обвинительного приговора и назначении наказания, как правило назначают наказание в виде лишения свободы, в большинстве реальное, что, как я считаю, является вполне справедливой мерой за содеянное.

Исходя из анализа судебной практики можно заметить тенденцию увеличения количества лиц, к которым применена условная мера наказания (применены положения ст. 73 УК РФ).

Данный факт говорит о том, что суды стали более гуманно относиться к каждому конкретному подсудимому, учитывая при этом характер и степень общественной опасности преступлений, личность виновных, наличие в деле смягчающих и отсутствие отягчающих наказание обстоятельств, влияние назначенного наказания на исправление осужденных.

Стоит также отметить, что наказание в виде ограничения свободы, исправительных работ, обязательных работ и штрафа назначалось судами Ростовской области только за преступления, предусмотренные ст. 228 УК РФ.

Мерой наказания за преступления, предусмотренные ст. 228.1 УК РФ по-прежнему является только лишение свободы.

В заключении хотелось бы отметить, что сотрудниками ГУ МВД России по Ростовской области постоянно ведется работа по предотвращению, выявлению и пресечению совершения новых преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, однако есть некоторые недостатки, которые необходимо выявлять и устранять, для повышения качества работы в указанном направлении.

Судами Ростовской области также предпринимаются все меры для полного, всестороннего рассмотрения уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Судьями неукоснительно соблюдаются положения уголовного, уголовно-процессуального закона, положения соответствующих Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, соблюдаются сроки рассмотрения уголовных дел указанной категории.

Список литературы

1. Информационные материалы ГУ МВД России по Ростовской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://61.mvd.pf/activity/> информационные-материалы-о-деятельности (16.10.2022),

2. Статистические данные о работе федеральных судов Ростовской области за 2020, 2021, 1 полугодие 2022 года, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://usd.ros.sudrf.ru/modules.php?name=norm_akt&rid=5 (16.10.2022).

© А.С. Галайко, 2022.

О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Гнутов Антон Сергеевич,

Магистрант

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Палиева Оксана Николаевна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия

***Аннотация:** Цифровые средства и устройства стали неотъемлемой частью жизни современного общества. Вместе с тем цифровая реальность стала и средством совершения или сокрытия преступлений, теперь правоохранительные органы вынуждены исследовать электронную почту, записи, мобильные и иные устройства для поиска электронных следов. Для науки и практики уголовного судопроизводства необходимо понять, способны ли действующие нормы удовлетворить запрос правоприменителя, и можно ли отнести цифровые средства к вещественным или иным доказательствам, либо следует дополнить законодательство регулированием электронных (цифровых) доказательств, определить их место в системе доказательств и закрепить способы их исследования. В статье рассмотрены различные подходы исследователей к решению данного вопроса, а также предлагается дополнить действующее правовое регулирование нормами об особенностях собирания, проверки и оценки электронных доказательств.*

***Ключевые слова:** доказывание, виды доказательств, электронные доказательства, электронные средства доказывания, электронные носители информации.*

THE LEGAL STATUS OF ELECTRONIC EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Gnutov Anton Sergeevich

Scientific adviser: Palieva Oksana Nikolaevna

Abstract: *Digital tools and devices have become an integral part of the life of modern society. At the same time, digital reality has also become a means of committing or concealing crimes, now law enforcement agencies are forced to investigate e-mail, records, mobile and other devices to search for electronic traces. For the science and practice of criminal proceedings, it is necessary to understand whether the current norms are capable of satisfying the request of a law enforcement officer, and whether digital means can be attributed to physical or other evidence, or whether legislation should be supplemented with the regulation of electronic (digital) evidence, determine their place in the evidence system and fix the methods of their research. The article discusses various approaches of researchers to solving this issue, and it is also proposed to supplement the current legal regulation with norms on the features of collecting, verifying and evaluating electronic evidence.*

Key words: *proof, types of evidence, electronic evidence, electronic means of proof, electronic media.*

Цифровые средства и устройства стали неотъемлемой частью жизни современного общества, без них сложно представить себе как ежедневную бытовую коммуникацию, так и осуществление предпринимательской деятельности. Вместе с тем цифровая реальность стала и средством совершения или сокрытия преступлений, теперь правоохранительные органы вынуждены исследовать электронную почту, записи, документы, мобильные и иные устройства для поиска электронных следов, а для извлечения информации в большинстве случаев прибегать к помощи специалистов. Для науки и практики уголовного судопроизводства необходимо понять, способны ли действующие нормы удовлетворить запрос правоприменителя, и можно ли отнести цифровые средства к вещественным или иным доказательствам, либо следует дополнить законодательство регулированием электронных (цифровых) доказательств, определить их место в системе доказательств и закрепить способы их исследования.

Впервые уголовно-процессуальное значение доказательств, альтернативных бумажным и иным выраженным в объективной форме,

было закреплено в 1966 году Указом Президиума Верховного Совета РСФСР [1], который дополнил УПК нормой о применении звукозаписи при проведении допроса. В дальнейшем звуко- и видеосъемка стали активно применяться в ходе осуществления следственных мероприятий, однако технология была основана на аналоговом преобразовании в электронные импульсы, что не соответствует пониманию электронных носителей в современном смысле. Конец XX века был обусловлен стремительным развитием и повышением доступности ЭВМ, появлением цифровых фотографий – графических файлов, что уже относится к электронной (цифровой) информации, которые активно стали применяться в оперативно-розыскной деятельности и доказывании.

В электронном доказательстве принято выделять формальную (электронный (сетевой) носитель) и содержательную стороны (электронная информация, то есть сведения об обстоятельствах по уголовному делу). Термин «электронный носитель» неоднократно встречается в УПК РФ, однако определение данного понятия в нормативных правовых актах не предусмотрено, одновременно с этим к ним принято относить как устройство в целом, а именно смартфон, планшет, компьютер и т.д., так и отдельные его части, хранящие информацию: карта памяти, жесткий диск и т.п.

В правовых исследованиях предлагаются следующие определения электронных носителей информации: техническое устройство, предназначенное для хранения информации в электронно-цифровой форме, доступной для обработки с использованием вычислительной техники [2, С.11] Ю.В. Гаврилин предлагает схожее содержание, дополняя его задачей электронных носителей, а именно «для передачи данных по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах». [3, С. 47, 48] Отметим, что сами по себе электронные носители не имеют по общему правилу доказательственного значения, так как сведения и факты содержатся в «электронной составляющей».

В качестве существенных признаков электронных доказательств следует назвать воспроизведение только с помощью специальных технических средств, формулирование согласно программному алгоритму, возможность получения к ним дистанционного доступа и мгновенного изменения или безвозвратного удаления. Среди факультативных особенностей цифровых доказательств выделяют неочевидность их содержания, простоту распространения и создания копий, значительный объем памяти, хотя последняя представляется спорной так как, в

частности, файл Word может занимать не много памяти, и, кроме того, данная характеристика скорее относится к носителю информации, нежели к содержанию.

Кроме того, ряд авторов выделяют технологические характеристики, иллюстрирующие неосязаемость данных объектов. Так, В.Ю. Стельмах считает отличительной чертой электронной информации ее существование в качестве «циркуляции электромагнитных импульсов» [4, С. 94-95], а М.И. Воронин – «бинарную форму» [5]. Среди видов электронных доказательств можно выделить информацию сайтов и страниц в социальных сетях, сетевой адрес и доменное имя, электронные сообщения (переписка), файлы, фото-, аудио- и видеозаписи.

Таким образом, можно сформулировать следующее определение: под «электронным (цифровым) доказательством» следует понимать электронный носитель, содержащий цифровую информацию (текстовые, звуковые и видеозаписи), имеющую значение для конкретного уголовного дела в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин.

Противником выделения электронных доказательств в качестве самостоятельного вида выступает, в частности, П.С. Пастухов, по мнению которого достаточно уточнить имеющее определение понятия доказательства, дополнив «любые сведения» электронной информацией, и имеющиеся нормы вполне «справятся» [6]. Р.И. Оконенко на нынешнем этапе развития технологий и законодательства также не видит возможности и необходимости внесения в УПК РФ соответствующих изменений, поскольку автор отмечает отсутствие доктринальных исследований подчёркивающих как технические, так и правовые особенности и отличительные черты электронных носителей. [7, С. 12]

Однако ученый выделяет два специфических способа исследования подобных доказательств: изучение, как содержания файла, так и его свойств, характеристик. Следует отметить, что на практике изучение осуществляется путем осмотра, что, во-первых, представляется весьма трудоемким и времязатратным процессом, во-вторых, может привести к нарушению прав собственника/правообладателя, а также основных прав и свобод человека, в связи с чем, согласимся с Р.И. Оконенко о необходимости осуществления поисковой целенаправленной деятельности путем обыска.

Другая группа ученых занимает промежуточную позицию, указывая, что предусмотренный в части 2 статьи 74 УПК РФ закрытый перечень видов доказательств обладает как достоинствами, так и недостатками. К

положительным чертам исчерпывающего списка относят его оградительную функцию, защищающую уголовный процесс от попадания в него сомнительной или незаконно полученной информации. Среди недостатков можно назвать неспособность закрытого перечня быстро и эффективно реагировать на достижения научно-технического развития. Тем не менее, в частности Л.В. Головкин, отмечает, что участникам уголовного судопроизводства, как и суду, удается приспособиться «к новым реалиям, вкладывая новые смыслы в традиционные понятия...» [8].

Следует согласиться с исследователем, действительно должностные лица и судебные органы адаптировались и регулярно исследуют электронные доказательства. Так, в качестве доказательств по уголовному делу часто можно встретить скриншоты переписки (например, приговор Курского гарнизонного военного суда Курской области от 18.01.2012; приговор Вахитовского районного суда г. Казани от 06.05.2014), сообщения электронной почты (приговор Гагаринского районного суда г. Москвы от 10.06.2013, приговор Северского районного суда Краснодарского края от 16.07.2015) и т.п. В то же время в основу деления доказательств по видам источников положено различие способов собирания и закрепления доказательств, которые применительно к цифровым средствам представляются очевидно отличными.

К сторонникам дополнения УПК РФ специальными нормами об электронных доказательствах являются М.И. Воронин, Н.А. Зигура, А.В. Кудрявцева, по мнению которых компьютерная и иная цифровая информация является самостоятельным видом доказательств. [5; 9]. Авторы отмечают необходимость установления специфических правил собирания, исследования, привлечения специалистов и приобщения данных доказательств.

Подводя итог проведенному исследованию, согласимся с авторами, поддерживающими необходимость дополнения действующего правового регулирования нормами об особенностях собирания, проверки и оценки электронных доказательств, поскольку это необходимо для обеспечения их достоверности, а также недопущения злоупотреблений и защиты прав личности. На данном этапе важно удовлетворить запрос практики изданием методических рекомендаций для единообразного понимания сущности и порядка использования электронных доказательств в уголовном процессе.

Список литературы

1. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный

кодекс РСФСР: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 31.08.1966 // КонсультантПлюс: официальный сайт.

2. Балашова А. А. Электронные носители информации и их использование в уголовнопроцессуальном доказывании.: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2020. – 216 с.

3. Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 45–50.

4. Стельмах В.Ю. Электронная информация в доказывании по уголовным делам: способы получения и место в системе доказательств // Библиотека криминалиста. 2018. № 3. С. 93-100.

5. Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex Russica. 2019. № 7 (152). С.74-84.

6. Пастухов П.С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // СПС «КонсультантПлюс».

7. Оконенко Р.И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. – 24 с.

8. Головки Л.В. Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. М.: Статут, 2016. – 1280 с.

9. Зигура Н.А., Кудрявцева А. В. Компьютерная информация как вид доказательства в уголовном процессе России: монография. – М., 2011. – 173 с.

© А.С. Гнутов, 2022.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТА

Гулаев Юрий Викторович,

Магистрант

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Москалева Елена Николаевна,

старший преподаватель кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: В данной статье рассмотрена специфика методик изучения личности террориста. Автором проанализированы различные подходы к вопросу социально-психологической характеристики личности террориста. Рассматривая элементы типичного портрета террориста, автор выделяет сложные аспекты в изучении личности террориста.

Ключевые слова: личность террориста, социально-психологический портрет, личностные особенности, террористическая деятельность, криминологические методы.

CRIMINOLOGICAL FEATURES OF THE PERSONALITY OF A TERRORIST

Gulaev Yury Viktorovich

Scientific adviser: Moskaleva Elena Nikolaevna

Abstract: This article discusses the specifics of methods for studying the personality of a terrorist. The author analyzes various approaches to the question of the socio-psychological characteristics of a terrorist's personality. Considering the elements of a typical portrait of a terrorist, the author highlights complex aspects in the study of the personality of a terrorist.

Keywords: terrorist personality, socio-psychological portrait, personality characteristics, terrorist activity, forensic techniques.

Проблематика борьбы с терроризмом на современном этапе развития нашего государства остается актуальным вопросом. Это обуславливается прежде всего в большой степени общественной опасностью данных преступлений, так как эти деяния могут создать угрозу не только для жизни и здоровья конкретного человека, но и для безопасности государства в целом.

В связи с этим особо актуальным видится совершенствование способов борьбы с террористическими актами и созданием новых методов их предотвращения, как на законодательном уровне, так и в сфере правоприменения. Исследование криминологических особенностей личности террориста способствует выявлению основных причин совершения преступлений данной категории, а также их раскрытию и предотвращению. Главная причина, становления личности террориста заключается прежде всего в личностных качествах самого человека. У таких людей наблюдается приверженность к действиям насильственного характера, которая раскрывается под влиянием той среды, в которой они растут и проходят основные этапы социализации.

Можно выделить несколько методов, направленных на установление особенностей личности террориста, а именно: портретная экспертиза, баллистическая экспертиза, фоноскопическая экспертиза и т. д. Суть этих методов не только в предупреждении преступлений, но и в непосредственном процессе установления лица, готовившегося к совершению террористического акта или уже его совершившего.

Эти данные, отображают информацию о том или ином лице, его характере, идеях, побуждениях противоправного характера, что может способствовать составлению психологического портрета личности террориста. Так, к примеру, раньше среди террористов преобладали только лица мужского пола. Однако сейчас намечается тенденция все большего активного участия в данной сфере женщин. Указанное обуславливается тем, что в мусульманском обществе женщины очень сильно подвержены влиянию со стороны радикально настроенных мужчин [1, с. 38-42].

В процессе исследования юридической литературы мы пришли к выводу, что к основным чертам личности террориста можно отнести следующее: главенствующим фактором для таких людей является идейная составляющая действий террористического характера, которая выражается в религиозной, политической или идеологической приверженности. К таким группам относят тех, кто состоит в больших террористических организациях, таких как «Исламское государство», «Аль-Каида», «Талибан» и т.д. Изучая поведение данных лиц видно, что их действия

сопряжены с причинением физического вреда объекту посягательства.

Ю.М. Антонян, изучая личностные особенности террористов, пишет, что такой тип личности имеет алогические и коррелирующиеся психологические свойства, которые имеют важное значение в определении его предрасположенности к совершаемым преступлениям. При этом он отмечает, что террористы не образуют единой психопатологической группы. Среди них могут быть как психически нездоровые люди, так и те кто отдается данной деятельности сознательно из собственных убеждений [2, с. 368].

По мнению М.Ю. Зеленкова, в основе психологии конкретного террориста можно выделить следующие свойства: агрессивность, неустойчивую психику, высокую внушаемость, пренебрежение к окружающим, веру в правильность действий, жестокость. Ярким примером является действия банды Басаева в г. Буденновск, выражающиеся в угрозах убийством, причинением телесных повреждений, издевательствах, а также удержанием захваченных заложников в ситуации опасной для жизни и здоровья [3, с. 88].

А.Г. Красильниковым сделан вывод о том, что для террористов характерен следующий возрастной диапазон: для главарей: от 25 до 40 лет, для рядовых террористов: от 17 до 25 лет. И если первая категория имеет судимость за ранее совершенные насильственные преступления, то вторая наоборот не занималась ранее преступной деятельностью. Общим для обеих групп является отсутствие постоянного источника дохода, в основном они живут за счет средств от деятельности террористических организаций [4, с. 46].

В научной литературе можно встретить различные критерии для классификации личности террориста: в зависимости от типа темперамента (холерик, сангвиник, меланхолик, флегматик); в зависимости от целей (террорист «зомби», «патриот», «мститель», «за деньги», «поневоле», «маньяки»).

Подробнее остановимся на втором варианте классификации. Так, для террориста-зомби характерна высокая подверженность психологическому воздействию (как под действием гипноза, так и под влиянием психотропных веществ), отрешенный взгляд, отсутствие контактов с другими людьми, вялая речь, невыразительная жестикуляция.

Для террориста мстителя (в большинстве своем это женщины и подростки) характерен высокий самоконтроль, негативное отношение к окружающим, эмоциональная холодность, что сопровождается ранней потерей близких людей, отлучением от семьи, привычного круга общения,

подверженностью идеологической и психологической «промывке».

Террорист-патриот – лицо обладающее фанатическими убеждениями в правоте своей веры, идеях и образах врага в лице представителей других религий и национальностей. Подозрительность, хладнокровие и постоянная готовность, агрессивность, высокомерие и пренебрежительность к другим, вот отличительные черты такого человека. Он идет на совершение преступления с убеждением в своей правоте.

Террорист «за деньги» совершает данные преступления только из корыстных побуждений, у него нет идейных интересов, основная причина его участия в террористическом акте – корыстная нажива. Такой человек не надежен, готов предать или отказаться выполнять любые поручения, если поймет, что не сможет обогатиться. Для него не существуют авторитеты или лидеры, он работает лишь на того, кто платит.

Террорист «по неволе» – лицо, которое подтолкнули к совершению террористического акта против его воли. Для такого человека характерно: погружение в собственные раздумья и проблемы, отдаленность от других людей, подавленное состояние. Его пугает зрительный контакт, его голос приглушенный, речь заторможена.

Террорист-маньяк – лицо, которое ищет собственной «славы», страдающий различными психическими расстройствами, замкнутый, раздражительный, агрессивный, суетливый [5, с. 32-33].

Обобщая вышесказанное, можно выделить общие признаки, присущие личности террориста: наличие идейных, религиозных, идеологических мотивов совершения преступлений; отсутствие границ между реальностью и апокалипсическими фантастическими представлениями; отвращение к другим людям; жестокость; неспособность воспринимать аргументы и представления людей, мыслящих по-другому; утрата правильного представления о целях и идеалах в жизни; чувство превосходства над другими людьми [6, с. 50].

Таким образом, изучение личности террориста – это сложный процесс, так как она имеет специфические психологические особенности, различные мотивы своего преступного поведения, непредсказуемость в своем развитии. Несмотря на то, что исследования в аспекте изучения личности террориста достаточно масштабны, все же остаются пробелы, связанные с трудностью выявления на ранних стадиях предпосылок становления личности террориста. Данные криминологические знания могли бы повлиять на эффективность реализации превентивных мер противодействия терроризму.

Список литературы

1. Ханов Т.А. Изучение личности террориста / Т.А. Ханов, Б.М. Нургалиев, А.В. Баширов // *Актуальные проблемы современности*. – 2021. – № 2 (32). – С. 38-42.
2. Антонян Ю.М. Личность преступника. Криминологическое психологическое исследование / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 368 с.
3. Зеленков М.Ю. Социально-психологические универсалии личности современного террориста / *Вопросы безопасности*. С.88-99. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL.:<https://www.elibrary.ru/>
4. Красильников А.Г. Личность террориста: криминологический аспект / А.Г. Красильников // *Законность*. – 2008. – № 5. – С. 46-48
5. Шендра С.Е. Психологический портрет личности террориста / С.Е. Шендра, А.А. Хонин, А.Д. Войлошников // *Молодой ученый*. – 2022. – № S13-1 (408-1). – С. 32-33.
6. Эриашвили Н.Д. Личность террориста как объект криминологического учения / Н.Д. Эриашвили // *Криминологический журнал*. – 2021. – № 4. – С. 50-56.

© Ю.В. Гулаев, 2022

МИГРАЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК УГРОЗА КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

*Дешко Дарья Андреевна,
магистрант*

*Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Научный руководитель:

Серегина Елена Владимировна,

к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье осуществлен анализ современного состояния миграционной преступности. На основе изучения количественно-качественных показателей миграционной преступности, вносятся некоторые предложения по совершенствованию мер, направленных на обеспечение миграционной безопасности. В частности, определено, что проблема предупреждения миграционной преступности, в условиях криминальной глобализации мира, относится к одной из значимых и от своевременного ее решения зависит обеспечение криминологической безопасности личности, общества и государства.

Ключевые слова: миграционная преступность, криминологическая безопасность, иностранные граждане, лица без гражданства, предупреждение преступности.

MIGRATION CRIME AS A THREAT TO CRIMINOLOGICAL SECURITY

Deshko Darya Andreevna

Scientific adviser: Seregina Elena Vladimirovna

Abstract: the article analyzes the current state of migration crime. Based on the study of quantitative and qualitative indicators of migration crime, some proposals are made to improve measures aimed at ensuring migration security. In particular, it is determined that the problem of preventing migration crime, in the conditions of criminal globalization of the world, belongs to one of the most

significant and ensuring the criminological security of the individual, society and the state depends on its timely solution.

Key words: *migration crime, criminological security, foreign citizens, stateless persons, crime prevention.*

В настоящее время, учитывая развитие процессов глобализации и ее влияние на миграционные процессы, а также существующие тенденции развития и потребности в трудовых ресурсах, демографии, миграция представляет собой неизбежный и необходимый процесс переселения народов. Причинами миграционных процессов на современном этапе выступают такие факторы, как политический, возникающий, например, в связи с ухудшением международной обстановки, обусловленным деятельностью международных террористических организаций и т.п. Количество людей, которые более или менее добровольно по различным, в том числе и по названным причинам, пересекают границы более развитых в экономическом и демократическом отношении стран, чтобы внутри этих границ обустроить свою жизнь. Такая пасторальная картина мирного строительства новой жизни не должна вводить в заблуждение, так как эти мигранты начинают теснить коренное население в сфере экономики, влияя не только на политическую жизнь, но и на криминальную обстановку [1, с. 4].

Во многих принимающих мигрантов странах различают разные группы мигрантов: трудовые мигранты, мигранты, ищущие политического убежища, беженцы от гражданских войн и погромов, переселенцы, изгнанники, законные и незаконные мигранты. Невозможно подсчитать, когда и сколько иностранных граждан пересекут границу Российской Федерации в ближайшей и отдаленной перспективе, процесс сбора и анализа данных о количественной и качественной сторонах этого явления осложняется другим не менее важным, но менее изученным явлением, которое в большей мере присуще именно преступности. Речь идет о латентности, или латентной преступности мигрантов. Латентность преступности в целом и миграционной преступности в частности вызывает серьезные отрицательные последствия. Ее наличие создает в определенной микросреде психологическую обстановку безнаказанности общественно опасных деяний, что, в свою очередь, поощряет лиц, совершивших преступления, продолжать и расширять свою преступную деятельность [2, с. 53].

В последние годы формируется тенденция роста количества

преступлений, совершенных иностранными гражданами в общей совокупности преступности. Очевидно и то, что государство не может не реагировать на подобные посягательства и соответственно вынуждено создавать систему обеспечения национальной безопасности по всем основным направлениям своей деятельности [3, с. 14].

На протяжении последних лет показатели преступности мигрантов в Российской Федерации отличает устойчивая тенденция к росту. Так, в 2016 г. было выявлено 4 229 мигрантов, совершивших преступления, в 2017 г. – 5 174 (+22,3%), в 2018 г. – 5 248 (+1,4%), в 2019 г. – 5 685 (+8,3%), в 2020 г. – 6 300 (+10,8%). В 2021 г. выросло количество преступлений, совершенных иностранными лицами и лицами без гражданства совершено преступлений – 36 420 (+5,9%).

Анализ статистических данных позволяет выявить некоторые тенденции преступности мигрантов. Так, за последние пять лет изменился ее характер: сократилась доля особо тяжких и тяжких преступлений, совершаемых мигрантами (с 9,6% от общего числа преступлений, совершенных мигрантами, в 2016 г. до 8,7% в 2021 г. по особо тяжким преступлениям; с 23,7% до 19,6% по тяжким преступлениям); соответственно увеличилось количество преступлений средней и небольшой тяжести, совершаемых мигрантами (с 20,9% в 2016 г. до 21,9% в 2021 г. по преступлениям средней тяжести; с 45,8% до 49,8% по преступлениям небольшой тяжести).

В структуре миграционной преступности лидируют преступления против собственности в 2021 г. – 38,7%, среди которых мигранты совершают преимущественно кражи. Немного менее среди мигрантов распространены преступления против порядка управления – 31,2%. Третье место занимают преступления против здоровья населения и общественной нравственности – 8,2%, при этом, как правило, мигранты совершают незаконное производство, сбыт или пересылку наркотиков. Чуть меньшую долю в структуре миграционной преступности имеют преступления против жизни и здоровья – 6,9%, при этом мигранты совершают преимущественно умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Практически одинаково распространены среди мигрантов преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта – 4,6% (в большинстве – ст. 264.1 УК РФ) и преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления – 4,1% (в большинстве – ст. 291.2 УК РФ). Менее совершаемыми являются преступления против половой свободы и неприкосновенности – 2,5%, общественной безопасности – 1,7%, в сфере

экономической деятельности, экологические, против конституционных прав и свобод человека и гражданина, против свободы, чести и достоинства личности, против семьи и несовершеннолетних, против правосудия – менее 1% [4].

Высокий процент преступлений против собственности в структуре миграционной преступности коррелирует с долей этих преступлений в общей структуре преступности. Нельзя считать совершение корыстных преступлений отличительной чертой преступности мигрантов. Также соотносима и доля преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, преступлений против безопасности движения, совершаемых мигрантами. Примечательно, что распространенность преступлений против жизни и здоровья среди мигрантов в два раза ниже, чем среди всех преступников.

Существенное различие наблюдается по преступлениям против порядка управления: всего в 2021 г. такие преступления совершило 61 862 человека (7,3% от общего числа лиц, совершивших преступления), из них 1 968 мигрантов (31,2% от общего числа мигрантов, совершивших преступления). Наиболее распространены среди мигрантов преступления, предусмотренные ст. 322-322.3 УК РФ, которые обобщены понятием «преступления против порядка управления миграционной деятельностью».

Анализ сведений о состоянии преступности в Российской Федерации за январь – июнь 2022 год показал, что иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено более 9 000 преступлений, из которых более 7 000 – гражданами государств-участников СНГ. По результатам изучения уголовных дел по преступлениям, совершенным мигрантами, установлено, что они носят преимущественно корыстно-насильственный характер с соответствующими квалифицирующими признаками [5, с. 5].

Статистические данные свидетельствуют о постепенном изменении характера преступности мигрантов, а именно смещении баланса в пользу деяний небольшой и средней степени тяжести. Структурно преобладают преступления против собственности, против порядка управления и против общественной нравственности и здоровья населения, однако наиболее специфическим видом среди них остаются преступления против порядка управления миграционной деятельностью.

В связи с нарастающим динамизмом миграционных потоков проблема противодействия нелегальным проявлениям миграции приобрела на ближайшую перспективу непреходящую актуальность. Предупреждение преступности, в том числе миграционной, одна из

проблем, существующих в современном обществе [6, с. 64]. Криминологические оценки преступности мигрантов позволяют сформулировать предложения, направленные на повышение эффективности деятельности государственной власти в целом и правоохранительных органов в частности, по предупреждению и профилактике преступлений в данной области и противодействию негативным последствиям преступной деятельности мигрантов [7, с. 6].

Озабоченность ростом количества преступлений, совершенных мигрантами, выразил Совет Безопасности Российской Федерации, в связи с этим уже в начале февраля 2021 г. предложено «усилить государственный контроль (надзор) за исполнение требований федерального законодательства в сфере миграции, в том числе по вопросам профилактики противоправных деяний среди иностранных граждан на территории Российской Федерации, устранения причин и условий их совершения; выработаны меры, направленные на повышение эффективности работы по предупреждению и пресечению коррупционных правонарушений при предоставлении государственных услуг в сфере миграции; разработаны конкретные мероприятия по выявлению, пресечению и предупреждению попыток вовлечения иностранцев в криминальную среду, экстремистскую, террористическую и коррупционную деятельность. В частности» [8].

Для эффективного предупреждения миграционной преступности в современной России требуется, прежде всего, совершенствование комплекса мер, направленных на противодействие преступности в целом. Базовым направлением профилактической деятельности государства должна стать корректировка миграционной политики, в частности, ужесточение ответственности за незаконную миграцию, являющуюся основной детерминантой преступлений против порядка управления миграционной деятельностью. Важно отметить, что слаженная, созидательная и ответственная работа всех уровней власти, должностных лиц, общественных объединений, юридических лиц и граждан поможет грамотной реализации задач государственной миграционной политики, что в конечном счете приведет к обеспечению миграционной безопасности страны в целом.

Список литературы

1. Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ: монография / В.Ю. Артемов, И.С. Власов, Н.А. Голованова и др.; отв. ред. И.С. Власов, Н.А. Голованова. – М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2012. – 496 с.

2. *Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб.: Питер, 2003. – 422 с.*
3. *Первозванский В.Б., Строгович Ю.Н. Мигранты и национальная безопасность // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2019. – № 4. – С. 13 - 16.*
4. *Официальный сайт МВД РФ. – URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports> (14.10.2022).*
5. *Волчецкая Т.С., Рябенякая Н.Л. Особенности криминалистической характеристики корыстно-насильственных преступлений, совершаемых мигрантами // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2018. – № 2-2. – С. 3 - 9.*
6. *Серегина Е.В. Отдельные проблемы преступности и мер воздействия на нее // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – №48-4. – С. 62 - 65.*
7. *Буняева А.В., Буняева М.В., Серегина Е.В. Преступность мигрантов: виды и специфика причинности, меры воздействия на нее: монография. – М.: КРЕДО, 2017. – 134 с.*
8. *Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. – URL: scrf.gov.ru (14.10.2022).*

© Д.А. Дешко, 2022.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В РАЙОНАХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА**

*Дорофеева Злата Евгеньевна,
студентка 4 курса юридического факультета
очной формы обучения
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Ростовский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Розава Инга Георгиевна,
старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Ростовский государственный университет правосудия»*

Аннотация: Статья посвящена роли обеспечения технико-криминалистической техники в полевых условиях, раскрываются понятия криминалистической техники, проводится анализ мнений, ученых в области организации оперативно-розыскной деятельности в районах боевых действий, а также опыт использования передвижных криминалистических лабораторий на практике.

Ключевые слова: военно-полевая криминалистика, технико-криминалистическое обеспечение, передвижная криминалистическая лаборатория, производство судебно-медицинских экспертиз, район вооруженного конфликта.

**CURRENT PROBLEMS OF TECHNICAL AND FORENSIC SUPPORT
FOR THE DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES IN
AREAS OF ARMED CONFLICT**

*Dorofeeva Zlata Evgenievna,
Scientific adviser: Rogava Inga Georgievna*

Abstract: The paper is devoted to the role of technical and forensic support in field conditions, the concepts of forensic technology are disclosed, the analysis of scientists' opinions in the field of organization of operative-

search activity in combat areas, as well as the experience of using mobile forensic laboratories in practice is carried out.

Keywords: *military field forensics, technical and forensic support, mobile forensic laboratory, forensic examinations, area of armed conflict.*

Анализ истории и современного состояния мирового развития, показывает, что для Российской Федерации, как и для любого государства проблема военной безопасности имеет принципиально важное значение. Наше государство находится в постоянном процессе развития в различных сферах: геополитических, экономических, социально-политических, военных. Приоритет в использовании военной силы для решения спорных проблем остается в числе существенных признаков современной действительности, на ряду с этим продолжается рост нераскрытой преступной деятельности в зонах боевых действий. Автор С.Э Гавето отмечает, «В период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994-1996) буквально на ходу приходилось менять организацию работы военной прокуратуры, принципы ее формирования, порядок прохождения службы в этом регионе, а также совершенствовать методику расследования преступлений». Нельзя не согласиться с мнением автора, расследования преступлений в районах вооруженного конфликта, осложняется многими факторами: время на расследования, внешняя чрезвычайная обстановка, повышенный фактор риска и как следствие затруднение предоставления технических средств [1, с. 194]. Так, С.В. Маликов указывает на деструктивные факторы, влияющие на организацию оперативно-розыскной деятельности в районах вооруженного конфликта: «Быстрое изменение оперативной обстановки; гибель, ранение и пленение свидетелей, потерпевших, подозреваемых в ходе боевых действий; изменение обстановки места происшествия в результате бомбардировки, захвата противником» [2, с. 143]. В связи с вышеперечисленными экстремальными обстоятельствами, крайне необходимым стал поиск организационных решений так как обычная организация работы военных следственных органов, их система и порядок расследования преступлений в районах вооруженного конфликта недостаточна. Потребовалось активная использование возможностей правовой науки, ею стала криминалистика. Как мы знаем из учебного материала одной из главных задач криминалистики является технико-криминалистическое обеспечение работы с материальными следами на месте происшествия. Для многих ученых данный вопрос оставался столь

дискуссионным. Р.С. Белкин отрицал термин «полевая криминалистика» аргументируя: «в языке криминалистической науки не существует такого понятия, которое обозначалось этим термином» – подразумевая данный термин он определил иначе и назвал технико-криминалистические средства. Техничко-криминалистические средства – это методы работы с доказательствами, которые используются или могут быть использованы не в кабинете следователя или в лаборатории эксперта, а непосредственно в «полевых» условиях.

Проблема данного понятия актуальна и сегодня, в связи с ростом военной преступности и иными боевыми действиями остаётся затруднительным привлечение к ответственности лиц в зонах вооруженного конфликта, а как следствия уход от ответственности и продолжительный рост преступности, повышенная смертность мирных жителей в зонах конфликтных сторон. Р.С. Белкин, обозначил ряд проблем технико-криминалистических средств на практике:

Во-первых, комплектование, оснащение наборов технико-криминалистических средств. Согласно с мнением автора, ведь в большинстве случаев в экстремальных условия вооруженного конфликта затруднительно оснащение следователя и специалиста для работы в полевых условиях, в связи с недоступностью и громоздкостью данного оснащения.

Во-вторых, централизация средств «полевой криминалистики» и выбор оптимизированного решения о субъекте применения этих средств;

В-третьих, проблема методического характера: возможность проведения криминалистических экспертиз на места происшествия; выявление круга задач в полевых условиях [3, с. 7]. Военный следователь Приамурского военно-окружного суда полковник И.П. Пеганов отмечает: «в военное время надлежащая доброкачественность органов дознания и способов отправления правосудия приобретают особенное значение, потому что требуется крайняя быстрота его, отчетливость, верность, наименьшая вероятность ошибки. Многие преступления должны быть немедленно наказаны и часто такими непоправимыми наказаниями, как смертная казнь. Даже поправимый приговор фактически превращается в непоправимый, т.к. большинство доказательств вины или невинности быстро и навсегда пропадает: места меняются, свидетели рассеиваются, все занято напряженно и занято не тем. По той же причине, если пропущено время для немедленного расследования и судебного рассмотрения преступления, оно может затянуться на несколько месяцев и почти необходимо делается поверхностными и неудовлетворительными»

[4, с. 7].

На сегодняшний день выделенные проблемы остаются актуальными, в связи с недоступности некоторых средств в зону боевых действий, мало востребованность учебно-методического сопровождения применения технико-криминалистических средств, вопрос финансирования, контроля данных лабораторий, а также отступление от опыта прошлых лет, по вопросу организация следственной работы в зонах вооруженного конфликта. К основным требованиям, предъявляемым к технико-криминалистическому оборудованию, применяемому в районах вооруженного конфликта, относятся: мобильность, автономность, многофункциональность, стойкость к неблагоприятным внешним воздействиям. Пределы технико-криминалистического оснащения мобильных следственно-оперативных групп для работы в «полевых» условиях определяются процессуальными функциями и объемом профессиональных знаний следователей и специалистов-криминалистов в области применения технико-криминалистических средств, а также реальными возможностями доставки и развертывания необходимого оборудования по месту его использования.

На современном этапе для работы в «полевых» условиях были предприняты ряд решений например, для следователей военной прокуратуры был разработан не имеющий аналогов не только в РФ, но и за рубежом – унифицированный облегченный криминалистический комплект на базе разгрузочного жилета, в состав которого входят: фотоаппарат, диктофон, фонарь, лупа с подсветкой, металлоискатель, ультрафиолетовый осветитель, портативный микроскоп, пробник электрический, калькулятор, компас, линейки, рулетка, набор слесарного инструмента, пинцет, скальпель, резиновые перчатки. Уральским юридическим институтом МВД России (далее – УрЮИ МВД России) была разработана и внедрена частная методика использования криминалистической лаборатории как учебно-полигонного центра, в качестве образовательной организации и создания материально-технической базы для студентов. На базе автобуса ПАЗ 32053-50 спроектирована и оборудована учебная передвижная криминалистическая лаборатория (УПКЛ-2019), которая оснащена современными технико-криминалистическими средствами по обнаружению, изъятию и фиксации следов преступления. УПКЛ-2019 адаптирована для работы в особых географических условиях труднодоступной и удаленной местности, при экстремальных погодных условиях и колебаниях температур от -450 C до $+450\text{ C}$. Целью проектирования данных моделей является эффективная практика для

обучающихся на смоделированном месте происшествия, обстановка которого максимально приближена к реальным условиям работы участников следственно-оперативной группы, что в свою очередь повышает опыт специалиста уже на этапе учебного процесса [5 с. 1]. Историческим примером является производство судебно-медицинских экспертиз в условиях боевой обстановки в период нахождения Ограниченного контингента Советских войск в Афганистане 1980 году. Так, в феврале 1980 г. в Афганистан прибыла 267-я судебно-медицинская лаборатория, имея в своем штате начальника и старшего врача-специалиста (судебно-медицинского эксперта), одного лаборанта, двух санитаров и одного водителя, и обслуживала пять военных прокуратур и госпитали. Вскрытие трупов производилось в четырех полевых моргах – нештатных пунктах по обработке и отправке в СССР тел погибших, размещенных при медико-санитарных батальонах. Всего военные судебно-медицинские эксперты 40-й армии за период военных действий в Афганистане выполнили большой объем работы, произведя экспертизы по исследованию 1435 трупов [6, с.64].

Подводя итог, можно сказать, что для решения данной проблемы необходимо внесение изменений в законодательство, а возможно выделение в отдельную главу процесс расследования в районах вооруженного конфликта, в зоне боевых действий, а также в чрезвычайных условиях, необходимо четко определить, кто является должностными лицами, какие задачи выполняются, способ исполнения, механизм, финансирование технико-криминалистических средств. Кроме того, необходимо учитывать изменившиеся условия функционирования системы, современные технологии и новейшие разработки в области криминалистической техники должны находить свое использование и применение. Создание единого парка машин, находящийся в пунктах постоянной дислокации военных следственных органов при командовании военных округов.

Список литературы:

- 1. Гавето С.Э. Особенности расследования преступлений против военной службы в условиях Чеченского конфликта. – М., 1997.*
- 2. Маликов С.В. Военно-полевая криминалистика. Вып. 86. М., 2008. С. 143 (Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант»).*
- 3. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. М., 1997. С. 7.*
- 4. Маликов С.В. Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта – М.: Компания*

Спутник+, 2004 С. 421

5. Сайт Уральского юридического института МВД России презентовал учебную передвижную криминалистическую лабораторию. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://урюи.мвд.рф/Press-sluzhba/Novosti/item/18604832> (дата обращения: 16.10.2022).

6. Щедринов, К.С. К вопросу производства некоторых видов судебных экспертиз при расследовании преступлений в районах вооруженного конфликта [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://moluch.ru/archive/26/2755/> (дата обращения: 18.10.2022).

© З.Е. Дорофеева. 2022.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА ИЗ СОСТРАДАНИЯ

*Драб Катерина Сергеевна,
Студент*

*Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Научный руководитель:

Москалева Елена Николаевна,

старший преподаватель кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

***Аннотация:** В статье рассмотрены проблемы квалификации убийств, совершенных по мотиву сострадания. Автор исследует данную проблему в соотношении с моральными нормами, рассуждает о целесообразности легализации эвтаназии, вносит предложения о совершенствовании законодательной трактовки убийства и сострадания.*

***Ключевые слова:** эвтаназия, уголовная ответственность, добровольный уход из жизни, убийство из сострадания, мотив сострадания, пассивная эвтаназия, активная эвтаназия.*

PROBLEMS OF QUALIFYING MERCY KILLING

Denisova Katerina Sergeevna

Scientific adviser: Moskaleva Elena Nikolaevna

***Abstract:** The article deals with the problems of qualifying murders committed for the motive of compassion. The author explores this problem in relation to moral norms, discusses the advisability of legalizing euthanasia, makes suggestions for improving the legislative interpretation of murder and compassion.*

***Keywords:** euthanasia, criminal liability, voluntary death, compassion killing, compassion motive, passive euthanasia, active euthanasia.*

Понятие эвтаназии вошло в оборот с XVI-XVII в., когда английский философ Френсис Бекон предложил обозначать безболезненную смерть, которую осуществляет врач с целью облегчить страдания пациента. А в начале XX века юрист Биндинг и психиатр Гохе предложили называть эвтаназией уничтожение неполноценных жизней безболезненной смерти [1, с. 5]. В большой российской энциклопедии дается определение данного понятия: «Эвтаназия – намеренное ускорение наступления смерти неизлечимо больного с целью прекращения его страданий» [2].

В российском же законодательстве понятие эвтаназии оговаривается в ст. 45 Федерального закона от 21.11.2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», т.е. с юридической точки зрения эвтаназия – это ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента [3]. Из чего вытекают и два вида эвтаназии – пассивная и активная. Пассивная эвтаназия представляет собой действия, направленные на отмену жизнеподдерживающего лечения в случае, когда она прекращается или вовсе не начинается. Активная эвтаназия под собой подразумевает преднамеренное действие прервать жизнь человека (напр. инъекционным путем).

В уголовном праве России эвтаназия запрещена и рассматривается как убийство, совершенное по мотиву сострадания в соответствии с ч.1 ст. 105 УК РФ [4]. Но здесь мы сталкиваемся с проблемой морального восприятия конкретной жизненной ситуации. Да, убийство из сострадания является преступлением, но как быть, если человек неизлечимо болен и испытывает страдания, прося близких о помощи. Данное деяние схоже с решением врачей и близких родственников человека, находившегося в долговременной коме. При этом решение об отключении больного от оборудования жизнеобеспечения принимается без его согласия.

Второй проблемой становится осознание того, что симптомом многих болезней является помутнение сознания, и нельзя гарантировать, что легкую смерть человек выбрал бы, находясь в здравом уме. К тому же возможна и врачебная ошибка в установлении какого-либо противоречащего жизни диагноза.

Обратимся к практике: 9 января 2011 г. в г. Курган супруг из сострадания, выполнил просьбу об убийстве тяжело больной раком супруги, сдавил ее шею шнуром и лишил возможности дышать, от чего она скончалась. Суд признал супруга виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ и, применяя

положения ст. 64 УК РФ, назначил ему 4 года лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Считаем, что при квалификации данного вида убийства в обязательном порядке нужно учитывать поведение самого потерпевшего, ведь, он толкает виновного на преступление просьбой прекратить жизнь, умоляет прекратить его страдания.

Таким образом, происходит столкновение моральных норм и норм закона. Законодательство Российской Федерации обоснованно установило запрет на убийство по мотиву сострадания, но представляется необходимым проанализировать механизм данного преступления с морально-нравственной стороны. В этой ситуации именно жертва умоляет причинить ей смерть. Она бы сделала это сама, но в силу беспомощности не способна даже на это. При этом нестерпимые мучения испытывает не только неизлечимо больное лицо, но и его близкие, ежедневно наблюдающие за его страданиями.

Решение на «домашнюю эвтаназию» принимается как преступником, так и жертвой в процессе долгих страданий, мучений и сомнений. Данную разновидность простого убийства невозможно сравнить с убийством из мести, зависти, ненависти. В связи с этим, мы солидарны с мнением М.А. Горбатова и Н.И. Щипанова, аргументирующих необходимость введения в Уголовный кодекс РФ самостоятельной нормы об ответственности за привилегированное убийство из сострадания [5, с.23].

К необходимым обстоятельствам, подлежащим установлению при применении данной нормы, должны относиться: неизлечимая болезнь, невыносимые страдания, добровольность и осознанность просьбы об эвтаназии. Далее следует рассмотреть вопрос о том, кто может провести процедуру эвтаназии, в какой обстановке и где? Речь идёт о проведении эвтаназии только в медицинских учреждениях или «домашней эвтаназии», но строго под наблюдением врачей.

В связи с этим, возникает вопрос, если же человек добровольно и осознанно просит о проведении эвтаназии, не станет ли это рассматриваться в обществе как легализованный суицид? При изучении статей 110 и 110.1 УК РФ, можно делать вывод, что к суицидальным мыслям или действиям приводят действия других лиц, т.е. мысли о самоубийстве у человека возникают из-за определенных внешних психологических манипуляций. Если мы говорим о решении человека провести процедуру эвтаназии, то нужно понимать, что он делает это осознанно и его психика не подвержена внешним манипуляциям, т.е. это его личное, осознанное решение.

Список литературы

1. Панищев, А.Л., Биомедицинская этика: учебное пособие/ А.Л. Панищев. –М.: ИНФРА-М, 2021. -172 с.
2. Колесников, Д.Б., Бруенок, А.В. Эвтаназики // Большая российская энциклопедия. Т. 35. М., 2017, С. 212.
3. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ // Рос. газ. 2011. – N 263 (23 ноября).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. N 25. Ст. 2954.
5. Горбатова, М.А. Ответственность за убийство из сострадания: некоторые вопросы теории и практики / М.А. Горбатова, Н.И. Щипанова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2019. – Т. 19. – № 3. – С. 22-27.

© К.С. Дрaб, 2022.

**К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ РАСШИРЕНИЯ
ПРЕДМЕТА ОБЖАЛОВАНИЯ ПРИ РАССМОТРЕНИИ
ЖАЛОБЫ, ПОДАННОЙ В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 125
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Дубровин Семён Евгеньевич,

Магистрант

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Полтавцева Лариса Ивановна,

профессор, д.ю.н.,

профессор кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье рассматривается одна из наиболее значимых и актуальных в уголовно-процессуальной науке и практике проблема определения предмета обжалования при рассмотрении судом жалобы, поданной в порядке статьи 125 УПК РФ. Анализируются мнения ученых уголовно-процессуальной науки с учетом разъяснений высших судебных инстанций Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовный процесс, обжалование, предмет доказывания, предмет обжалования, уголовное судопроизводство, судебный контроль.

**TO THE QUESTION OF THE POSSIBILITY OF EXPANDING THE
SUBJECT OF APPEAL WHEN CONSIDERING A COMPLAINT
FILLED IN PROCEDURE OF ARTICLE 125 OF THE CODE OF
CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Dubrovin Semyon Evgenievich

Scientific adviser: Poltavtseva Larisa Ivanovna

Abstract: the article considers one of the most significant and relevant in criminal procedure science and practice the problem of determining the subject

of appeal when the court considers a complaint filed in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The opinions of scientists of criminal procedure science are analyzed, taking into account the explanations of the highest judicial instances of the Russian Federation.

Key words: criminal process, appeal, subject of proof, subject of appeal, criminal proceedings, judicial undefined control.

Судебное обжалование является одним из основных институтов, позволяющих заинтересованным лицам, восстановить свои права и законные интересы в случае нарушения со стороны должностных лиц. Лица, считающие свои права нарушенными, имеют право обратиться с жалобой к вышестоящим должностным лицам в порядке статьи 124 УПК РФ, однако, судебный контроль в данном случае выступает дополнительной гарантией, не отягощенной спорной заинтересованностью в исходе дела. Особенность рассматриваемой формы обжалования является то, что она представляет собой единственный случай деятельности суда на стадии возбуждения уголовного дела.

Востребованность судебного обжалования действий (бездействий) должностных лиц подтверждается статистическими данными: в 2021 году в суды поступило 113 732 материала, в 2020 году – 130 334, в 2019 году – 119 776 [1]. Это напрямую свидетельствует о том, что судебное обжалование – часто используемый гражданами инструмент.

Одной из проблем судебного обжалования действий (бездействий) в порядке статьи 125 УПК РФ является определения предмета обжалования. Данный вопрос волнует уголовно-процессуальную науку достаточно давно и остается актуальным и на данный момент. На отсутствие четкого определения обжалования указывали С.Б. Россинский и С.А. Роговая, говоря о том, что исходя из законодательной регламентации предметом обжалования по статье 125 УПК РФ могут быть различные действия (бездействие) или решения органов предварительного расследования и прокуратуры, способные причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию [2].

Определение предмета обжалования в рамках производства по жалобе, поданной в порядке статьи 125 УПК РФ, должно происходить еще на этапе принятия заявления к рассмотрению. В частности на это обращает внимание О.А. Лукьянова. По её мнению, «это позволит осуществлять уголовное судопроизводство с разумной экономией привлекаемых сил и

средств и в более короткие сроки» [3, с. 112]. Данный тезис представляется бесспорным: гражданину, считающими свои права и законные интересы нарушенными, не придется проходить всевозможные инстанции с тем заявлением, в котором отсутствует предмет обжалования. В дополнение к точке зрения О.А. Лукьяновой отметим, что в случае отказа от принятия жалобы в связи с отсутствием предмета обжалования, суду надлежит разъяснить заявителю возможность обжалования в порядке статьи 124 УПК РФ, а также указать конкретные обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии предмета обжалования.

В определении предмета обжалования в тексте статьи 125 УПК РФ законодатель ограничивается лишь указанием на действия, бездействие и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию. Такое понимание предмета обжалования вводит в заблуждение не только граждан, но и правоприменителя. В 2020 году в рассматриваемую дискуссию между законодателем, доктриной и правоприменителем вмешался Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 29 октября 2020 года № 2539-О указав, что суд должен на этапе предварительного заседания установить наличие или отсутствие предмета обжалования. При установлении отсутствия предмета обжалования суду надлежит прекратить производство по жалобе как бессмысленное [4].

Годом ранее Конституционный Суд Российской Федерации указал, что суд при рассмотрении жалобы, поданной в порядке статьи 125 УПК РФ, не должен ограничиваться лишь формальными требованиями уголовно-процессуального кодекса РФ, отказываться от оценки наличия или отсутствия законного повода и основания для возбуждения уголовного дела, а также от фактической обоснованности обжалуемых действий. По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, это напрямую искажает сущность правосудия [5]. Если исходить из мнения одной из высших судебных инстанций получается, что суд при рассмотрении жалобы, поданной в порядке статьи 125 УПК РФ, имеет право исследовать любые материалы, которые свидетельствуют о совершении преступления, обратить внимание должностного лица на допущенные нарушения, требовать их устранения. Названная позиция полностью не соответствует разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, данным в постановлении Пленума, в которых рекомендуется проверять именно

формальную сторону процессуальной деятельности лиц, чьи действия, бездействия или решения обжалуются [6].

Указанное противоречие вызывает существенные проблемы в правоприменении. С одной стороны, расширение предмета обжалования положительно повлияет на доступ граждан к правосудию. С другой стороны, вмешательство суда на стадии предварительного производства по уголовному делу в существо уголовного дела будет излишним, сделает из судебной системы орган постоянного надзора, а также повлияет на независимость суда при передаче этого уголовного дела в суд на разрешение по существу. Представляется, что угроза принципу независимости суда является веской причиной для того, чтобы принять позицию Верховного, а не Конституционного Суда Российской Федерации.

Нам представляется, что предмет обжалования необходимо не расширить, а конкретизировать. Как указывает Заместитель Председателя Верховного Суда РФ В.А. Давыдов: «лишь 6% подаваемых в порядке статьи 125 УПК РФ жалоб являются обоснованными и подлежат удовлетворению» [7, с. 9]. Это означает, что наличие в законе широко определенного предмета обжалования дестабилизирует работу судебной системы, а также системы органов предварительного расследования [8, с. 72].

Для решения указанной проблемы необходимо закрепить в статье 125 УПК РФ разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в качестве правовых норм следующего содержания:

1. Исключить из предмета обжалования действия (бездействия) лиц, которые не реализуют функцию уголовного преследования. Обжалование таких действий (бездействий) в порядке статьи 125 УПК РФ не влияет на итоговое решение, а лишь затягивает процесс установления истины.

2. Исключить из предмета обжалования такие действия (бездействия) и решения, проверка законности которых заставляет суд фактически начинать рассмотрение уголовного дела по существу.

3. Исключить из предмета обжалования такие действия (бездействия) и решения, для которых предусмотрен отдельный порядок обжалования.

4. Установить обязательные требования к содержанию жалобы в виде наименования суда, данных о лице, подавшем жалобу, указание на действие (бездействие) или решение, обжалуемое лицом, перечень приложений, подпись лица. Это позволит конкретизировать процесс рассмотрения жалобы, так как в настоящий момент в тексте уголовно-

процессуального закона указано лишь то, что жалоба процедура рассмотрения осуществляется в форме судебного заседания. Выраженный подход позволит выяснить вопросы подсудности, наличия предмета обжалования, наличие необходимых и достаточных сведений для рассмотрения жалобы, что соответствует необходимой задаче своевременного установления истины по уголовному делу и не даст искусственно затягивать производство.

Список литературы

1. *Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 26.10.2022).*

2. *Россинский С.Б. Предмет обжалования в суд действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокуратуры: от теории к практике / С.Б. Россинский, С.А. Роговая // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 48-52.*

3. *Лукьянова О.А. Проблемы определения предмета обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ / О.А. Лукьянова // Российский юридический журнал. 2011. № 6(81). С. 110-116.*

4. *Определение Конституционного Суда РФ от 29 октября 2020 г. № 2539-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Солодкина Игоря Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.*

5. *Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2019 N 14-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Васильевой Нины Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29012019-n-14-o/> (дата обращения: 26.10.2022).*

6. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 N 1 (ред. от 28.06.2022) "О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84964/ (дата обращения:*

26.10.2022).

7. *Виноградова В.А. Новые правовые позиции Верховного Суда РФ по вопросам обжалования действий (бездействия) и решений должностных лиц органов, осуществляющих уголовное преследование // Российский следователь. 2016. № 18. С. 7-11.*

8. *Карташов И.И., Городилина В.В. Рассмотрение жалоб в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ: проблемы и перспективы // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2019. Т. 6. № 4. С. 70-77.*

© С.Е. Дубровин, 2022.

ГЕНЕЗИС СТАНОВЛЕНИЯ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА И ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ

Закурдаева Маргарита Александровна,

магистрант 3 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Демидченко Юрий Викторович,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье исследуется история становления и развития таких процессуальных документов, завершающих стадию предварительного расследования, как обвинительный акт и обвинительное постановление. Определяется, что становление данных документов связано с развитием уголовного процесса. Делается вывод, что итоговые процессуальные документы, завершающие расследование по делу, зародились с появлением состязательного типа уголовного процесса, где функцию обвинения и функцию правосудия осуществляют разные органы, характерно наличие обвинительных документов.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, процессуальные документы, орган расследования, обвинительный акт, обвинительное постановление.

THE GENESIS OF FORMATION AND THE LEGAL NATURE OF THE INCURED ACT AND THE INCLUDING DECISION

Zakurdaeva Margarita Alexandrovna

Scientific adviser: Demidchenko Yury Viktorovich

Abstract: the article examines the history of the formation and development of such procedural documents that complete the stage of preliminary investigation, such as an indictment and an indictment. It is determined that the formation of these documents is associated with the

development of the criminal process. It is concluded that the final procedural documents that complete the investigation of the case originated with the advent of an adversarial type of criminal process, where the function of prosecution and the function of justice are carried out by different bodies, the presence of accusatory documents is typical.

Key words: *criminal proceedings, procedural documents, investigating authority, indictment, indictment.*

История становления и развития таких процессуальных документов уголовного судопроизводства, как обвинительный акт и обвинительное постановление, тесно связано с развитием уголовного процесса. Предпосылки становления данных документов связаны с типом уголовного процесса. Так, для розыскного типа процесса, в котором суд совмещал функцию обвинения и правосудия, обвинительные документы вообще не были свойственны. В состязательном типе процесса, где функцию обвинения и функцию правосудия осуществляют разные органы, характерно наличие обвинительных документов, т.к. функция обвинения возлагалась на органы расследования, которые по завершении расследования составляли обвинительный документ, которые вместе со всеми материалами предавался в суд, за которым и было окончательное решение по делу.

В доклассовом обществе не было никаких органов расследования и лиц, его осуществляющих, поскольку преступление рассматривалось как «межличностный конфликт между двумя или несколькими лицами, нанесенный вред. Причиненный одному из членов общины вред рассматривался как нанесенный всей общине. По первобытному юридическому обычаю восточных славян в разрешении конфликтов активность проявлял тот, кто был заинтересован в изобличении и наказании лица, нарушившего существующие правила поведения и причинившего вред. Прежде всего это жертвы, а также их родственники и община» [1, с. 84-89].

Становление древнерусского государства в 9 в. потребовало решения вопросов укрепления власти новыми средствами. Кроме того, начали возникать простейшие формы расследования, а кровная месть постепенно заменяется правосудием. Возникает судопроизводство, которое изначально разделялось на гражданское и уголовное, и характеризовалось состязательностью, где помимо стороны защиты, существовала сторона обвинения, в обязанности которой входило проведение расследование и

оформление его результатов в итоговом обвинительном документе.

Важной вехой развития исследуемых процессуальных документов является Устав Владимира Мономаха 12 в., который письменное судопроизводство.

Первые же упоминания об итоговых обвинительных процессуальных документах, завершающих следствие, и лицах, их принимающих, в рамках уголовного судопроизводства, можно обнаружить в Псковской и Новгородской ссудных грамотах. Так, в тексте Псковской судной грамоты итоговое обвинительное решение называлось «обвинительной грамотой»: «А которой позовник пойдет истца звати на суд, и той позванный не пойдет на погост к церкви позывницы чести, или стулится от позывницы, ино позывница прочести на погосте пред попомъ, или паки тоиж позванный позывницею, не емля оброку, да не станет на суд пред господою, ино госпóде дать на него грамота, на виноватаго на 5 день, позовником» [2]. Новгородская судная грамота итоговое обвинительное решение. Принимаемое по итогам следствия, называла «повесткой»: «Статья устанавливает, что обязавшимся («кто обещается») явиться в суд к определённому сроку повестка («отсылка») не посылается, однако в случае изменения срока рассмотрения дела судьёй этой стороне посылаются 3 отсылки, и при их неполучении, младший чиновник (бирюч). Сторона, не явившаяся после всего этого, проигрывала дело» [3]. При этом, субъектами принятия данных обвинительных документов являлись княжеские писцы.

Централизация Российского государства способствовала активному правотворчеству и нормотворчеству. В 1497 г. издается Судебник Ивана III, который стал первым кодексом права Российского централизованного государства. В данном документе наблюдается дифференциация процессуальных документов. Так, ст. 24 гласила «О докладном списке. Докладной список, утвержденный великим князем или детьми великого князя, скрепляется печатью великого князя или детей великого князя. С докладного списка взыскивается пошлина из расчета с рубля: печатнику за проставление печати – по 9 денег, дьяку за подпись по алтыну, а подьячему за написание решения вышестоящего суда – по 2 деньги» [4], т.е. здесь речь идет об итоговом обвинительном документе расследования, который потом передавался судье для рассмотрения.

В 1550 г. принимается Судебник Ивана IV, в котором также содержались положения об итоговом документе расследования – докладном списке: «А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк просудится, а обвинит кого не по суду бесхитростно, или список подпишет и правую грамоту даст, а обшется то в правду, и боярину, и

дворецкому, и околничему, и казначею, и диаку в том пени нет; а истцом суд з головы, а взятое отдати» [5].

Следующим историческим актом явилось Соборное Уложение 1648 г. царя Алексея Михайловича, вобравший в себя весь имеющийся опыт московской канцелярии и вытеснивший состязательный тип процесса. В тексте данного документа обвинительный документ назывался опасной грамотой, так согласно ст. 113 «А будет кто поместной, и вотчинной имянной и прожиточной человек всякаго чину учнет похвалитца на кого смертным убивством, и тот, на кого он похвалитца, учнет государю бити челом, чтобы государь велел ему на того, кто на него похвалитца, дати опасную грамоту з болшею заповедью, а заповеди велел бы государь во опасную грамоту написать на того, кто на него похвалитца, пять тысящ или шесть или семь тысящ рублей и болши, и тому дать такая опасная грамота» [6]. Опасная грамота выдавалась царем и ею завершался розыскной процесс.

Значимые изменения в понимании обвинительного акта и обвинительного постановления были внесены Указом Петра I от 5 ноября 1723 года «О форме суда». Прообразом данных обвинительных документов была тетрадь, которая согласно ст. 2 Указа «А когда время придет суда, тогда изготовить две тетради, прошивные шнуром, и оной запечатать, и закрепить Секретарю по листам, из которых на одной писать ответчиков ответ, на другой истцовы или доносительвы улики» [7]. Кроме того, при Петре I была предпринята попытка отделения судебных органов от административных, которая последовательно не была осуществлена. Судебные органы и органы расследования по-прежнему не разделялись. Судопроизводство полностью стало письменным. «Орган, производивший следствие, обязан был изготовить точное письменное изложение всего дела. Весь письменный материал в канцелярии систематизировался, и изготовлялась так называемая выписка, которую предписывалось делать «пунктами ж, и прочесть каждому и велеть подписать по пунктам челобитчику и ответчику каждому на свое, для того все ли писано; и буде будут спорить, что не все, или инако выписано, то те пункты подписанные от них предложить им, и буде что неисправно, исправить; а когда подпишут, тогда приговоры подписывать на каждом пункте для решения по Государственным правилам, приводя самые приличные пункты к тому решению; а ежели по неприличным пунктам решение учинено будет: то судящие нежеписанными штрафом наказаны будут» [8].

С принятием в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства произошли кардинальные перемены, которые не могли не отразиться на

обвинительных документах органов расследования. По окончании предварительного следствия судебный следователь, предъявив обвиняемому, если он о том просить будет, следственное производство, спрашивает его: не желает ли он представить еще что-либо в свое оправдание. Бумаги, относящиеся к следствию, сшиваются по порядку времени составления или получения, перенумеровываются, скрепляются по листам и прошнуровываются за печатью следователя. Бумагам сим составляется опись с указанием: на каком листе дела каждая из них находится. Если обвиняемый укажет на какие-либо новые обстоятельства, то следователь обязан поверить те из них, которые могут иметь влияние на решение дела. Затем следователь объявляет всем участвующим в деле лицам, что следствие заключено, и отсылает все производство к прокурору или его товарищу» [8]. Далее, прокурор окружного суда решает следующие вопросы: «1) подлежит ли дело ведению прокурорской власти; 2) произведено ли следствие с надлежащей полнотой и 3) следует ли обвиняемого предать суду или же дело о нем должно быть прекращено или приостановлено» [8].

В случае очевидной неполноты произведенного следствия, не представляющей возможности составить правильное заключение о существе дела, прокурору предоставляется право или потребовать дополнительные сведения, или обратиться к дознанию. Если прокурор приходит к выводу о необходимости предания делу суду, то он об этом излагает в обвинительном акте, в котором указывается: «1) событие, заключающее в себе признаки преступного деяния; 2) время и место совершения сего преступного деяния, на сколько это известно; 3) звание, имя, отчество и фамилия или прозвище обвиняемого; 4) сущность доказательств и улик, собранных по делу против обвиняемого; 5) определение по закону: какому именно преступлению соответствуют признаки рассматриваемого деяния. К обвинительному акту прокурор прилагает список лиц, которые, по его мнению, должны быть вызваны к судебному следствию» [8].

Анализ норм Устава свидетельствует о том, что содержание «обвинительного акта» частично совпадают с содержанием таких обвинительных документов дознания, как обвинительный акт и обвинительное постановление, требования к которым закреплены в статьях 225 и 226.7 УПК РФ.

Устав уголовного судопроизводства действовал вплоть до принятия Декрета ВЦИК № 2 от 07 марта 1918 г. «О суде», статья 22 которого закрепила, что «По уголовным делам обвинительный акт заменяется

постановлением следственной комиссии о предании суду» [9].

Большую роль в понимании итоговых процессуальных документов расследования сыграли первые советские процессуальные кодексы. УПК РСФСР 1922 г., разделивший следствие и дознание определял, что «органы дознания принимают меры к тому, чтобы до начала предварительного следствия или до разбора дела по существу, если предварительное следствие не производится, были сохранены следы преступления и была устранена для подозреваемого возможность скрыться [10], что не соответствует современному пониманию дознания как формы расследования. Следовательно, прообразом обвинительного акта и обвинительного постановления выступало обвинительное заключение, которое согласно ст. 213 представляло собой «после дополнения следствия, а в случае отсутствия необходимости в таком дополнении – непосредственно после допроса обвиняемого или предъявления ему производства, следователь приступает к составлению обвинительного заключения» [10]. Ст. 214 УПК РСФСР содержала требования к обвинительному заключению:

«Первая (описательная) часть должна заключать в себе изложение обстоятельств дела, как они установлены предварительным следствием, с указанием тех доказательств, на которых основано заключение следователя о необходимости предания суду обвиняемого.

Во второй (резюмирующей) части должны быть указаны: имя, отчество и фамилия и прозвище обвиняемого, его возраст, судимость, классовая принадлежность, род занятий; место, время и способ совершения преступления, мотивы его, если установить их было возможно; указание потерпевшего.

Кроме того, в резюмирующей части должно быть указано, каким именно уголовным законом карается данное преступление.

К обвинительному заключению должен быть приложен список лиц, о которых дело выделено или прекращено, а также и список лиц, вызываемых на судебное заседание» [10].

А далее, согласно ст. 233 «Признав, что дело достаточно выяснено и что имеются основания для предания обвиняемого суду, прокурор, если не найдет нужным вносить какие-либо изменения в обвинительное заключение следователя, сообщает суду о согласии своем с обвинительным заключением и предлагает суду утвердить таковое и предать обвиняемого суду» [10]. Само постановление прокурора о предании обвиняемого суду должно заключать в себе «краткое изложение тех обстоятельств, которые в совокупности своей образуют состав преступления, вменяемого в вину обвиняемому, а также указание имени,

отчества и фамилии обвиняемого, его возраста, судимости, указание потерпевшего, указание места и времени свершения преступления и классовой принадлежности и рода занятий обвиняемого, мотивы и способ совершения преступления, поскольку эти обстоятельства выяснены» [10].

Однако, согласно абз.абз. 2 и 3 ст. 233 УПК РСФСР «в тех случаях, когда прокурор найдет нужным внести изменения в обвинительное заключение следователя, он обязан составить новое заключение, удовлетворяющее требованиям статьи 214 Проц. Кодекса, и препровождает таковое в суд с предложением утвердить и предать обвиняемого суду. Первоначальное обвинительное заключение в этих случаях изымается из дела и остается в производстве прокурора».

Аналогичные требования к обвинительному заключению содержал и УПК РСФСР 1923 г.

УПК РСФСР 1960 г. содержал статью, регламентирующую окончание дознания, где указывалось, что «дознание по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, заканчивается составлением постановления о направлении дела следователю. Дознание по делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно, заканчивается составлением обвинительного заключения» [11]. Само же обвинительное заключение состояло «из описательной и резолютивной частей. В описательной части излагается сущность дела: место и время совершения преступления, его способы, мотивы, последствия и другие существенные обстоятельства; сведения о потерпевшем; доказательства, которые подтверждают наличие преступления и виновность обвиняемого; обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность обвиняемого; доводы, приводимые обвиняемым в свою защиту, и результаты проверки этих доводов. Обвинительное заключение должно содержать ссылки на листы дела. В резолютивной части приводятся сведения о личности обвиняемого и излагается формулировка предъявленного обвинения с указанием статьи или статей уголовного закона, предусматривающих данное преступление. Обвинительное заключение подписывается следователем с указанием места и времени его составления» [11].

Что касается действующего УПК РФ, до 2013 г. он предусматривал возможность осуществления уголовного преследования в двух процессуальных формах: в форме предварительного следствия и дознания, при этом дознание традиционно завершалось составлением обвинительного акта. Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс РФ введена глава 32.1, посвященная

производству дознания в сокращенной форме, которая также определила, что в данной форме расследования итоговым процессуальным документов выступает обвинительное постановление.

Таким образом, итоговые процессуальные документы, завершающие расследование по делу, зародились с появлением состязательного типа уголовного процесса, где функцию обвинения и функцию правосудия осуществляют разные органы, характерно наличие обвинительных документов.

Список литературы

1. Буров, Ю.В. Дореволюционный период развития института обвинительного заключения // Вестник Воронежского института МВД России. – 2010. – № 1. – С. 84-89.
2. Псковская судная грамота. – URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/psg> (дата обращения: 12.09.2022)
3. Новгородская судная грамота. – URL: <http://xn--e1aaejmenosqx.xn--p1ai/node/13624> (дата обращения: 12.09.2022)
4. Судебник 1497 г. – URL: https://elf.usoz.net/Pravo/IOGP/sudebnik_1497.pdf (дата обращения: 13.09.2022)
5. Судебник 1550 г. – URL: https://dep_iogip.pnzgu.ru/files/dep_iogip.pnzgu.ru/normativnie_akti/sudebnik_1550_goda.pdf (дата обращения: 11.09.2022)
6. Соборное Уложение 1649 г. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm> (дата обращения: 06.09.2022)
7. Указ Петра I от 5 ноября 1723 г. «О форме суда». – URL: <https://lawbook.online/istoriya-prava/forme-suda-1723-noyabrya-26412.html> (дата обращения: 07.09.2022)
8. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 08.09.2022)
9. Декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде» (утратил силу) // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.
10. Уголовно-Процессуальный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. (утратил силу) // СУ РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.
11. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (утратил силу) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 613.

© М.А. Закурдаева, 2022.

НЕТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

*Ивлиева Юлия Сергеевна,
студентка 4 курса юридического факультета
очной формы обучения
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»
Научный руководитель:
Рogaва Инга Георгиевна,
старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: В статье описываются и анализируются нетрадиционные методы раскрытия и расследования преступлений, описанные в криминалистической литературе. Согласно выдвинутому тезису, новые перспективные идеи не должны отвергаться, но их нельзя допускать к внедрению в уголовный процесс без надлежащего теоретического обоснования и практической доказательной базы.

Ключевые слова: нетрадиционные методы, раскрытие и расследование преступлений, криминалистика, полиграф, новая тактика, обвиняемый, доказательства.

NON-TRADITIONAL METHODS OF CRIMINALISTICS

*Ivlieva Julia Sergeevna
Scientific adviser: Rogava Inga Georgievna*

Abstract: The article describes and analyzes unconventional methods of detection and investigation of crimes described in the criminalistics literature. According to the advanced thesis, new perspective ideas should not be rejected, but they should not be allowed for implementation in criminal proceedings without proper theoretical substantiation and practical evidence base.

Keywords: non-traditional methods, detection and investigation of crimes, forensics, polygraph, new tactics, defendant, evidence.

Теория и практика расследования уголовных дел всегда стремилась применять новые тактики, методы и технические средства, в том числе

нетрадиционные, то есть не предусмотренные законом и вызывающие сомнения в их надежности и достоверности. Поскольку нетрадиционные методы могут повысить эффективность.

Использование нетрадиционных методов борьбы с преступностью открывает новые возможности для получения ценной информации, а также для предупреждения и борьбы с преступностью. Рабочая гипотеза концепции использования нетрадиционных методов основана на известных научных фактах, а именно на том, что противоправные действия совершаются человеком в «специфическом» психологическом состоянии, выраженном в контексте эмоционального и нервно-психологического стресса, который определяет его поведенческие реакции. На практике изучение и систематизация этих «особых» психологических состояний, поиск корреляций и взаимозависимостей с факторами окружающей среды, функциональным состоянием и криминалистическими характеристиками преступления позволит более эффективно использовать силы и средства, имеющиеся для расследования преступления.

«Справедливости ради все-таки следует заметить, что те методы, которые 15 - 20 лет назад считались псевдонаучными, в настоящее время стали научной реальностью и достаточно широко применяются в практике расследования преступлений (например, производство геномной экспертизы ДНК, фотопортретная экспертиза по останкам черепа, фоноскопическая экспертиза и т.д.)». [1]

В криминологической литературе «под нетрадиционными методами раскрытия и расследования преступлений понимаются методы, результаты которых широко не вошли в следственную практику, не апробированы, не обобщены, не проанализированы, научная обоснованность которых вызывает сомнение и критику». [2]

Нетрадиционные методы следует разделить на три самостоятельные группы, а именно:

- 1) нетрадиционные методы уголовного процесса, разработанные в других научных дисциплинах (гипнология и биоритмология);
- 2) методы, разработанные криминалистикой, широко не распространенные и не признанные (одорология, детектора лжи при допросах);
- 3) методы, близкие к научному знанию (астрология, физиогномика, графология, парапсихология).

В криминалистической литературе можно найти так же более обширную по сравнению с приведенной выше классификацией и «включает в себя:

1) анализ психофизических и поведенческих особенностей личности потерпевшего либо обвиняемого (т.е. составление психологического портрета преступника или жертвы);

2) исследование индивидуальных биологических особенностей организма (имеется в виду одорологическое исследование и выборка);

3) изучение психофизических реакций, свойств организма человека при получении словесной информации, которое направлено на выявление ее сокрытия и умышленного искажения (иными словами, речь идет о применении полиграфа);

4) использование экстрасенсорных способностей отдельных лиц;

5) психофизическое воздействие на подсознание (т.е. гипнотическое воздействие)». [3]

Следует отметить, что этот перечень не является исчерпывающим. Как отмечают некоторые научные деятели, при расследовании преступлений могут быть применены методы из таких областей, как демонология, хирология, теософия, кинесика, физиогномика или теургия.

Объективная оценка природы упомянутых выше нетрадиционных методов показывает, что почти все они основаны на получении выгодных для следователя доказательств, а, так же на оказании давления на обвиняемого, чтобы тот в последствии сам признался в совершенном преступлении.

Следует выделить плюсы и минусы использования нетрадиционных способов при раскрытии преступлений. Предлагаем начать с положительных сторон.

1. Мы считаем, что знания, полученные путем нетрадиционных методов особенно необходимы, когда привычные технические и теоретические навыки и компетенции, которые исследователи на постсоветском пространстве вырабатывали десятилетиями, на деле оказываются бесполезными.

2. Нетрадиционные методы не противоречат традиционным, а дополняют их. Полученная информация является предположительной, а не окончательной, что в последующем может стать толчком для выдвижения следственных и оперативно-розыскных действий.

3. Существует положительная практика применения нетрадиционных методов при раскрытии преступлений, что позволяет сделать вывод, что их использование может способствовать раскрываемости, а в последствие и привлечения лица к уголовной ответственности за совершенное противоправное деяние.

Для подтверждения выше выдвинутого аргумента мы считаем

необходимым привести пример из практики: «экстрасенс из городка Дивногорска в Красноярском крае Наталья Санникова помогла найти труп молодого человека, который внезапно пропал. Она точно и указала место, где лежало тело. Молодая результативная девушка просто поразила следователей. Оказавшись в примерно указанном Санниковой месте, девушка уверенно говорила, куда идти. Не ошиблась ни разу. Экстрасенс указала точные координаты, и группа СОБРа тротильным зарядом взорвала глыбу льда. Труп обнаружили вмерзшим в лед именно в этом месте. Что в последствии помогло раскрыть преступление». [4]

4. Также стоит отметить, что методы, считавшиеся псевдонаучными 15-20 лет назад, сегодня являются научной реальностью и широко используются при расследовании уголовного дела (например, экспертизы ДНК, судебно-медицинская экспертиза останков черепов с использованием фотопортретов, фоноскопическая экспертиза и т.д.).

Следует выделить причины, которые могут обосновывать позицию неприменения нетрадиционных методов в раскрытии преступлений:

- полученные результаты не могут быть проверены;
- адаптация этих методов к специфическим сверхспособностям человека;
- отсутствие спроса на соответствующую информацию на практике;
- недостаточный уровень развития науки на данном этапе.

«Понятие «нетрадиционные методы расследования преступлений» характеризуется в качестве нестабильного, преходящего, поскольку при наличии определенных условий (например, стабильности, проверяемости) подобные методы трансформируются в традиционные». [5]

Мы считаем, что криминогенная ситуация в нашей стране становится все более сложной, как и научно-методический инструментарий борьбы с преступностью. Достижения науки и техники, новые методы, приемы и средства расследования преступлений помогают следователям научными, правовыми и этическими рекомендациями. Однако этого будет недостаточно, пока не будет решен фундаментальный вопрос о том, может ли информация, полученная этими нетрадиционными методами, быть принята в качестве доказательства.

Внедрение нетрадиционных способов в практику расследования преступлений, позволит в первую очередь повысить процент раскрываемости преступлений (особенно тяжких и особо тяжких), а также в какой-то степени улучшить качество расследования в целом при помощи сокращения сроков. Так, например, Е.В. Смахтин полагает, что

«применение именно «нетрадиционных» для практики приёмов, которые уже апробированы наукой, позволяют раскрыть наиболее чудовищные преступления, вызвавшие большой общественный резонанс». [6]

Стоит ли применять нетрадиционные методы при расследовании преступлений? Ответ не однозначный, поскольку к каждому преступлению должен быть подобран свой особый способ расследования, и если признанные методы не дают результат, то должны быть применены даже нетрадиционные методы. Поэтому каждый отдельный следователь, дознаватель должен самостоятельно отвечать на поставленный нами выше вопрос.

Список литературы

1. Смолькова И.В. «Специальные знания» или «специальные познания»: соотношение понятий // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2019. С. 77-81.

2. Протопопов А.Л. Нетрадиционные методы раскрытия и расследования преступлений // Вестн. криминалистики. – 2008. – Вып. 4. – С. 4-11.

3. Смолькова И.В. Нетрадиционные методы раскрытия и расследования преступлений с позиции процессуалиста // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. №1 (1).

4. Преступления, раскрытые экстрасенсами [Электронный ресурс] // – Режим доступа: URL://<https://ezoteriker.ru/prestupleniya-raskrytye-ekstrasensami-ispolzovanie-ekstrasensov-v-raskrytii> (08.11.22)

5. Александров И.А. Нетрадиционные методы в практике правоохранительных органов. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020;(3):5-11.

6. Смахтин Е. В. О нетрадиционных приёмах в расследовании // Учён. зап.: сб. науч. тр. Ин-та гос-ва и права. – Вып. 8. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2007. – С. 151-155.

© Ю.С. Ивлиева, 2022.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ

*Казанов Александр Алексеевич,
Магистрант
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Полтавцева Лариса Ивановна,
профессор, д. ю. н., профессор
кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** В статье рассматривается криминалистическая характеристика серийных убийств как ориентировочная основа методики их расследования. Определяется понятие серийных убийств. На основе зарубежного опыта раскрывается инновационный подход в методике расследования данного вида преступлений. Приводится криминалистическая характеристика личности серийных убийц.*

***Ключевые слова:** криминалистическая характеристика, личность серийного убийцы, методика расследования.*

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF SERIAL MURDERS

*Kazanov Alexander Alekseevich
Scientific Supervisor: Poltavtseva Larisa Ivanovna*

***Abstract:** The article considers the criminalistic characteristics of serial murders as an indicative basis for the methodology of their investigation. The concept of serial murders is defined. On the basis of foreign experience, an innovative approach in the methodology of investigation of this type of crimes is revealed. A forensic characterization of the personality of serial killers is given.*

***Keywords:** forensic characteristics, the identity of the serial killer, the method of investigation.*

С общим прогрессом цивилизации стали меняться искусство, культура, общество и при этом в каждом государстве возросли экономические и социальные процессы, которые вылились в массу как положительных, так и отрицательных факторов. Главным аспектом данной эволюции, а собственно ее негативной составляющей выступает создание благоприятных условий криминализации общества и развитие преступности. Говоря об убийствах, можно и необходимо выделить отдельно такой их тип, как серийные убийства, которые обладают наиболее повышенной общественной опасностью.

Серийные убийства известны с древности. Однако с появлением новых технологий, развитием массовой информации серийные убийства стали более продуманными, что осложняет задачу поимки преступника, а соответственно и препятствует своевременному раскрытию преступлений. В 2020 году у заместителя руководителя главного управления криминалистики СК РФ Анатолия Сазонова на интервью спросили о динамике серийных убийств. В 2017-2018 годах было выявлено примерно 350 серий. В прошлом году было выявлено 308 серий. Из них раскрытых 135 серий. Это говорит о том, что данный вид преступлений очень сложен в расследовании, а соответственно является более общественно опасным [1]. Вместе с тем в литературе отмечается как недостаток отсутствие статистики по серийным убийствам в Российской Федерации: их количество растёт, а раскрываемость составляет всего 30% [2, с.456].

В Российском уголовном законе понятие «серийных убийств» отсутствует. Это понятие носит дискуссионный характер и среди ученых. Под понятием серийного убийства Ю.М. Самойлов понимает логическую связь, которая пронизывает схожий объект покушения, место его совершения, похожие способы, а также имеющие общий мотив преступления [3, 11].

Известный психиатр А.О. Бухановский определяет серийные убийства через совокупность их признаков: совершённое неоднократно с наличием специфического (часто патологического) криминального почерка виновного; характеризующийся в однотипности жертв; повторяемости мест и криминальных ситуаций совершения преступлений; индивидуального способа нападения и в тоже время его стереотипности; агрессивного нападения [4, с. 253].

Таким образом, можно сказать, что серийные убийства – это несколько убийств, совершенных с некоторым интервалом по времени, а также имеющие следующие признаки:

- похожие места;

- идентичные способы совершения убийств;
- схожесть сведений о жертвах;
- идентичные мотивы совершения преступления.

В силу типичности взаимосвязь этих признаков (элементов) криминалистической характеристики преступлений может служить ориентирующей основой для выдвижения версий. При этом одним из значимых признаков является характеристика личности серийного убийцы.

Понятие «серийный убийца» появилось благодаря работам криминалиста ФБР Роберта Ресслера в 1970 году: лицо, совершившее более трех убийств в течение месяца, с периодами безразличия, мотивация которого основывалась на удовлетворении психологической составляющей [5]. Работая исключительно с помощью дедуктивного метода после поимки маньяков, он проводил долгие допросы, из которых пришел к выводу о том, что преступник начинает формироваться к 8-10 годам. Автор полагает, что дети, которых часто избивали и подвергали сексуальному насилию, превращались в монстров, начиная убивать, не могли остановиться.

Серийные преступники до сих пор остаются нетипичными субъектами. Хотя серийные убийцы могут отличаться по множеству существенных признаков, все они обладают определенными сходными чертами. Так, например, по данным зарубежных исследователей чаще всего серийные убийцы являются белыми мужчинами в возрасте от 20 до 30 лет, которые совершают преступления вблизи своего дома или места работы. Из них 62% серийных убийц убивают исключительно незнакомых им людей, другие 22% процента убивают как минимум одного незнакомого человека. 71% маньяков совершают свои преступления на определенной территории, гораздо же меньшее их число путешествует на большие расстояния для убийств [6].

Сбор и обобщение криминалистически значимой информации о личности преступников могут оказывать существенную помощь в организации поиска преступника и расследовании рассматриваемого вида преступлений. Так, например, в США профессор Майкл Аамодт начал составлять базу 30 лет назад. На сегодняшний день, составленный им каталог, а именно «Рэдфордская база данных о серийных убийцах», включает около пяти тысяч записей. Среди всей массы серийных убийц женщин в десять раз меньше, чем мужчин. Самым взрослым преступником по данной базе является Рэй Коупленд. На своей ферме он убил более пяти бездомных и был арестован в 75 лет. Самый молодой – Роберт Сеги, отец которого часто наказывал в детстве держа над пламенем свечи его пальцы,

и Сегли стал поджигателем. При взгляде на огонь у парня появлялся красный силуэт с когтями и клыками, из черепа которого шло пламя. Когда парню исполнилось 14 лет в июне 1944 года, он стал работать в шатерном цирке братьев Ринглинг. Через месяц при пожаре погибло 168 человек. Сеги все же арестовали в 1950 году, но за другой поджог и тогда он сознался в поджоге цирка.

Последние 12 лет архивариус Томас Харгроув собирал полицейские отчеты об убийствах и уже сделал крупнейший каталог в истории США – 751 785 случаев, начиная с 1976 года. По его практике есть несколько типов убийц. К первой категории относятся, те серийные убийцы, которые в своих глазах выглядят авторитетными, например, считают нужным избавить мир от распутных женщин или наркоманов, таких убийц называют миссионерами. Ко второй категории относятся, те, которым доставляет определенное удовольствие изувечивание своих жертв, процесс страданий. Например, Ангелы смерти, это пациенты, которые убивают своих медсестер [7].

В 2010 году Харгроув написал код для своего алгоритма. Алгоритм собирает данные об убийствах, связанных по методу, месту, времени и полу жертв. Данная система определяет степень сходства подозреваемых и устанавливает связь между совершенными преступлениями, помогает идентифицировать наиболее вероятного преступника. Этот метод способствует сокращению времени расследования, помогает с большим процентом установить истинного преступника по признакам серийности. Программа учитывает процент нераскрытых убийств в определенном городе [8].

Приведенный выше зарубежный опыт свидетельствует о необходимости внедрения в Российскую аналогичную алгоритму Харгроува систему поиска серийных убийц. Полагаем, что в России также необходимо формирование единой базы данных, объединяющей весь массив информации, что может содействовать более эффективному расследованию и раскрытию серийных убийств.

Специфичность совершения такого типа преступлений обусловлена особенностями личности преступника, которые возможно использовать для составления его психологического профиля. Это будет способствовать более быстрому раскрытию преступлений, что позволит уменьшить долю негативного воздействия данного вида покушений на общество и государство. Изучение личности преступника важно для разработки алгоритмов расследования уже совершенных преступлений, а также эффективных мер по своевременному предупреждению и недопущению

повторного совершения новых. Все это в совокупности даст возможность к снижению численности такого опасного вида преступлений как серийные убийства.

Список литературы

1. Интервью заместителя руководителя главного управления криминалистики СК РФ Анатолия Сазонова программе “Стратегия” на “Вести FM” // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL <https://sledcom.ru/press/interview/item/1484079/?print=1> (18.10.2022).
2. Кутов А. С. *Методика раскрытия серийных убийств// Актуальные вопросы развития современного общества, 2014. 458 с.*
3. Дворкин А. И. *Расследование похищения человека. М.: Норма, 2008. 112 с.*
4. Бухановский А. О.: *Серийные убийства и социальная агрессия. Тезисы докладов 1-й Международной научной конференции. ЛРНЦ «Феникс», Ростов-на-Дону, 1994. 262 с.*
5. *Serial-Killers «Знаменитые профайлеры: Роберт Ресслер» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.serial-killers.ru/materials/ressler.htm>. (08.05.2022).*
6. *Serial-Killers Психологический портрет личности серийного убийцы // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL <http://www.serial-killers.ru/materials/psixologicheskij-portret-lichnosti-serijnogo-ubijczy.htm> (18.10.2022).*
7. Крюкова Е. С. *Взаимосвязь между случаями жестокого обращения с животными и серийными убийствами // Законодательство, 2015. № 2. С. 78-87.*
8. *Научный журнал RB.EVENTS// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL (18.10.2022). <https://rb.ru/story/serial-killer-detector/>.*

© А.А. Казанов, 2022.

БЕЗРАБОТИЦА КАК ФАКТОР ПРЕСТУПНОСТИ

*Клепачева Екатерина Алексеевна,
студентка 2 курса юридического факультета
заочной формы обучения
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Осадчая Наталья Георгиевна
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** на уровень преступности влияют многие факторы, такие как экономическая и социальная обстановка в стране. Уровень безработицы играет важное значение при определении уровня благосостояния населения. В связи с этим уровень безработицы влияет на уровень совершаемой преступности. В статье будет раскрываться взаимосвязь безработицы и преступности, проанализируем преступность среди безработных и предложим способы предотвращения данных преступлений.*

***Ключевые слова:** безработица, экономика, социальная сфера, преступность, преступления среди безработных, трудовая деятельность, предупреждение преступности.*

UNEMPLOYMENT AS A CRIME FACTOR

*Klepacheva Ekaterina Alekseevna
Scientific supervisor: Osadchaya Natalia Georgievna*

***Abstract:** The crime rate is influenced by many factors, such as the economic and social situation in the country. The unemployment rate plays an important role in determining the level of well-being of the population. In this regard, the unemployment rate affects the level of crime committed. The article will reveal the relationship between unemployment and crime, analyze crime among the unemployed and suggest ways to prevent these crimes.*

Keywords: unemployment, economy, social sphere, crime, crimes among the unemployed, labor activity, crime prevention.

На формирование и течение криминальной ситуации влияет целый комплекс факторов. Среди них можно выделить следующие:

1) экономические (инфляция и глубокий спад общественного производства, снижение уровня занятости и увеличение безработицы и др.);

2) социальные (снижение уровня доходов и увеличение расходов населения, ухудшение жилищных условий, снижение качества образования) [1].

Растущее неравенство провоцирует не только напряжение и социальные конфликты в обществе, но и серьезно препятствует экономическому росту, обостряет криминогенную ситуацию как в отдельных регионах, так и в целом в стране.

Данный результат может быть следствием нежелания или отсутствия возможности некоторых слоёв населения к получению компетентных знаний и трудоустройству. В связи с большей легкодоступностью получения информации (в том числе и в сети Интернет) квалификационные требования к кандидату на работу растут, а соответствующих требованиям лиц недостаточно, другими причинами безработицы являются: пандемии, инвалидность и другие проблемы со здоровьем, и лень, судимость и нежелание работодателей принимать таких лиц на работу, алко- и наркозависимость и другое. В связи с этим в стране возрастает уровень низкооплачиваемой трудовой деятельности, которая не позволяет удовлетворить все потребности работника или отталкивает его на этапе изучения вакансии.

Конечно, государство предпринимает различные меры для поддержания безработных и стимулирование их на трудоустройство. Однако, данные меры в полном объёме не оказывают желаемого результата. Центр занятости помогает устроиться на работу желающим и получать пособия по безработице при определённых условиях. Однако не все хотят работать и получать деньги законным способом. В соответствии с данными, приведёнными Федеральной службой государственной статистики уровень безработных в РФ за январь 2021 г. равен 5,8%, что является самым высоким показателем с 2018 г., а за январь 2022 г. её уровень составляет 4,4% [2].

В 2021 году правоохранительные органы выявили более 848 тыс. преступников. 544 тыс. (64%) из них – лица без постоянного источника

доходов. В соответствии с данными сайта Генеральной Прокуратуры РФ (за 2019 г.) в феврале 2019 года уровень совершения преступлений безработными составил всего 4,9%, уменьшившись по сравнению с январем 2019 года на 12 тыс. человек, это достаточно низкий показатель. Удельный вес преступников-безработных от общего количества граждан, совершивших уголовно наказуемые деяния в России в 2018 году, составляет 65,1%.

Стоит обратить внимание, что в 2018 году увеличилось на 8,7 % (с 4 391 до 4 775) число лиц, совершивших преступления, признанных в установленном порядке безработными. Наибольшее количество безработных в 2018 году совершили преступления в Свердловской (422), Челябинской (386), Кемеровской областях (373), Красноярском крае (250), Омской области (192), Алтайском крае (173), Томской (155), Иркутской (150), Архангельской областях (147).

В тоже время, согласно статистическим данным, на территории Республики Дагестан и г. Севастополя безработными преступления не совершались.

Удельный вес данных лиц, совершивших убийства, от общего числа лиц, совершивших аналогичные преступления, составляет 72,6%, кражи – 69,7%, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных (психоактивных) веществ, – 68,5%, уголовно наказуемые деяния с использованием информационно-коммуникационных технологий, а также в сфере компьютерной информации – 60,6% [3].

То есть значительную часть преступлений совершают безработные лица, которые избрали для себя криминальную деятельность в качестве средства легкого заработка.

Интерес вызывает безработица молодых людей, особенно без опыта работы. В связи с отсутствием опыта и высококвалифицированных знаний, многие работодатели отказываются принимать таких кандидатов на работу или платят им маленькие зарплаты, не позволяющие удовлетворить базовые потребности. Это также способствует развитию преступности в стране.

Снижение уровня жизни основной части населения порождает борьбу за ресурсы, финансы, доступ к ключевым постам управления экономикой, становится питательной почвой для роста коррумпированности и криминализации общества [4].

Для успешной борьбы с преступностью, совершаемой безработными необходимо проанализировать категории таких преступлений, причины и условия их совершения и в связи с этим разработать меры профилактики.

На мой взгляд, намерения совершения преступления отчасти возникают в связи с имеющимися недостатками в различных сферах жизни. В связи с чем, данные сферы необходимо регулировать для сокращения уровня преступности. Наиболее эффективными мерами в долгосрочной перспективе являются те, что направленные на укрепление экономики, обеспечение населения рабочими местами, социальные программы повышения жизненного уровня, формирования в обществе позитивного нравственного климата, подавление таких связанных с преступностью явлений, как безработица, пьянство и наркомания, бродяжничество, бедность, нелегальная миграция, межнациональные и прочие конфликты [5, стр. 19].

Для борьбы с безработицей необходимо стимулировать предприятия в первую очередь. Они должны создать достойные условия для работников и заинтересовать их. На мой взгляд, действенной мерой будет переход организации на неполный день или неполную неделю, создание условий и привлечение работников предпенсионного возраста и инвалидов. Предприятия, сделавшие шаги такого рода, должны поощряться налоговыми льготами: им следует снижать ставки налога на прибыль – хотя бы в той мере, чтобы компенсировать их затраты на включение в коллектив дополнительного числа работников.

В связи с различными изменениями в трудовом законодательстве возможно более широкое распространение коррупционной составляющей. В связи с этим создавая ту или иную норму необходимо предусмотреть контролируемую структуру для работника и работодателя, которая будет проверять законность действий данных лиц.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что уровень безработицы влияет на уровень преступности в стране. Но для снижения криминализации общества необходимо предпринимать меры как на государственном уровне в виде поддержки работодателей и разработки соответствующих социальных программ, так и гражданами путём предоставления рабочих мест и улучшения условий труда.

Список литературы

1. *Волынский А.Ф., Лавров В.П. Криминалистика: учеб. для студ. вузов / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. – 943 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://elib.fa.ru/ebook/Volynsky-criminalistics.pdf/info> (03.11.2022 г.)*
2. *Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа:*

<https://rosstat.gov.ru/> (01.11.2022 г.).

3. Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://crimestat.ru/> (02.11.2022 г.).

4. Максимова Е.В., Мухина Д.Ю. Изменения на рынке труда в современных кризисных условиях. // Нормирование и оплата труда в промышленности. — 2020, № 6 С.-38. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://panor.ru/articles/izmeneniya-na-rynke-truda-v-sovremennykh-krizisnykh-usloviyakh/43376.html> (30.10.2022 г.)

5. Ашуркина, А.В. Проблема занятости и безработицы в РФ / А.В. Ашуркина // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. - 2017 - № 1-1 (123). - С. 17-19.

© Е.А. Клепачева, 2022.

ТАКТИКА ИЗОБЛИЧЕНИЯ ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ

Короткова Алина Ивановна,

*студентка 4 курса юридического факультета
очной формы обучения*

Ростовского филиала ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Рogaва Инга Георгиевна,

старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: В статье описываются признаки, лжи в словах допрашиваемого лица, а также тактические приемы распознавания ложных показаний. Проводится анализ указанных приемов и механизмов их применения. Выводятся рекомендации по обязательному информированию допрашиваемых о наличии государственной программы защиты потерпевших и свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: допрашиваемое лицо, показания, допрос, доказательства, обстоятельства уголовного дела.

TACTICS OF EXPOSING FALSE TESTIMONY

Korotkova Alina Ivanovna

Scientific adviser: Rogava Inga Georgievna

Abstract: The article describes the signs of lies in the words of the interrogated person, as well as tactical techniques for recognizing false testimony. The analysis of these techniques and mechanisms of their application is carried out. Recommendations are made on mandatory informing interrogated persons about the existence of a state program for the protection of victims and witnesses and other participants in criminal proceedings.

Key words: interrogated person, testimony, interrogation, evidence, circumstances of the criminal case.

Нередко представители правоохранительных органов сталкиваются с одной из некоторых проблем в процессе расследования обстоятельств уголовного дела – изобличение ложных показаний при допросе потерпевших и свидетелей.

Наука уголовного процесса в процессе своего развития сформировала понятие, позволяющее отделить правдивые показания от ложных. Под показаниями следует понимать – «сообщение лица о фактических данных, полученных во время допроса в установленном законом порядке, которые являются одним из видов доказательств, используемых для установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовных дел. [1]

В тоже время на практике часто выясняется, что на допрашиваемое лицо, оказывается давление со стороны подозреваемых и обвиняемых, а также их родственников. Что может выражаться как в физическом, так и психическом воздействии на данных участников уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что допрашиваемому лицу гораздо сложнее давать ложные показания, поскольку ему необходимо контролировать свои мысли и высказывания, а также запоминать, что из сказанного им является правдой, а что ложно. Так как ложь неестественна для человека в результате «резко возрастает напряженность мимических и мыслительных процессов, в свою очередь, это оказывает влияние на их качественные показатели. Допрашиваемый от возросшего количества неестественно сконструированных посылок и следствий, которые «загромождают» память, постоянно соотносит высказанное суждение с реальностью, а также с уже ранее высказанными ложными показаниями. С увеличением их числа, ему становится труднее соотносить содержание вымысла с действительностью, что может проявиться в том, что допрашиваемый совершает оговорки, неадекватные реакции на вопросы следователя. Это создает угрозу лгущему проговориться. [2]

Необходимо выявить характерные признаки, позволяющие установить, что лицо при допросе озвучивает ложные сведения, к ним следует отнести:

1. Уклонение допрашиваемого от ответа на поставленный вопрос или же попытки сменить тему «беседы».
2. Противоречие сведений, сообщенных лицом по одному и тому же обстоятельству.
3. Несоответствие сообщаемой информации достоверным сведениям, полученным ранее от других лиц.

4. Лицо сообщает неточные сведения либо отвечает на поставленные вопросы неопределенно.

5. Сведения, сообщаемые допрашиваемым в точности до мельчайших подробностей совпадают с имеющимися показаниями других допрошенных участников уголовного судопроизводства по конкретному делу.

6. Присутствие в речи допрашиваемого лица нехарактерных для него фраз и словосочетаний.

Для проведения наиболее эффективного допроса при подготовке к данному следственному действию, следователю и дознавателю необходимо осуществить не только сбор всех сведений, касающихся личности допрашиваемого, но так и же подробное изучение их, поскольку необходимо понимание личности данного лица с психологической точки зрения. Кроме того, необходимо, по возможности, правильно подобрать саму форму и последовательность задаваемых вопросов, учесть, что неверно сформулированные мысли могут оказать моральное «давление» на лицо, и как следствие загнать его «в угол» тем самым вынуждая сообщать ложные сведения в попытке защитить самого себя. Так же в ходе самого допроса необходимо наблюдать за реакцией допрашиваемого на ту или иную информацию, выражать доброжелательность и заинтересованность в словах лица, что «в дальнейшем облегчает налаживание контакта с ним, способствует повышению точности диагностики информационного состояния допрашиваемого, помогает конкретизировать его отношение к искомой информации, создает условия для выявления возможного противодействия со стороны допрашиваемого установлению истины, повышая эффективность психологического воздействия на допрашиваемого, оказываемого следователем». [3]

Следует отметить, что только при активной лжи допрашиваемого, возможно наиболее эффективное использование тактических приемов изобличения ложных показаний. Среди таких приемов можно выделить следующие методы, позволяющие выявить ложную или искаженную информацию:

1. Поэтапное предъявление доказательств, позволяющих опровергнуть высказанную ложную информацию, в частности к ним можно отнести аудио- и видеоматериалы, показания других участников уголовного судопроизводства и иных вещественных доказательств. Примечательно, что в данном случае, вероятно допрашиваемое лицо будет подстраиваться под имеющиеся сведения, корректируя ранее высказанные факты, поскольку высока вероятность наличия более серьезных

неопровержимых доказательств у следователя или дознавателя. Следует отметить, что в данном случае необходимо «дозированное» предъявление имеющихся доказательств – от наименее к наиболее значимым.

2. Еще одним приемом следует считать «допущение легенды» – предоставление допрашиваемому возможности беспрепятственно излагать придуманные им объяснения события, при этом следователь беспристрастно выслушивает и записывает ложные показания допрашиваемого, а затем опровергает собранными доказательствами, учитывая их нелогичность, противоречие материалам дела. Указанный прием, как правило, эффективно убеждает допрашиваемого в недопустимости ложных показаний и по другим вопросам». [4]

3. Внимательное «считывание» речи допрашиваемого так же позволяет сделать предположение о наличии лжи в его словах. Так, например, искажаемая информация всегда произносится в более шаблонных высказываниях, лишена эмоциональной насыщенности или убедительности, или наоборот слишком эмоционально натянута. Речь может содержать неестественные речевые конструкции или большое количество сложной терминологии, поскольку предполагается, что использование данных приемов делает речь более правдивой и убедительной.

4. Как уже отмечалось нами ранее при лжи или искажении информации у человека искажается мимика и ему сложнее контролировать себя, то среди тактических приемов еще одним эффективным будет являться использование аудио- и видеозаписи в процессе допроса с последующим изучением всех невербальных сигналов, подаваемых неосознанно. В том числе возможно выделение информации при изучении реакции допрашиваемого лица на те или иные вопросы.

Помимо указанных тактических приемов следователи и дознаватели зачастую используют нетрадиционные методы, адаптированные к конкретной ситуации и позволяющие найти подход к тому или иному лицу.

В тоже время следует помнить, что используемые приемы не должны выходить за рамки, установленные законодательством, поскольку ч. 1 ст. 75 УПК РФ устанавливает – «доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств». [4] При использовании любого из тактических приемов не следует забывать, что недопустимо унижение

чести и достоинства человека, сообщение заведомо ложных сведений, формирование недоверия к правоохранительным органам, а также оказание какого-либо давления на допрашиваемое лицо.

На наш взгляд, одна из проблем выявления ложных показаний связана с «формальным» подходом к допросу участников уголовного судопроизводства, зачастую у следователей и дознавателей в связи с загруженностью нет времени на изучение личных данных допрашиваемого и подбора той или иной тактики допроса, в связи с указанной проблемой невозможно установление факта давления или применения насилия подозреваемым, обвиняемым или их родственниками в отношении допрашиваемого лица. Представляется возможным в обязательном порядке при каждом допросе информирование лиц о существовании государственной программы защиты потерпевших и свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, а также разъяснение всех правовых механизмов защиты.

Таким образом, правильное применение тактики избличения ложных показаний позволяет установить наличие ложных сведений в момент непосредственного допроса и после него в том числе, выявить наличие давления в отношении допрашиваемых лиц.

Список литературы

1. Тямкин Александр Васильевич, Цыкова Галина Евгеньевна *Тактические приемы разоблачения ложных показаний при допросе // Вестник ВИ МВД России. 2012. №2. С.1-2.*

2. Павловская К.В. *Тактика разоблачения ложных показаний потерпевших и свидетелей в предварительном-расследовании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2017/07/Павловская-К.В.-Тактика-разоблачения-ложных-показаний-потерпевших-и-свидетелей-в-предварительном-расследовании..pdf>. (03.11.2022)*

3. Тямкин Александр Васильевич, Цыкова Галина Евгеньевна *Тактические приемы разоблачения ложных показаний при допросе // Вестник ВИ МВД России. 2012. №2. С.3.*

4. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. N 52 (ч. I). Ст. 4921.*

© А.И. Короткова, 2022.

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О СОВЕРШЕНИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОТСУТСТВИИ ПОДСУДИМОГО

*Кузина Ангелина Сергеевна,
Магистрант*

*Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Научный руководитель:

Осадчая Наталья Георгиевна

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУ ВО*

«Российский государственный университет правосудия»

***Аннотация:** В статье рассматриваются проблемы, возникающие при рассмотрении судом уголовного дела о совершении насильственных действий сексуального характера в отсутствие подсудимого. Вопрос о судебном разбирательстве уголовных дел о совершении насильственных действий сексуального характера в отсутствие подсудимого относится к числу недостаточно исследованных в науке уголовного процесса. В то же время он весьма актуален, так как существенно затрагивает конституционное право гражданина на участие в судебном заседании.*

***Ключевые слова:** подсудимый, судебное разбирательство, сексуальные преступления, действия сексуального характера, заочное разбирательство.*

FEATURES OF THE CONSIDERATION OF A CRIMINAL CASE ON THE COMMISSION OF VIOLENT ACTS OF A SEXUAL NATURE IN THE ABSENCE OF THE DEFENDANT

Kusina Angelina Sergeevna

Scientific Supervisor: Osadchaya Natalia Georgievna

***Abstract:** The article discusses the problems that arise when a court considers a criminal case on the commission of violent acts of a sexual nature in the absence of the defendant. The issue of the trial of criminal cases on the*

commission of violent acts of a sexual nature in the absence of the defendant is one of the insufficiently researched in the science of criminal procedure. At the same time, it is very relevant, as it significantly affects the constitutional right of a citizen to participate in a court session.

Keywords: *defendant, trial, sexual crimes, sexual acts, trial in absentia.*

Проблематика заочного судебного производства остра и значима, поскольку каждый подсудимый должен иметь в полной мере все возможности на справедливое судебное разбирательстве независимо от масштабов и статистики применения в судебной практике Российской Федерации.

Анализ УПК РФ позволяет заключить об отсутствии отдельного вида судебного производства по рассмотрению уголовного дела без участия подсудимого, на что также указывают отдельные исследователи, поскольку в тексте рассматриваемого законодательного акта признается реализация норм уголовно-процессуального закона в отношении рассмотрения уголовного дела в общем порядке (ч. 6 10 ст. 316 УПК РФ), особого порядка судебного разбирательства по правилам глав 40 и 40.1 УПК РФ.

Однако суд осуществляет свою деятельность по перечисленным видам судебных производств, связанных с рассмотрением уголовных дел с участием подсудимого, в соответствии с общими условиями судебного разбирательства, урегулированными главой 35 УПК РФ, в перечне которых представлено в ст. 247 УПК РФ правило обязательного участия подсудимого в судебном разбирательстве с исключениями из его содержания, которые являются предметом исследования в настоящей работе.

Вместе с тем применение исключений из общего условия обязательного участия подсудимого в судебном разбирательстве допускается в различных видах судебных производств, в которых одним из участников является подсудимый, признаваемый законом в соответствии с ч. 2 ст. 47 УПК РФ как обвиняемый, в отношении которого назначено судебное разбирательство, если запрет на их применение прямо не установлен в соответствующих главах УПК РФ, регулирующих отдельные виды производств.

В связи с этим И.П. Попова называет такой порядок судебного разбирательства заочным производством, что в определенной степени следует признать обоснованным, несмотря на отсутствие такового в

нормах УПК РФ. [2]

В дополнение следует отметить, что в УПК РФ предусмотрены иные случаи рассмотрения уголовного дела без участия подсудимого, которые необходимо отграничивать от заочного судебного производства, поскольку «отличаются по своей процессуальной сущности и назначению».

Согласно ст. 15 УПК РФ уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности, предполагающей обязательное участие не только стороны обвинения, но и стороны защиты, поскольку судебное разбирательство предполагает не только деятельность суда, а также сторон обвинения и защиты по подтверждению своих позиций и доводов их обосновывающих. Однако рассматриваемое в работе заочное судебное производство означает отсутствие в судебном заседании подсудимого – основного участника со стороны защиты. И, следовательно, функция защиты не будет осуществляться на должном уровне.

При этом в ч. 3 ст. 15 УПК РФ установлен запрет на исполнение рассматривающим уголовное дело судом функции защиты. Отсюда, безусловно, должно быть произведено выдвижение тезиса о том, что рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого не соответствует принципу состязательности сторон и нарушает право подсудимого на защиту, что также имеет в УПК РФ статус принципа (ст. 16 УПК РФ).

Однако судебная практика показывает присутствие заочного производства в деятельности судов Российской Федерации. По уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести отсутствие подсудимого в судебном разбирательстве зависит от волеизъявления самого подсудимого, которое должно быть выражено им в виде ходатайства об этом в письменной форме.

Однако в ч. 4 ст. 247 УПК РФ не изложено требование об изложении мотивов и причины того, что подсудимый не желает участвовать в судебном разбирательстве. В любом случае его ходатайство означает, что он отказывается от состязательности сторон. Однако оно может быть связано как с признанием подсудимым обвинения, так и наоборот. Выяснения указанных обстоятельств согласно ч. 4 ст. 247 УПК РФ не требуется.

Указанное обстоятельство имеет процессуальное значение, поскольку признание подсудимым обвинения означает отсутствие спора и состязания, что делает необоснованным проведение самого судебного разбирательства. И тогда заочное производство не противоречит принципу состязательности и обеспечения обвиняемому права на защиту.

Однако в том случае, когда подсудимый не признает себя виновным,

он обязан принять участие в суде или объяснить убедительно свое желание на отсутствие в судебном разбирательстве. Указанные обстоятельства не нашли отражение в ч. 4 ст. 247 УПК РФ, что не может быть признано обоснованным, уже исходя из необходимости обеспечения прав подсудимого. Причем участие защитника также не является обязательным, если не имеются условия, указанные в ст. 51 УПК РФ.

Рассмотрение судом уголовного дела о совершении насильственных действий сексуального характера в отсутствие подсудимого возможно, но при этом преступление должно быть небольшой или средней тяжести и подсудимым должно быть заявлено ходатайство о рассмотрении уголовного дела в его отсутствие.

Отметим, что разделение ответственности за насильственные действия сексуального характера по двум статьям УК РФ (131 и 132) способствует нарушению принципа справедливости.

Суды РФ в большинстве случаев не предают уголовно-правовой оценке содействующие и сопутствующие половому сношению сексуальные действия. Такая позиция судов не соответствует закону. Статья 131 УК РФ охватывает исключительно насильственное половое сношение, другие насильственные формы сексуального воздействия на потерпевшего охватываются ст. 132 УК РФ, поэтому в соответствии со ст. 17 УК РФ необходима квалификация по совокупности рассматриваемых преступлений.

Применение заочного производства в делах о сексуальных преступлениях по правилам ч. 5 ст. 247 УПК РФ способствует разрешению уголовных дел многолетней давности, когда подсудимые скрываются в бывших союзных республиках, о чем свидетельствует такое решение Судебной коллегии по уголовным делам суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 9 ноября 2017 года по апелляционному представлению прокурора на приговор Нефтеюганского районного суда от 17.07.2017 года, которым был осужден скрывающийся в Республике Азербайджан подсудимый, совершивший тяжкие и особо тяжкие преступления сексуального характера еще в 2004 года и находившийся с этого времени в розыске.

Еще в 2012 году Нижегородский областной суд обратил внимание на наличие в суда данной области уголовных дел, по которым подсудимые длительное время находятся в розыске, и рекомендовал рассмотрение возможности применения по таким уголовным делам заочного судебного разбирательства по правилам ч. 5 ст. 247 УПК РФ. Также в этом документе указано на определенные сложности в определении возможности

продолжения судебного разбирательства уже в условиях заочного, когда подсудимый начинает скрываться на разных этапах судебного разбирательства.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // *Российская газета*. – 2001. – № 249. – 22 декабря.

2. Попова И.П. Заочное судебное разбирательство: актуальные проблемы теории и практики / И.П. Попова // *Юридический вестник Самарского университета*. – 2016. – Т. 1. – No 3. – С. 92-98.

© А.С. Кузина, 2022.

ФУНКЦИИ ДОЗНАВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Курбаналиев Габиб Абдурашидович,

магистрант 3 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Цой Бронислав Алексеевич,

к.ю.н., доцент,

доцент кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье исследуются функции дознавателя в современном уголовном судопроизводстве. Определяется, что дознаватель выполняет как общие уголовно-процессуальные функции, так и вспомогательные или подфункции. Делается вывод о том, что дознавателем в уголовном судопроизводстве осуществляются следующие функции: обвинения, как общая функция, возбуждения уголовного дела, дознания, осуществления неотложных следственных действий; правозащитную и профилактическую.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, дознаватель, функции, обвинение, уголовное преследование.

INTERROGATION FUNCTIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Kurbanaliev Gabib Abdurashidovich

Scientific adviser: Choi Bronislav Alekseevich

Abstract: the article examines the functions of an interrogating officer in modern criminal proceedings. It is determined that the investigator performs both general criminal procedural functions, as well as auxiliary or sub-functions. It is concluded that the following functions are performed by the investigator in criminal proceedings: accusations, as a general function, initiation of a criminal case, inquiry, urgent investigative actions; advocacy and prevention.

Key words: criminal proceedings, investigator, functions, accusation,

Дознаватель является участником уголовного процесса со стороны обвинения и выполняет определенные уголовно-процессуальные функции. Рассмотрим их более подробно.

Следует отметить, что на сегодняшний день сложилось множество подходов к понятию и содержанию уголовно-процессуальных функций, и их видов. При этом, существование того или иного подхода определяется действовавшим уголовно-процессуальным законом. Несмотря на различные подходы, представляется возможным выделить две основные группы к понятию и классификации уголовно-процессуальных функций.

Согласно традиционному подходу, виды уголовно-процессуальных функций определяются направлениями деятельности участников уголовного судопроизводства.

Так, И.В. Тыричев, выделял три основные уголовно-процессуальные функции: обвинение, защиту и разрешение дела. «В этих трех функциях выражен тот специфический процессуальный смысл деятельности субъектов процесса, который на протяжении всей истории процесса служит основанием для определения того или иного типа процесса» [1, с. 47]. По мнению В.П. Нажимова, «функции отдельных участников уголовного процесса есть виды их уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемые в соответствии с их конкретными задачами, а также собственными целями и интересами, которые и определяют специальное назначение и роль каждого участника в процессе» [2, с. 73]. Л.Д. Кокорев под уголовно-процессуальными функциями понимает «не направления деятельности каждого участника процесса, а те основные направления уголовно-процессуальной деятельности, вокруг которых складывается деятельность всех участников уголовного судопроизводства» [3, с. 51].

Однако основным недостатком традиционного подхода было то, что его представители не могли точно определить момент, когда начинаются реализовываться уголовно-процессуальные функции. В связи с чем, в доктрине уголовного процесса появился второй – нетрадиционный подход, к понимаю сущности и видов уголовно-процессуальных функции в рамках которого были выделены и другие функции в уголовном процессе.

Так, Р.Д. Рахунов выделил шесть процессуальных функций: «расследование, обвинение, защита, поддержание гражданского иска, защита от иска, разрешение дела» [4, с. 48], которые распределялись между соответствующими субъектами уголовно-процессуальной деятельности. П.С. Элькинд пришла к выводу о существовании в

уголовном процессе семи функций: «1) установления и проверки данных относительно преступлений, их расследования; 2) обвинения; 3) прокурорского надзора за соблюдением законности; 4) защиты от обвинения; 5) судебного рассмотрения и разрешения уголовного дела; 6) вспомогательной функции, включающей в себя действия лиц, так или иначе содействующих осуществлению и судебных действий; 7) побочной функции – деятельности гражданского истца» [5, с. 66]. В.Г. Даев выделил такие функции, как: «1) расследования уголовного дела; 2) прокурорского надзора за соблюдением законности в ходе уголовного судопроизводства; 3) защиту личных процессуальных интересов; 4) оказания содействия в ходе уголовного судопроизводства» [7, с. 56].

Недостаток нетрадиционного подхода к сущности и видам уголовно-процессуальных функций состоит в том, что здесь происходит смешение функций и полномочий участников уголовного судопроизводства, в связи с чем представителями рассматриваемого подхода и называется такое больше количество функций, иными словами происходит дробление функций.

Исходя из содержания приведенных подходов, представляется возможным уголовно-процессуальные функции разделить на общие функции (данные функции не привязаны к субъектам) и специальные функции конкретных участников уголовного процесса. Общие уголовно-процессуальные функции содержат в себе триаду функций – обвинение, защита и правосудие, и из них вытекают так называемые вспомогательные или подфункции.

Итак, дознаватель, как представитель стороны обвинения, в первую очередь в уголовном судопроизводстве выполняет функцию обвинения. Если исходить из смысла п. 22 ст. 5 УПК РФ, который гласит, что обвинение – это «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом».

Дознаватель – это не просто участник уголовного судопроизводства, это участник со стороны обвинения, который наделен соответствующими полномочиями по осуществлению функции обвинения.

На сегодняшний день вопрос об осуществляемых дознавателем функций в уголовном процессе до сих пор остается неразрешенным. Так, одни ученые считают, что дознаватель выполняет только функцию уголовного преследования, т.к. он отнесен законодателем к стороне обвинения [7, с. 122], другие наделяют данного участника лишь функцией предварительного расследования [8, с. 38]. Встречается и такая точка зрения, согласно которой дознаватель «в уголовном процессе выполняет

свою собственную функцию – функцию предварительного расследования, составными частями которой являются обвинение и защита» [9, с. 208]. Следует отметить, что в данном подходе происходит смешение защитной и правозащитной функций. Так, защитная функция направлена опровержение или смягчение выдвинутого обвинения и ее осуществляют только участники со стороны защиты – подозреваемый, обвиняемый, защитник и т.д. (гл. 7 УПК РФ). Правозащитная, в свою очередь, направлена на защиту законных прав, интересов и свобод участников уголовного судопроизводства. Данная функция присуща и участникам со стороны обвинения, в т.ч. и дознавателю. В процессе расследования и раскрытия преступлений дознаватель не только соблюдает права и свободы подозреваемого и обвиняемого, но также обязан в случае нарушения их прав и свобод принимать соответствующие меры по восстановлению.

Дознаватель как участник уголовного судопроизводства появляется ещё на начальной стадии процесса – стадии возбуждения уголовного дела. Следовательно, первой функцией дознавателя в уголовном процессе является осуществление функции возбуждения уголовного дела. Данная стадия уголовного процесса имеет место быть при наличии повода и основания.

В рамках первоначальной стадии уголовного процесса происходит проверка сообщения о готовящемся или совершенном преступлении, субъектом которой является дознаватель (об этом говорят статьи 146 и 147 УПК РФ, где в качестве субъектов, обладающих правом принимать решение о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела называют и дознавателя).

Дознаватель также является участником такой стадии уголовного судопроизводства, как предварительное расследование, которое собой представляет «самостоятельную стадию досудебного уголовного процесса, в ходе которой для выявления лиц, совершивших преступления, и их привлечения к установленной в уголовном законе ответственности уполномоченными должностными лицами осуществляется специальная процессуальная деятельность, направленная на доказывание при производстве по уголовному делу всех обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ» [10, с. 63].

В рамках стадии предварительного расследования дознаватель выполняет такие функции, как:

– дознание по уголовным делам, по которым предварительное следствие необязательно;

– осуществление неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно.

Таким образом, уголовно-процессуальные функции – это основные направления деятельности участников уголовного судопроизводства, которые урегулированы законом и объединены в группы в зависимости от общности целей и интересов.

Представляется возможным уголовно-процессуальные функции разделить на общие функции (данные функции не привязаны к субъектам) и специальные функции конкретных участников уголовного процесса.

Дознавателем в уголовном судопроизводстве осуществляются следующие функции:

- обвинения, как общая функция;
- возбуждения уголовного дела, которая представляет собой направление деятельности дознавателя, в рамках которой он, получив первичную информацию о готовящемся или совершенном преступлении, принимает решение о возбуждении уголовного дела и начале производства по нему, либо об отказе в возбуждении уголовного дела;
- дознания, формы предварительного расследования, направленного на установление обстоятельств, значимых для поиска истины в расследуемом уголовном деле, и применяемая дознавателем в случаях, когда производство предварительного следствия по рассматриваемому уголовному делу не является обязательным;
- осуществления неотложных следственных действий, т.е. действий, целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования
- правозащитную, направленную на защиту законных прав, интересов и свобод участников уголовного судопроизводства;
- профилактическую, направленную на выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления и внесению представления в организации или должностным лицам о принятии мер по их устранению.

Список литературы

1. *Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под ред. П.А. Лутинской. – М.: Юристъ, 1995. – 782 с.*
2. *Нажимов, В.П. Об уголовно-процессуальных функциях // Правоведение. – 1973. – № 5. – С. 70-81.*
3. *Кокорев, Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам. – Воронеж, 1971. – 671 с.*

4. Рахунов, Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. – М., 1961. – 654 с.
5. Элькинд, П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. - Л.: ЛГУ, 1963. – 823 с.
6. Даев, В.Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Правоведение. – 1974. – № 1. – С. 52-63.
7. Баев, О.Я. Следователь (основы теории и практики деятельности) // Науч.-практ издание. – М.: Прометей, 2017. – 341 с.
8. Халиков, А.Н. Функции предварительного расследования в уголовном судопроизводстве // Российский судья. – 2009. – № 7. – С. 37-40.
9. Берова, Д.М. К вопросу о процессуальной функции следователя в уголовном судопроизводстве // Общество и право. – 2009. – № 3. – С. 207-210.
10. Василенко, В.А. Понятие предварительного расследование и его значение в уголовном процессе России // Общество: политика, экономика, право. – 2019. – № 1 (66). – С. 62-65.

© Г.А. Курбаналиев, 2022.

УДК: 343.1

СПЕЦИФИКА ПРАВООТНОШЕНИЙ ПО ОХРАНЕ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

*Куркиев Мубарак Даудович,
магистрант 3 курса
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Рogaва Инга Георгиевна,
старший преподаватель
кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** В статье анализируются специфика правоотношений охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовно-процессуальной системе принципов. Раскрывается соотношение понятий «защита» и «охрана». Дается характеристика их содержания с выделением элементов.*

***Ключевые слова:** охрана прав и свобод человека и гражданина, принцип уголовного процесса, свидетельский иммунитет, обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства, возмещение вреда потерпевшему.*

THE SPECIFICITY OF LEGAL RELATIONSHIPS FOR THE PROTECTION OF RIGHTS AND FREEDOM OF THE PERSON IN CRIMINAL PROCEEDINGS

*Kurkiev Mubarak Daudovich
Scientific adviser: Rogava Inga Georgievna*

***Abstract:** The article analyzes the specifics of legal relations for the protection of the rights and freedoms of man and citizen in the criminal procedure system of principles. The relationship between the concepts of "protection" and "protection" is revealed. The characteristic of their content with the selection of elements is given.*

Keywords: protection of the rights and freedoms of man and citizen, the principle of criminal procedure, witness immunity, ensuring the safety of participants in criminal proceedings, compensation for harm to the victim.

Уголовное судопроизводство отличается своими многогранными чертами и множеством сложностей, а для его эффективной и законной реализации в статье 11 УК РФ произведена регламентация принципа охраны прав и свобод человека и гражданина. На текущем этапе развития уголовного судопроизводства именно этот принцип в наибольшей степени удовлетворяет основным канонам демократии, одновременно находясь в состоянии своего соответствия условиям объективной действительности.

Данный принцип базируется на требованиях статьи 2 Конституции РФ, где говорится о том, что в приоритете деятельности государства находится работа по созданию условий, направленных на качественную защиту прав и свобод человека. Прочный фундамент для становления данного принципа, формируют и другие нормы, закреплённые в высшем юридическом акте РФ и призванные в своём действии закрепить характер прав и свобод человека, регламентировать положение, в соответствии с которым права и свободы личности являются объектом приоритетной защиты для государства, судебной системы и международных инстанций [1, с. 35].

Реализация рассматриваемого принципа в плоскости уголовного процесса подразумевает воплощение определённого набора действий, призванных в их реализации создать особые условия, при которых все участники смогут должным образом реализовать свои права и интересы, воспользоваться инструментами восстановления этих прав, если они будут нарушены, получить надлежащую защиту, когда в том числе и речь идёт и о защите близких и родственников участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, становится понятно, что серия мероприятий, реализуемых в целях надлежащей охраны прав и законных интересов гражданина в уголовном судопроизводстве, в своём единстве призвана воплотить на практике функцию восстановления права, но при этом нельзя не отметить и явное их превентивное воздействие, обусловленное деятельностью по охране прав и свобод от всевозможных нарушений.

Более подробно разбирая суть функции правовосстановления, можно отметить, что в случае причинения лицу какого-либо вреда или ущерба, обусловленного неправомочными действиями, нарушающими его права и свободы, в процессе работы судов и других уполномоченных должностных

лиц, причинённый таким образом ущерб должен быть возмещён в соответствии с порядком, предусмотренным норма в главе 18 УПК РФ. В том случае если имеют место выявленные основания, свидетельствующие о необходимости возмещения ущерба, обусловленного неправомочными действиями уполномоченных должностных лиц, но эти основания в главе 18 УК РФ не регламентированы, тогда эти вопросы подлежат урегулированию, но уже в системе гражданского судопроизводства [2, с. 53].

При осуществлении действий, направленных на обеспечение всеобъемлющей защиты и охраны прав и свобод личности в ходе уголовного судопроизводства, реализуются особые правовые отношения, которым присуще множество специфических черт. В результате уполномоченные должностные лица, осуществляющие производство по делу, принимают на себя обязанность, согласно которой им нужно предпринять весь предусмотренный в законе спектр действий для создания условий, позволяющих участникам уголовного судопроизводства в полной мере реализовать их права и свободы; также уполномоченное лицо обязано провести соответствующую работу по информированию участников об их правах и обязанностях; предпринять все необходимые действия, чтобы все участники смогли адекватным образом использовать имеющиеся у них права [3, с. 722].

Но вместе с тем закон предусматривает, что на практике граждане могут воспользоваться имеющимися у них правами и свободами исключительно в случае изъявления ими соответствующего желания. Таким образом, события начинают развиваться так, когда в роли одного из значимых структурных компонентов общего принципа охраны прав и свобод начинают выступать особая понятийная категория, которой является термин «свидетельский иммунитет». УПК РФ в п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ закрепляет норму, согласно которой иммунитет свидетеля является инструментом, воспользовавшись которым лицо может не давать свидетельских показаний против самого себя, супруга/супруги, близких родственников и пр.

Общий перечень таких лиц казан в п. 4 ст. 5 УПК РФ. Но ситуация может развиваться и так, когда потенциальный свидетель выразит своё согласие на дачу показаний и до момента их получения нужно провести предусмотренную законом процедуру информирования свидетеля, т.к. данные им показания далее могут быть применены как доказательства по уголовному делу даже тогда, когда в дальнейшем свидетель от этих показаний откажется.

По нормам ч. 3 ст. 11 УПК РФ при получении достаточных сведений, указывающих на то, что в отношении участников уголовного судопроизводства, близких родственников этих участников были озвучены угрозы о применении к ним насильственных методов, об их убийстве, о нанесении ущерба имуществу или о совершении других неправомерных действий, обязанностью органов суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания или подразделения дознания и дознавателя является принятие с соблюдением предусмотренного в законе порядка в отношении данных лиц всех необходимых мер для обеспечения их безопасности, руководствуясь положениями УПК РФ, а также они обязаны предпринять все необходимые действия для обеспечения других мер безопасности, регламентированных в положениях национального законодательства РФ [4, с. 4].

В нормах закона установлен довольно широкий круг лиц, по отношению к которым в случае выдвижения им угроз, уполномоченные должностные лица должны провести работу по принятию всех предусмотренных в законе мер безопасности. В частности, закон определяет, что такими лицами являются все участники уголовного судопроизводства и близкие родственники таких участников. Кроме того, закон определяет, что граждане, состоящие с потерпевшим в особых близких семейных или личных отношениях, также включены в круг субъектов, признаваемых участниками уголовного судопроизводства.

При анализе мер безопасности, чью реализацию обязаны в рамках своих полномочий обеспечить должностные лица, прежде всего, потребуется указать на такие меры безопасности, как:

1. Псевдонимы. При составлении протокола в ходе проведения отдельных следственных действий в целях конфиденциальности участников судебного производства используются псевдонимы. По нормам ч. 9 ст. 166 УПК РФ, принимая меры для обеспечения безопасности установленных в законе субъектов, у следователя или дознавателя есть право при составлении протокола следственного действия, если в нём задействованы такие лица, не отражать информацию, касающуюся их личностей.

Если события развиваются так, тогда нужно вынести соответствующее постановление и в нём отразить причины, по которым следователь или дознаватель пришли к выводу о целесообразности соблюдения конфиденциальности относительно указанных сведений, и фиксации в протоколе псевдонима участника. Для соблюдения

предусмотренного в законе порядка, в постановлении должен быть зафиксирован образец подписи лица, чьё имя будет скрываться под псевдонимом, и ее оно должно в последующем использовать при подписании протоколов следственных действий, чьим непосредственным участником он стал. Вынесенное постановление помещается в конверт и отпечатывается, он подлежит приобщению к материалам уголовного дела.

2. Контроль и запись переговоров. По ч. 2 ст. 186 УПК РФ при проведении следственных действий все проводимые переговоры могут производиться под запись и на условиях контроля. Чтобы реализовать эту меру безопасности необходимо изначально получить соответствующее судебное решение, кроме того, требуется письменное заявление, направленное потерпевшими, свидетелями, близкими родственниками и близкими лицами этих участников. Закон устанавливает, что метод контроля и записи переговоров не может использоваться более полугода при проведении следственных действий. Как только этап предварительного расследования будет завершён, данная мера более использоваться не может. Статья 186 УПК РФ регламентирует положение о контроле и записи «переговоров», в результате чего терминологическая категория «переговоры» раскрывается в своём содержании как сообщения, реализуемые не только путем речевой активности, но и путём передачи сообщений по почте, через систему телеграфной связи и путём с использованием других способов информационного обмена.

3. При проведении опознания, привлечённые к нему субъекты, то есть опознаваемые лица не смогут увидеть лицо, их опознающее. Этот метод используется тогда, когда необходимо создать условия, при которых опознаваемый субъект не сможет узнать субъекта его опознающего, или же требуется не допустить запоминания опознаваемого человека, если опознаваемый и опознающий незнакомы друг с другом. При этом УПК РФ не закрепляет в своих нормах положения, где был бы отражён исчерпывающий перечень средств и приёмов, кои могут использоваться для надлежащей реализации этого метода, в результате чего субъекты, уполномоченные эти меры предпринимать на практике, сталкиваются с объективными трудностями тогда, когда опознание должно производиться с соблюдением подобных требований. Чтобы процедура опознания была произведена с соблюдением требований ч. 8 ст. 193 УПК РФ, задача уполномоченного её производить субъекта заключается в оборудовании отдельного помещения, имеющего два отдельных входа, оно должно быть оборудовано перегородкой, с вмонтированным в неё окном, обеспечивающим одностороннюю видимость.

Подобная оконная конструкция состоит из двух стёкол, на одно из стекол нанесена зеркальная металлизированная пленка и за счёт нее создаются условия, при которых видимость обеспечивается в одностороннем порядке, а второе стекло обычное прозрачное, оно необходимо для того, чтобы создать надлежащую звукоизоляцию. Если такое окно будет немного приоткрыто, в таком случае будут созданы условия, при которых опознающий сможет услышать голос опознаваемого лица, если это потребуется. Часть помещения, в которой при проведении следственного действия будет находиться опознаваемый субъект должна быть хорошо освещена, а вторая часть помещения, где будет находиться опознающий, может быть освещена в меньшей степени [5, с. 79].

Перечень указанных требований необходимо обязательно соблюдать, чтобы таким образом обеспечить качественную одностороннюю видимость. Поэтому при оборудовании такого помещения нужно использовать качественные и яркие лампы, или другие источники естественного света. Если наступает ситуация, когда оборудовать такие помещения не представляется возможным, закон определяет, что могут использоваться смежные помещения или части одного помещения, в том числе коридор, если в нём имеется разделительная застекленная дверь. Но здесь возникает необходимость решения вопроса недопущения визуального контакта участников данного следственного действия, для чего можно использовать жалюзи.

При производстве следственных действий в виде опознания допускается использование метода, когда опознающему субъекту будет предъявлено для опознания видеозображение опознаваемого, таким образом будут созданы все условия, позволяющие не допустить визуального наблюдения опознаваемым лицом опознающего. В этом случае может демонстрироваться непосредственная видеозапись или использоваться метод видеотрансляции. В любом случае производить видеодемонстрацию нужно с соблюдением порядка, регламентированного в УПК РФ, в частности, закон устанавливает, что при проведении опознания, количество предъявляемых к опознанию лиц должно составлять минимум 3 человека, а также действует ряд других не менее существенных требований [6, с. 68-69].

4. В ч. 2 ст. 241 УПК РФ закон определяет, что судебное разбирательство может производиться в судебном формате в тех ситуациях, когда таким образом представляется возможным в должной мере обеспечить безопасность участников судебного разбирательства, родственников этих участников и других близких лиц.

5. При проведении судебных заседаний допрос свидетелей может производиться так, когда другие участники процесса не будут иметь возможности, позволяющей им визуально наблюдать этих свидетелей, кроме того, при этом настоящие сведения об их личности также не подлежат разглашению. Сегодня на базе некоторых судов уже созданы специальные помещения, позволяющие соблюсти это требование, также в них организована система радиосвязи между лицом, информация о котором не подлежит разглашению и залом судебного заседания, они оснащены необходимыми устройствами и оборудованием для изменения голоса свидетеля, дающего показания на условиях соблюдения его конфиденциальности. Для того чтобы доставить свидетеля в зал судебного заседания используются автомобили с затемнёнными стёклами, чтобы закрыть лица этих участников на них могут быть надеты балаклавы, а процедура допроса их производится в цоколе здания суда.

Помимо этого, нужно отдельно подчеркнуть, что все перечисленные выше меры могут использоваться и для обеспечения безопасности подозреваемого и обвиняемого, если они приняли решение заключить досудебное соглашение о сотрудничестве, в том числе данные меры защиты могут использоваться в отношении близких родственников, других близких тогда, когда выявлены факты, свидетельствующие о том, что существует явная угроза их безопасности [7, с. 8-9].

В деле использования мер безопасности колоссальную роль играют нормы, предусмотренные ч. 3 ст. 11 УПК РФ, если речь идёт об их применении для обеспечения безопасности субъектов, которым были озвучены угрозы использования в отношении них насильственных методов, их убийства, а также, если злоумышленники озвучили угрозы нанесения непоправимого ущерба их имуществу или о совершении по отношению к ним других противоправных действий. Для применения мер безопасности необходимы приобщенные к материалам уголовного дела соответствующие основания, в роли которых могут выступить помимо непосредственных доказательств, указывающих на возможность применения или говорящих о непосредственном применении насильственных методов, о нанесении ущерба имуществу или его уничтожении, о совершении других противоправных действий, нарушающих закон; так как наряду с ними могут также использоваться и сведения о наличии угрозы совершения деяний подобного рода, когда в том числе имеется в виду и информация, добытая в ходе производства ОРМ.

Практика свидетельствует, что озвученная в отношении

рассматриваемых лиц угроза должна не только подразумевать использование в отношении данных субъектов методов насилия, уничтожения их имущества или нанесения этому имуществу непоправимого вреда, но и может предполагать совершение других действий противоправного характера, когда в том числе речь идёт о принятии принудительных мер, подталкивающих субъект к даче показаний помимо его воли (ст. 302 УК РФ), действий, выраженных в подталкивании субъекта к даче взятки или совершению коммерческого подкупа (ст. 304 УК РФ), или подразумевать другие виды деяний, опасных для общества, являющихся объектом регламентации Особенной части УК РФ. Помимо этого, закон определяет, что допускается использование мер безопасности по отношению к особой категории участников уголовного судопроизводства. В частности, речь идёт о потерпевшем, свидетеле, эксперте, специалисте, переводчике, подозреваемом, обвиняемом, если указанные лица приняли решение оказать помощь и содействие при производстве следственных действий для скорейшего раскрытия преступления, для привлечения к установленным мерам ответственности других участников преступления, для осуществления розыска имущества, полученного преступным путём, а также в отношении других участников.

Рассматриваемые меры безопасности могут применяться по отношению к присяжным заседателям, их близким родственникам и другим близким. Согласно порядку, определённому в законодательстве, за органами суда, прокурором, руководителем органа следствия, следователем, начальником органа дознания и подразделением органа дознания, дознавателем, должностными лицами оперативных служб органов дознания при необходимости неотложных следственных мероприятий, закрепляется право использования мер безопасности, в пределах их компетенции и их должностных полномочий, при вступлении на этап судебного разбирательства в ходе уголовного судопроизводства и при преодолении стадии досудебного урегулирования. Таким образом можно привести практический пример, когда согласно п. 17 Постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2012 г. № 16, суд определил, что при наступлении ситуации, когда органы суда, изучая угрозу личной безопасности подсудимого, принявшего решение сотрудничать с обвинением, угрозу безопасности близких родственников такого лица и других близких ему лиц, выявят основания, предусмотренные ч. 3 ст. 11 УПК РФ, то суд вправе использовать в отношении указанных лиц все предусмотренные в законе меры и методы государственной защиты участников уголовного судопроизводства, если ранее данное решение не

приняли органы предварительного следствия или прокурор [8, с. 4].

В контексте решения стоящих перед нами исследовательских задач, нужно отдельно акцентировать внимание на том, что проблема анализируемого принципа охраны прав и свобод человека в системе уголовного судопроизводства отличается своей необычайной широтой и актуальностью. Накопленный практический опыт свидетельствует, что при осуществлении мероприятий, направленных на обеспечение адекватной защиты лица, сведения о личности которого должны сохраняться в тайне, эффективность предпринимаемых таким образом действий зачастую бывает недостаточной, что обусловлено низкой степенью оснащения деятельности уполномоченных должностных лиц требующимися материально-техническими средствами. В настоящий момент в России лишь минимальное количество зданий судов оснащено помещениями, в которых могут производиться процедуры опознания, системами аудио связи для налаживания контакта между засекреченным лицом и залом судебного заседания. Оборудование для изменения голоса имеется далеко не везде.

Нужно отдельно подчеркнуть, что как свидетельствует накопленный практический опыт, в настоящий момент меры, применяемые в целях организации работы с лицами, чье имя нужно сохранить в секрете, далеко не во всех случаях предпринимают весь существующий набор для обеспечения их безопасности, нередко наблюдается использование формального подхода. Ярким примером является ситуация, когда в свидетельских показаниях зафиксированы сведения, право доступа к которым на предприятии ограничено. И при оглашении этих сведений все другие участники судебного разбирательства могут понять, кто именно дал такие показания. Кроме того, в процессе изучения материалов уголовного дела при исследовании свидетельских показаний можно получить довольно широкий круг сведений о личности и характере свидетеля [9, с. 31].

В результате можно заключить, что высокий уровень сложности, наблюдающийся в процессе расследования и рассмотрения в органах суда уголовных дел, куда привлечены лица, сведения о которых нужно сохранить в тайне, во многом обусловлен низкой эффективностью решения вопросов финансирования, отсутствием у вовлеченных в данный процесс сотрудников надлежащего опыта профессиональной деятельности и необходимостью отведения для выполнения этих мероприятий продолжительного периода времени. И всё же, несмотря ни на что, согласно закону именно, охрана прав и свобод каждого участника уголовного судопроизводства является первоочередным направлением

деятельности уполномоченных органов.

Список литературы

1. Безлепкин, Б.Т. *Уголовный процесс России: учеб. пособие.* М., 2018.
2. Клеандров, М.И. *Очерки российского судоустройства: Проблемы настоящего и будущего.* Новосибирск, 2017.
3. *Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Л.А. Окунькова.* М., 2018.
4. Лебедев, В.А. *Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России (теория и практика современности).* М., 2015.
5. Матузов, Н.И. *Правовая система и личность.* Саратов, 2017.
6. *Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова.* М., 2021. Т. 3.
7. *Уголовный процесс Российской Федерации: учебник / отв. ред. А.П. Кругликов.* М., 2019.
8. *Уголовный процесс: учеб. пособие / под ред. А.В. Ендольцевой, О.А. Галустьяна.* М., 2018.
9. *Уголовный процесс: учебник / под ред. В.П. Божьева.* М., 2018.

© М.Д. Куркиев, 2022.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРИОБРЕТЕНИЯ ИЛИ СБЫТА ИМУЩЕСТВА, ЗАВЕДОМО ДОБЫТОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

*Леонтьев Максим Александрович,
Магистрант
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Фаргиев Ибрагим Аюбович
д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** статья посвящена сравнительному анализу признаков такого преступного деяния как приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем в зарубежных странах. Автором рассмотрено законодательное понимание таких элементов состава преступления как объект и объективная сторона. В статье сформулирована позиция относительно определения круга общественных отношений, представляющих объект преступления по законодательству зарубежных стран. На основании проведенного исследования делается вывод о различной интерпретации объективных признаков рассматриваемого преступления с позиции законодателя разных стран.*

***Ключевые слова:** приобретение имущества, сбыт имущества, объект, объективная сторона, общественные отношения, способ совершения преступления.*

OBJECTIVE SIGNS OF THE ACQUISITION OR SALE OF PROPERTY KNOWINGLY OBTAINED BY CRIMINAL MEANS UNDER THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

*Leontiev Maxim Alexandrovich
Scientific adviser: Fargiev Ibrahim Ayubovich*

***Abstract:** The article is devoted to the comparative analysis of the signs of*

such a criminal act as the acquisition or sale of property knowingly obtained by criminal means in foreign countries. The author considers the legislative understanding of such elements of the corpus delict as the object and the objective side. The article formulates a position regarding the definition of the range of public relations representing the object of a crime under the legislation of foreign countries. Based on the conducted research, the conclusion is made about the different interpretation of the objective signs of the crime in question from the position of legislators of different countries.

Key words: *acquisition of property, sale of property, object, objective side, public relations, method of committing a crime.*

Уголовное законодательство различных зарубежных стран предусматривает ответственность за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, и, если относительно формулировки наименования такого преступления сильных разночтений нет, то относительно места данного преступного деяния в системе всех преступлений зарубежные государства придерживаются различных позиций.

Так, по Уголовным кодексам Республики Беларусь (ст. 236) [1], Армении (ст. 216) [2], Дании (§ 284) [3, С. 196], подобно уголовному законодательству РФ приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем отнесено к преступлениям против экономической деятельности.

В уголовном законе Франции (ст. 321-1 отдела I «Об укрывательстве») [4, С. 456], Польши (ст.ст. 292, 293) [5, С. 215] преступное приобретение или сбыт имущества отнесены к преступлениям против собственности.

Законодатель ФРГ, Болгарии, Латвии подошел к этому вопросу совсем неклассическим образом и отнес приобретение и сбыт имущества, заведомо для виновного добытого преступным путем к преступлениям против правосудия, указывая на то, что объектом такого преступления является отношения восстановления законности. [6, С. 21].

Законодательство Эстонии статья, предусматривающая ответственность за анализируемое преступное деяние помещена в главу «Преступления против общественного порядка и общественной безопасности». [6, С. 21].

Также существует ряд стран, в законодательстве которых предусмотрена отдельная глава, включающая в себя статьи об

ответственности за незаконный оборот преступно добытого имущества (Голландия, Бельгия, Израиль). [7, С. 240].

Относительно рассмотрения общественных отношений по поводу собственности в качестве объекта приобретения или сбыта имущества заведомо добытого преступным путем, мы соглашаемся с мнением А.В. Зарубина, который считает, что собственность нельзя признавать объектом данного преступления, так как при совершении преступления страдают прежде всего общественные отношения в части восстановления справедливости, реализации принципа неотвратимости ответственности. Отношения собственности при совершении заранее не обещанных приобретения или сбыта имущества, заведомо для виновного добытого преступным путем, уже не страдают. Им был причинен ущерб при совершении основного преступления, которое может быть любым, а не только преступлением против собственности. [6, С. 22].

Критики, с нашей точки зрения, заслуживает и отнесение исследуемого деяния к преступлениям против правосудия, так как реализация такого деяния не способствует нарушению общественных отношений в сфере правосудия.

Позиция, согласно которой анализируемое преступление в соответствии с законодательством страны не рассматривается данное как самостоятельный состав преступления (УК Швейцарии – ст. 160 [8, С. 132], УК Австрии – §164 [9, С. 236]), на наш взгляд, также является не совсем верной, в связи с наличием у данного состава круга определенных общественных отношений, характерного только для него, для защиты которых установлены меры уголовно-правового регулирования.

Д.А. Мурин отмечал, что «общественная опасность приобретения либо сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, определяется одновременным причинением вреда таким группам общественных отношений, как общественная безопасность, интересы правосудия, экономическая деятельность и собственность. При этом наибольший вред причиняется общественной безопасности в силу того, что приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, фактически представляют собой криминальный оборот имущества, полученного преступным путем, способствующий существованию и распространению преступлений в обществе». [10, С. 145], – такая позиция представляется нам наиболее верной.

Относительно объективной стороны исследуемого преступного деяния законодатели разных стран также расходятся во мнениях, главным образом единообразного описания способов совершения преступления.

Как указывает И.П. Пелисова, общественная опасность приобретения либо сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, характеризуется особым способом совершения общественно опасных деяний, связанным с неизбежным вовлечением иных лиц в совершение этого деяния, в том числе и на международном уровне, поскольку для совершения указанного преступления необходимо два субъекта, которые, в свою очередь, должны совершить сбыт и приобретение такого имущества. Данный способ обладает значительной общественной опасностью, поскольку в два раза увеличивает круг лиц, вовлекаемых в совершение преступления [11, С. 162].

В немецком уголовном праве под приобретением имущества, добытого преступным путем, понимается преступление, состоящее в деянии, пригодном для того, чтобы приобретенную в результате совершения преступления вещь укрыть, приобрести для собственного пользования, сбыть ее или способствовать сбыту.

УК Швейцарии в качестве способов совершения данного преступления признает приобретение, принятие в дар, в залог, утаивание или помощь в отчуждении вещи, полученной в результате совершения преступного деяния, направленного против имущества, о котором знает или должен знать виновный.

По УК Франции способами совершения укрывательства имущества являются сокрытие, хранение или передача какой-либо вещи или оказание посреднических услуг с целью ее передачи, если известно, что такая вещь получена в результате совершения какого-либо преступления или проступка.

Таким образом, сравнительный анализ законодательства ряда зарубежных стран показал, что в уголовном праве зарубежных государств нет единства по вопросу объективных признаков, заранее не обещанных приобретения или сбыта имущества, приобретенного преступным путем, что во многом обусловлено национальным пониманием содержания этого института в уголовно-правовом значении.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения 15.10.2022)
2. Уголовный кодекс Республики Армения // Официальный сайт

Парламента Республики Армения [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

URL:

<http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus>

(дата обращения 15.10.2022)

3. *Уголовный кодекс Дании / пер. С.С. Беляева, А.Н. Рычевой. – СПб. – 2001. – 228 с.*

4. *Уголовный кодекс Франции / пер. Н.Е. Крыловой. – СПб. – 2002. – 648 с.*

5. *Уголовный кодекс Республики Польша / пер. Д. А. Барилович. – СПб. – 2001. – 232 с.*

6. *Незаконный оборот имущества, приобретенного преступным путем: уголовно-правовая характеристика: учебное пособие / А.В. Зарубин. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – 88 с.*

7. *Нурутдинов И.И., Лобачев М.С. К вопросу об уголовной ответственности за приобретение либо сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, в России и за рубежом // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2021. – Т. 6. – № 2 (12). – С. 239-243.*

8. *Уголовный кодекс Швейцарии / Научное редактирование, предисловие и перевод с немецкого А.В. Серебрянниковой. – Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс». – 2002. – 348 с.*

9. *Уголовный кодекс Австрии / пер. Л. С. Вихровой. – СПб. – 2004. – 350 с.*

10. *Мурин Д.А. Общественная опасность приобретения или сбыта имущества, добытого преступным путем, как части оборота преступно добытого имущества // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2021. – №1 (42). – С. 144-153.*

11. *Пелисова И.П. Использование криптовалюты при совершении преступлений, предусмотренных статьями 174 – 175 УК РФ // Современные закономерности и тенденции развития наук криминального цикла: материалы Международной научной конференции, Красноярск, 05 декабря 2019 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет. – 2020. – С. 161 – 163.*

© М.А. Леонтьев, 2022.

ПРЕДПОСЫЛКИ И ФАКТОРЫ, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ

*Луганская Инна Сергеевна,
магистрант 2 курса
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Серегина Елена Владимировна,
к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** в статье проанализирована проблема семейного насилия. Рассмотрена общественная опасность насильственных преступлений в семейной сфере, выявлены предпосылки и проведен анализ причин семейного насилия. Обращается внимание на то, что появляются ранее неизвестные факторы насилия в семье, углубляется влияние прежних детерминант, составляющих причинный комплекс преступлений данного вида. Подчеркнута значимость правовых факторов, необходимость совершенствования правовых институтов, направленных на охрану интересов семьи.*

***Ключевые слова:** семья, насилие, насильственная преступность в семейной сфере, факторы, профилактика.*

PREREQUISITES AND FACTORS THAT CAUSE DOMESTIC VIOLENCE

*Lugansk Inna Sergeevna
Scientific adviser: Seregina Elena Vladimirovna*

***Abstract:** the article analyzes the problem of family violence. The social danger of violent crimes in the family sphere is considered, the prerequisites are identified and the causes of family violence are analyzed. Attention is drawn to the fact that previously unknown factors of domestic violence appear, the influence of the former determinants that make up the causal complex of crimes of this type is deepening. The importance of legal factors and the need to*

improve legal institutions aimed at protecting the interests of the family are emphasized.

Key words: *family, violence, violent crime in the family sphere, factors, prevention.*

В современный период особую актуальность и значимость приобретает проблема семейного насилия, которое отрицательным образом сказывается как на функционировании всего российского общества и государства, так и на жизнедеятельности семьи и ее членов. Семья как древнейший социальный институт является базисом общества, первой, но самой твердой, ступенью социализации личности, той начальной, устойчивой формой, которая отличает человеческое общество от зоологических объединений и человека от животного. Между тем, государственная семейная и уголовно-правовая политика не предусматривает целостной системы мер, как правовых, так и социальных, направленных на профилактику семейного насилия.

Насильственная преступность в семейной сфере характеризуется неблагоприятными показателями. Так, по данным МВД России, 40% ежегодных заявлений в правоохранительные органы – сообщения о домашнем насилии [1]. 8 из 10 убийств совершается в семье, каждые 40 минут от последствий семейного насилия умирает одна женщина, часть из них становятся жертвами самоубийства. Ежегодно 2 тыс. детей заканчивают жизнь самоубийством, более 50 тыс. уходят из семей, половина всех потерпевших подвергались насилию со стороны отца или отчима [2, с. 83]. Жертвами семейного насилия чаще всего являются наиболее уязвимые члены семьи – малолетние, пожилые, тяжелобольные и зависимые члены семьи.

Необходимо отметить, что статистика, связанная с семейным насилием, очень условна. Насильственные преступления в семейной сфере относятся к высоко латентным, прежде всего потому, что данные посягательства происходят внутри семьи, члены которой не обращаются в правоохранительные органы, а соответственно эти деяния не фиксируются и не охватываются уголовной статистикой. Причины не обращения в правоохранительные органы обусловлены, прежде всего, страхом жертвы перед насильником. В итоге, жертва остается один на один с абьюзером, а у полиции нет реальных рычагов воздействия на него.

Количественные показатели также неблагоприятны. Семейная преступность приобретает новые черты. Появляются ранее неизвестные

факторы, обуславливающие семейные преступления, углубляется влияние прежних факторов, составляющих причинный комплекс преступлений данного вида (пьянство, незанятость и др.). Ухудшается криминологическая и социальная характеристика виновных. Во многом это объясняется ослаблением государственного и общественного контроля, разрушением системы профилактики семейных правонарушений, неблагоприятными социально-экономическими процессами как в обществе в целом, так и в семейной сфере.

Причины и условия обострения проблемы семейного насилия имеют комплексный характер. Ведущими являются социальные факторы, а именно социально-экономические, социально-политически и социально-идеологические детерминанты, обусловленные кризисными явлениями. Именно в периоды обострения социальных противоречий, во время всевозможных кризисных ситуаций, наибольшее распространение приобретают семейные конфликты, сопряженные с криминальным насилием.

Под влиянием общероссийского семейного кризиса в нашей стране сложился особый тип семьи – кризисный, для данного типа особенно характерно семейное насилие. На такие социальные реалии накладываются традиции, сохранившиеся в общественном сознании, оправдывающие или одобряющие семейное насилие: «Бьет – значит, любит». Так описывает методы семейного воспитания, существующие в Древней Руси, О.Д. Кавашкин: «У мужа висела плеть, исключительно для наказания жены и называемая «дурак», за ничтожную вину муж таскал жену за волосы, раздевал донага, привязывал веревками и сек «дураком» до крови – это называлось учить жену; у иных мужьев вместо плети играли ту же роль розги... у других, напротив, дубина – и жену били, как скотину» [3, с. 73].

Существенной причиной насилия в семье является то обстоятельство, что на патриархальные гендерные семейные нормы накладываются либеральные установки относительно семейных ценностей. В XX в. произошли существенные сдвиги в системе гендерных норм и ролей, связанные с изменением положения женщины в системе общественного разделения труда, подъемом феминистского движения, утверждением норм демократии и прав человека. В результате, женщины стали стремиться к равноправию и освобождению от патриархальной зависимости. Негативным следствием данного процесса явилось распространение насилия в семье [4, с. 345].

Среди факторов риска совершения преступлений в семейной сфере

следует выделить опыт агрессивного поведения в детстве и юности, установки окружающих по поводу насилия и агрессии, употребления алкоголя, агрессивные проявления во внесемейном поведении, индивидуально-психические и нервные отклонения.

Одним из факторов, способствующих совершению насильственных преступлений, является психопатия. Часто психические аномалии наблюдаются у женщин и несовершеннолетних лиц с девиантным поведением. Аномалии психики и психические заболевания могут способствовать повышению агрессивности, снижению волевого контроля за эмоциональным фоном и когнитивных свойств, отвечающих за прогнозирование действий лица и их последствий, обуславливают специфику восприятия окружающей среды и формы поведения [5, с. 185]. При этом ученые отмечают, что аномалии психики не являются исключительно причиной совершения преступлений. Аномалии психики сами по себе не криминогенны, они «работают» только в сочетании с неблагоприятными условиями формирования личности, которые порождают ее преступные черты. Такие аномалии могут способствовать их возникновению и развитию, как и самому противоправному поведению, но лишь в качестве условия, не определяющего содержания этих черт [6, с. 81].

К значимым причинам, обуславливающим насилие в семье, относятся правовые факторы – законодательные недостатки, пробелы и изъяны. К сожалению, выработка и реализация мер антикриминального воздействия на лиц, использующих для решения семейных проблем насилие, находится в зачаточном состоянии. Запрос общества на законодательство о семейном насилии очевиден: по данным опроса ВЦИОМ «угрозу стать жертвой насилия в семье видят 38% респондентов, при этом среди женщин эта доля достигает 49% [7]. На сегодняшний день в нашей стране нет практически никаких механизмов, противостоящих семейному насилию, а существующие демонстрируют свою малую эффективность, непоследовательность и наличие ряда сдерживающих общественных стереотипов и механизмов.

Между тем, одной из тенденций развития действующего законодательства Российской Федерации является совершенствование правовых институтов, направленных на охрану интересов семьи. Данная тенденция предопределяется необходимостью обеспечения одного из конституционных принципов, нашедшего свое развитие в семейном законодательстве, – принципа государственной защиты института семьи, материнства, отцовства и детства. В этой связи, основным направлением

государственной политики в сфере семейных отношений является охрана семьи уголовно-правовыми средствами [8, с. 124].

Для профилактики семейного насилия необходимо внедрять разнообразные меры: от воспитания до наказания. Следует придерживаться единой политики по предотвращению семейного насилия, которая включала бы в себя сотрудничество с правозащитными организациями, подготовку сотрудников правоохранительных органов, ведение статистики, просвещение населения, создание убежищ и предоставление психологической и юридической помощи пострадавшим.

Список литературы

1. *Обзоры обращений в МВД России.* – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Departamenti/> (15.10.2022).
2. *Яушева А.Д. Меры профилактики семейно-бытового насилия в России // Административное право и процесс.* – 2022. – № 7. – С. 83 - 84.
3. *Кавашкин О.Д. Семейное воспитание в России (развитие идей от Древней Руси до начала XX века) // Семья в России.* – 1994. – № 2. – С. 69 - 79.
4. *Шестаков Д.А. Криминология: новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство.* – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 561 с.
5. *Серегина Е.В., Ярошенко А.П. Вопросы формирования личности преступника и типичные признаки современного преступника // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал.* – 2022. – №9. – С. 112-117.
6. *Кургузкина Е.Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений: диссертации ... докт. юрид. наук.* – М., 2003. – 423 с.
7. *Что происходит за закрытыми дверями?* – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9478> (20.10.2022).
8. *Серегина Е.В., Улезько С.И., Филимонова О.Г. Уголовно-правовая охрана семьи: история, современное состояние и перспективы развития // Научно-практический журнал Наука и образование: хозяйство и экономика, предпринимательство; право и управление.* – 2021. – №1 (128). – С. 124-128.

© И.С. Луганская, 2022.

ИНЫЕ МЕРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

*Мальбахов Амирхан Борисович,
магистрант*

*Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Научный руководитель:

*Полтавцева Лариса Ивановна,
профессор, д.ю.н., профессор*

*кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО*

«Российский государственный университет правосудия»

***Аннотация:** В статье исследуются меры процессуального принуждения в российском уголовно-процессуальном праве, рассматриваются понятие, основания и виды.*

***Ключевые слова:** меры процессуального принуждения, привод, денежное взыскание, уголовно-процессуальный кодекс, подозреваемый, обвиняемый.*

OTHER MEASURES OF PROCEDURAL COERCION IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

Malbakhov Amirkhan Borisovich

Scientific Supervisor: Poltavtseva Larisa Ivanovna

***Abstract:** The article examines the measures of procedural coercion in the Russian criminal procedure law, examines the concept, grounds and types.*

***Keywords:** measures of procedural coercion, drive, monetary penalty, criminal procedure Code, suspect, accused.*

В настоящее время единого понимания «мер процессуального принуждения» нет. Меры процессуального принуждения – это предусмотренные уголовно-процессуальным законом принудительные меры, применяемые следователем, дознавателем или судом при наличии

оснований и в определенных целях и случаях к подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и понятому [1].

Под мерами уголовно-процессуального принуждения принято понимать меры уголовно-процессуального характера, применяемые дознавателем, следователем, а также судом в пределах назначенных им полномочий, при наличии оснований, предусмотренных законом в целях успешного расследования и разрешения уголовного дела и выполнения иных задач уголовного судопроизводства [2].

Меры уголовно-процессуального принуждения – это регламентированные уголовно-процессуальным законом меры ограничения прав и свобод лица, применяемые государственными органами и должностными лицами для предупреждения неправомерных действий со стороны подозреваемых и обвиняемых [3].

Рассмотрев определение мер процессуального принуждения на трех примерах, можно увидеть общий смысл, но разную трактовку понятия. Основная характеристика мер процессуального принуждения заключается в регламентации уголовно-процессуальным законом. В первом определении единственное различие в том, что меры процессуального принуждения применяются не только к подозреваемым и обвиняемым, но и к свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и понятому.

В случаях, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом, дознаватель, следователь или суд вправе применить к потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и (или) понятому следующие меры процессуального принуждения: обязательство о явке; привод; денежное взыскание.

Из анализа статей 111, 112, 113, 114, 115 Уголовно-процессуального кодекса РФ, можно сделать вывод о том, что лишь такие меры принуждения как привод и наложение ареста на имущество являются обоснованными, т.е. имеют основания для применения.

В целях обеспечения установленного настоящим Кодексом порядка уголовного судопроизводства, надлежащего исполнения приговора дознаватель, следователь или суд вправе применить к подозреваемому или обвиняемому следующие меры процессуального принуждения:

- 1) обязательство о явке;
- 2) привод;

- 3) временное отстранение от должности;
- 4) наложение ареста на имущество [4].

В соответствии с ч. 1 ст. 111 УПК РФ целями применения иных мер пресечения являются обеспечение установленного УПК РФ порядка уголовного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора.

Такие меры процессуального принуждения, как обязательство о явке, привод, могут применяться как к обвиняемому и подозреваемому, так и потерпевшему и свидетелю, а наложение ареста на имущество, может быть применен исключительно к подозреваемому или обвиняемому. Временное отстранение от должности возможно только в отношении обвиняемого (ст. 114 УПК РФ).

Обязательство о явке, привод и денежное взыскание могут быть применены к широкому кругу участников процесса: помимо подозреваемого и обвиняемого им могут быть подвергнуты потерпевший, свидетель. Обязательство о явке может быть взято у подозреваемого (после возбуждения в отношении лица уголовного дела и его допроса в качестве подозреваемого), обвиняемого, а также у потерпевшего или свидетеля. В случае нарушения данного обязательства участник уголовного судопроизводства может быть подвергнут денежному взысканию в порядке ст. 118 УПК РФ.

Принудительный привод (ст. 113 УПК РФ) состоит в принудительном доставлении лица к дознавателю, следователю или в суд. Могут быть подвергнуты приводу подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, свидетель в случае неявки по вызову без уважительных причин. При наличии причин, препятствующих явке по вызову в назначенный срок, указанные лица незамедлительно уведомляют орган, которым они вызывались (ч. 3. ст. 113 УПК РФ) [5].

Не подлежат приводу несовершеннолетние в возрасте до четырнадцати лет, беременные женщины, а также больные, которые по состоянию здоровья не могут оставлять место своего пребывания, что подлежит удостоверению врачом (ч. 6 ст. 113 УПК РФ).

При наличии данных о том, что уведомленное лицо без уважительных причин умышленно уклоняется от явки в орган, ведущий производство по уголовному делу, принимается решение о принудительном приводе этого лица. Постановление дознавателя, следователя, судьи или определение суда о приводе перед его исполнением объявляется лицу, которое подвергается приводу, что удостоверяется его подписью на постановлении или определении. В постановлении указывается место и время куда будет доставлено лицо. Привод не может

производиться в ночное время (ч. 5 ст. 113). Привод производится органами дознания по поручению дознавателя, следователя, прокурора, а также судебными приставами по обеспечению установленного порядка деятельности судов – по поручению суда.

Предусмотренное ст. 114 УПК РФ временное отстранение от должности состоит в отстранении от должности обвиняемого на период производства по делу. Применение данной меры процессуального принуждения возможно только к обвиняемому и только на основании судебного решения. В случае привлечения должностного лица в качестве обвиняемого и при необходимости его временного отстранения от должности дознаватель, следователь с согласия прокурора возбуждает перед судом по месту производства предварительного расследования соответствующее ходатайство, за исключением случая, предусмотренного ч. 5 ст. 114 УПК РФ. В течение 48 часов с момента поступления ходатайства судья выносит постановление о временном отстранении обвиняемого от должности или об отказе в этом. Постановление о временном отстранении обвиняемого от должности направляется судом по месту его работы. Временное отстранение обвиняемого от должности отменяется на основании постановления дознавателя, следователя, когда в применении этой меры отпадает необходимость (ч. 4 ст. 114 УПК РФ). Эта мера принуждения может быть отменена вышестоящим судом в порядке кассационного производства.

Согласно ч. 5 ст. 114 УПК РФ в случае привлечения в качестве обвиняемого высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) и предъявления ему обвинения в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления Генеральный прокурор РФ направляет Президенту РФ представление о временном отстранении от должности указанного лица. Президент РФ в течение 48 часов с момента поступления представления принимает решение о временном отстранении указанного лица от должности либо об отказе в этом. Таким образом, главы субъектов федерации могут быть отстранены от должности во внесудебном порядке. Исключительный порядок отстранения от должности указанных лиц обусловлен реально существующей зависимостью судебных органов, находящихся в субъектах федерации, от органов исполнительной власти [6].

В соответствии с ч. 6 ст. 114 УПК РФ временно отстраненный от должности обвиняемый имеет право на ежемесячное пособие в размере пяти минимальных размеров оплаты труда, которое выплачивается ему в

соответствии с п. 8 ч. 2 ст. 131 УПК РФ.

К мерам обеспечения иска относятся оперативно-розыскные мероприятия, следственные и иные процессуальные действия, нацеленные на обнаружение имущества, указанного в ч. 1 и 3 ст. 115 УПК РФ. На данное имущество может быть наложен арест, который заключается в описи имущества и запрещении собственнику или владельцу имущества распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение (ч. 2 ст. 115 УПК РФ).

Сам процессуальный порядок рассмотрения судом ходатайства о наложении ареста на имущество предусмотрен нормами ст. 165 УПК РФ. Судья по результатам рассмотрения ходатайства выносит или постановление о наложении ареста на имущество, или постановление об отказе в удовлетворении ходатайства.

При решении вопроса о наложении ареста на имущество суд должен указать на конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых он принял такое решение, а также установить ограничения, связанные с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом.

В случае необходимости арестованное имущество должно быть изъято. Орган, ведущий расследование и изъявший имущество, сам обязан его хранить до решения суда и несет за него ответственность.

При наложении ареста на денежные средства и иные ценности, находящиеся на счете, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях, банк, кредитная организация незамедлительно по получении решения о наложении ареста прекращает расходные операции по данному счету (вкладу) в пределах средств, на которые наложен арест, полностью или частично (ч. 7 ст. 115 УПК РФ).

Наложение ареста на ценные бумаги имеет особенности (ст. 116 УПК РФ), которые обусловлены многообразием видов ценных бумаг и наличием разнообразных способов фиксации прав на них. Понятие и разновидности ценных бумаг определяются в ст. 142, 143 ГК РФ. Специфика правового статуса ценных бумаг делает необходимым соблюдение определенных правил при наложении на них ареста с тем, чтобы, во-первых, не ущемить права других собственников и, во-вторых, не дать оснований для предъявления гражданских исков к органу, ведущему расследование в связи с нарушением имущественных прав третьих лиц.

Согласно ст. 117 УПК РФ в случаях неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных УПК, а также нарушения ими порядка в судебном

заседании на них может быть наложено денежное взыскание в размере до двух тысяч пятисот рублей в порядке, установленном ст. 118 УПК РФ. Субъектами, к которым может быть применена данная мера процессуального принуждения, являются свидетель, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, эксперт, специалист. Денежное взыскание может быть наложено на участника уголовного судопроизводства в стадии предварительного расследования или в ходе судебного разбирательства. В любом случае денежное взыскание налагается только судом [7].

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что иные меры процессуального принуждения регламентированы уголовно-процессуальным законом. Уголовно-процессуальный кодекс РФ четко определяет основания их применения. Все меры процессуального принуждения как-либо затрагивают и ограничивают права человека, в связи с его статусом в уголовном деле.

Список литературы

1. *Основы уголовного судопроизводства: учебник для бакалавров / М.В. Бубчикова, В.А. Давыдов, В.В. Ершов и др.; под ред. В.А. Давыдова, В.В. Ершова. М.: РГУП, 2017. 353 с.*
2. *Батычко В.Т. Уголовный процесс// Учебное пособие. – М.: Юрайт, 2016. 294 с.*
3. *Манова Н.С., Францифоров Ю.В. Уголовный процесс. Учебное пособие. – М.: Юрайт, 2020. 206 с.*
4. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.10.2018) // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – ст. 4921.*
5. *Манджиева Е.В. Институт иных мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве: имеет ли он объективные основания? // Юристъ – Правоведъ, 2019 – 567 с.*
6. *Рудич В.В. Организационно-правовой механизм избрания мер пресечения в уголовном процессе. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 402 с.*
7. *Татаров Л.А. О мерах процессуального принуждения в уголовном процессе Российской Федерации//Закон и право №16, 2018 – 26 с.*

© А.Б. Мальбахов, 2022

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ
СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПА ТАЙНЫ ПЕРЕПИСКИ,
ТЕЛЕФОННЫХ И ИНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ, ПОЧТОВЫХ,
ТЕЛЕГРАФНЫХ И ИНЫХ СООБЩЕНИЙ В РОССИИ**

*Маркарян Гаяне Жораевна,
Магистрант
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Коблева Мария Мухадиновна,
к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовного-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** настоящая работа посвящена исследованию уголовно-процессуальных гарантий соблюдения принципа тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в России. Даны понятия, а также основы правового регулирования конституционного принципа неприкосновенности частной жизни.*

***Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, принципы уголовного процессуального права, тайна переписки, тайна телефонных переговоров, персональные данные.*

**CRIMINAL PROCEDURAL GUARANTEES OF COMPLIANCE WITH
THE PRINCIPLE OF SECRECY OF CORRESPONDENCE,
TELEPHONE AND OTHER NEGOTIATIONS, POSTAL,
TELEGRAPHIC AND OTHER COMMUNICATIONS IN RUSSIA**

*Markaryan Gayane Zhoraevna
Scientific adviser: Kobleva Maria Mukhadinovna*

***Abstract:** this work is devoted to the study of criminal procedural guarantees of compliance with the principle of secrecy of correspondence, telephone and other negotiations, postal, telegraphic and other communications*

in Russia. Concepts are given, as well as the basics of legal regulation of the constitutional principle of privacy.

Key words: *criminal proceedings, principles of criminal procedural law, secrecy of correspondence, secrecy of telephone conversations, personal data.*

Честь и достоинство личности является одним из основных конституционных прав человека и гражданина и находится под особой защитой государства.

Исходя из буквального толкования статьи 23 Конституции Российской Федерации [1] посредством соблюдения тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений обеспечивается неприкосновенность частной жизни.

Уголовное процессуальное право, будучи разновидность российского права, также возводит защиту права лица на неприкосновенность частной жизни в один из постулатов (принципов) уголовного процессуального законодательства.

Конституционный принцип нашел свое развитие в статье 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, [2] устанавливающий возможность ограничения гражданина на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений исключительно на основании судебного решения.

Исходя из изложенного законоположения при необходимости в следственных целях получение данных переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность необходимо получение судебного решения.

Порядок такого процессуального действия изложен законодателем в статье 9 Федерального закона от 12.08.1995 №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». [3]

Обращаясь с подобным заявлением, необходимо обосновать какие именно сведения необходимы заявителю, какую ценность несет в себе информация, которая может содержаться в переписке, телефонных переговорах, а также иных сообщениях. Вместе с тем, основанием для обращения в суд с подобным заявлением является постановление одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (целью такого условия является созданию дополнительного воспрепятствования безосновательного ограничения лица на реализацию конституционного принципа).

Гарантия соблюдения права на неприкосновенность частной жизни обеспечивается также оговоркой о недопустимости признания в качестве доказательств результатов оперативно-разыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционного права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, полученных в обход установленного процессуального порядка (без соответствующего судебного решения). Такая оговорка изложена в абзаце 3 пункта 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. №8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». [4]

Спорным, однако остается вопрос о порядке предоставления операторами связи, необходимых сведений, истребование которых удостоверено также судебным решением. Будет ли суд указывать объемы сведений, тайна о которых раскрыта следствию? Укажет ли суд в решении временной период, в рамках которого следует предоставить данные о переписках, либо телефонных разговорах? Федеральный закон от 7 июля 2003 г. №126-ФЗ «О связи» (далее – Закон) такого порядка не регламентирует. [5] В пункте 1.1. статьи 64 Закона указывается на обязанность операторов связи по предоставлению уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, информацию о переписках и телефонных переговорах без отсылки к объему раскрываемой информации.

Полагаем данный вопрос подлежащим урегулированию путем согласования положений Закона с Уголовно-процессуальным законодательством.

Следует отметить, что соблюдение принципа тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений реализуется не только на стадии проведения оперативно-разыскных или следственных мероприятий, но и на протяжении всего производства по уголовному делу.

Так, частью 4 статьи 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2] предусмотрен порядок исследования (оглашения) судом в рамках рассмотрения уголовного дела сведений, ставших известными стороне на основании судебного решения о проведении оперативно-разыскных мероприятий (об ограничении права на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений). Исходя из указанного законоположения, оглашение результатов проведенных оперативно-разыскных мероприятий осуществляется исключительно с согласия лица, чей принцип на

неприкосновенность частной жизни был ограничен. При отсутствии такого согласия, такие материалы подлежат исследованию (оглашению) в закрытом судебном заседании.

Бесспорно, положение части 4 статьи 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации является также реализацией в уголовном процессуальном праве конституционного принципа на неприкосновенность частной жизни. Данный довод изложен также в Определении Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2019 г. №1133-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина П.Д.А. на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», [6] согласно которому часть четвертая статьи 241 УПК Российской Федерации направлена на реализацию требований статьи 23 Конституции Российской Федерации, гарантирующей право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, и не может расцениваться как нарушающая права заявителя в его конкретном деле и в указанном им аспекте.

Подведя итоги проведенного исследования, хотелось бы отметить мировую тенденцию по гуманизации права, по усовершенствованию механизмов соблюдения прав человека и гражданина, по недопущению нарушения базовых, основополагающих прав и закреплению этих прав в виде принципов в нормативно-правовые акты.

Отечественное законодательство в целом и уголовно-процессуальное законодательство в частности, также развивается в этом направлении.

По нашему мнению, в настоящее время уголовно-процессуальным законодательством выработан достаточный комплекс мер, позволяющих надлежащим образом защитить принцип на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. №237.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. №52 (часть I) ст. 4921.

3. *Федеральный закон от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 августа 1995 г. №33 ст. 3349.*

4. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. №8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 1996 г., №2, с. 1.*

5. *Федеральный закон от 7 июля 2003 г. №126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 июля 2003 г. №28 ст. 2895.*

6. *Определение Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2019 г. №1133-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Определение размещено на сайте Конституционного Суда РФ (<http://www.ksrf.ru>)*

© Г. Ж. Маркарян, 2022

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ДВУМЯ ФОРМАМИ ВИНЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

*Мержоева Марем Алихановна,
магистрант 3 курса
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Осадчая Наталья Георгиевна
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: в статье поднят вопрос, касающийся проблем квалификации преступлений с двойной формой вины. Приведены статистические данные о количестве совершенных преступлений, где субъективная сторона характеризовалась умыслом по отношению к деянию и неосторожностью по отношению к наступившим последствиям. Проведен анализ следственной и судебной практики, выявлены ошибки, допускаемые при квалификации таких преступлений. Сделан вывод о несостоятельности некоторых положений законодательства, выдвинуты предложения теоретического и практического характера по преодолению проблем квалификации преступлений с двойной формой вины.

Ключевые слова: вина, формы вины, умысел, неосторожность, двойная форма вины, последствия, квалификация, судебная практика.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES COMMITTED WITH TWO FORMS OF GUILT AND WAYS TO SOLVE THEM

*Merzhoeva Marem Alikhanovna
Scientific adviser: Osadchaya Natalya Georgievna*

Abstract: the article raises a question concerning the problems of qualification of crimes with a double form of guilt. Statistical data on the number of crimes committed, where the subjective side was characterized by

intent in relation to the act and carelessness in relation to the consequences that occurred, are given. The analysis of judicial practice is carried out, the mistakes made in the qualification of such crimes, both in judicial and investigative practice, are revealed. The conclusion is made about the insolvency of some provisions of the legislation, theoretical and practical proposals are put forward to overcome the problems of qualifying crimes with a double form of guilt.

Keywords: *guilt, forms of guilt, intent, negligence, double form of guilt, consequences, qualification, judicial practice.*

На сегодняшний день преступления, совершаемые с двумя формами вины, вызывают большой интерес как среди теоретиков уголовного права, так и с практической точки зрения. Особенность данных преступлений заключается еще и в том, что нет четкой их системы, они встречаются в разных главах уголовного законодательства. Если обратиться к статистическим данным Судебного Департамента за 2021 год, то среди совершенных преступлений можно выделить такие общественно-опасные деяния, в субъективной стороне которых присутствует две формы вины: причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть по неосторожности (ч. 4 ст. 111 УК РФ) (привлечено к ответственности 3 799 человек); неоказание помощи больному, повлекшее более тяжкие последствия (ч. 2 ст. 124 УК РФ) (привлечено – 5 человек); изнасилование, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей или потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста (ч. 4 ст. 131 УК РФ) (осуждено – 224 человека). Еще больше привлечено к ответственности лиц, совершивших насильственные действия сексуального характера, повлекшие тяжкие последствия по неосторожности (ч. 4 ст. 132 УК РФ) – 1386; за нарушение требований промышленной безопасности на опасных производственных объектах, повлекшие по неосторожности различные виды последствий (ст. 217 УК РФ) привлечено 16 человек; за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации воздушного, морского и внутреннего водного транспорта повлекшие по неосторожности смерть (ч. 2, 2.1, 3 ст. 263 УК РФ) – 22 человека. Больше всего преступлений, где предусмотрена двойная форма вины стало нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшие по неосторожности различные виды тяжких последствий – 4 920 [1].

Исходя из этого можно констатировать тот факт, что рассредоточенность таких преступлений в Особой части УК РФ, а также их разнородность вызывает не мало проблем при их квалификации.

По сути, законодателем совмещены два самостоятельных преступления, различающиеся по субъективной стороне, но совпадающие по некоторым признакам.

Такое положение дел неоднозначно было воспринято с теоретической точки зрения. Как справедливо отметил А.И. Рарог: «правотворец объединяет в один состав, т.е. официально закрепляет, два самостоятельных преступления, одно из которых является умышленным, а другое совершенное по неосторожности, при этом эти деяния могут существовать раздельно, однако в сочетании друг с другом образуют качественно иное преступление» [2, с. 101].

Однако как отмечает Ю.Е. Пудовочкин: «в таких преступлениях вред второму объекту причинно-обуславливающими связями соединен с вредом, который причинен первому объекту, а через него - с действиями (бездействием) субъекта преступления» [3, с. 110].

Не разделяя данной позиции Р.Б. Осокин и А.В. Курсаев пишут: «Указанная позиция представляется нам ни теоретически, ни практически не обоснованной и, в определенной степени, реанимирующей смешанную форму вины» [4, с. 258].

Таким образом, наличие в УК РФ составов с двумя формами вины говорит о том, что каждое из этих деяний самостоятельно, но и одновременно не может наступить без первого. Так, неосторожность в этих преступлениях осложняет умышленное деяние и превращает его в более тяжкое. При этом не должна стираться четкая грань между умышленным преступлением, в котором последствия идентичны с тем деянием, где наступившие последствия не охватывались умыслом виновного. Однако неоднозначные мнения теоретиков уголовного права и отсутствие четких критериев их отграничения повлекли проблемы у правоприменителя.

Исходя из анализа судебной практики квалификации по ст. 105 и ч. 4 ст. 111 УК РФ можно сделать вывод о том, что суд при квалификации деяния руководствуется внутренним отношением лица, к совершенному общественно опасному деянию и его внешним проявлением. Как раз правильное определение объективной стороны преступления и вызывает трудности у правоприменителя.

Верховным судом в Постановлении по делам об убийстве, рекомендовано в таких ситуациях принимать решение опираясь на всю совокупность обстоятельств, сопутствующих совершенному деянию. Среди них выделяется и способ совершения преступления и орудия, которые могли применяться при этом, количество нанесенных ударов, а

также места их нанесения. При этом немаловажную роль здесь играет и предшествующее поведение и взаимоотношения с потерпевшим.

Однако указанные разъяснения не смогли решить проблему в полной мере. Так, Чесменский районный суд Челябинской области не нашел доводы следственных органов, указывающие на наличие умысла на причинение смерти, состоятельными. Несмотря на то, что Устьянцев В.Г., действуя умышленно, с силой наносил Ф. множественные удары рукой в жизненно-важную часть тела человека – голову потерпевшего, верхние конечности потерпевшего, которыми Ф. закрывался от наносимых ударов, при этом подсудимый наносил удары Ф. до момента потери сознания, суд учел тот факт, что, нанося удары Ф., Устьянцев В.Г. не высказывал угрозу убийством. Довод стороны обвинения о том, что подсудимый высказывал угрозу убийством до момента избиения Устьянцевым В.Г. Ф., не могут быть положены в основу умысла Устьянцева В.Г. В связи с этим суд квалифицирует действия Устьянцева В.Г. по ч. 4 ст. 111 УК РФ, как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего [5].

Еще немаловажную роль для правильной квалификации таких преступлений как тяжкий вред, повлекший по неосторожности смерть и убийство, играет установление причинно-следственных связей между деянием и наступившими последствиями. Речь идет о том, что на практике встречаются случаи неверной квалификации действий лица, по ст. 105 УК РФ как убийство. Так, Торжокский городской суд вынес решение о виновности гражданина К. в совершении умышленного причинения смерти. В основу доказательств было положено заключение судебно-медицинской экспертизы, установившей наличие причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями. Однако «Суд кассационной инстанции отменил состоявшееся судебное решение по причине несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Судебная коллегия отметила, что суд первой инстанции в приговоре в качестве доказательства сослался на заключение эксперта, установившего, что между причиненным телесным повреждением и смертью имеется причинно-следственная связь. В тоже время суд немотивированно отверг заключение эксперта, согласно которому причиной смерти потерпевшего явился гнойный менингит, который носит инфекционный характер и связан с обострением внутренней инфекции организма вследствие длительного воздействия холодового фактора при нахождении потерпевшего на улице в зимнее время» [6].

Если при установлении двойной формы вины в преступлениях

против жизни и здоровья в законодательстве есть некоторые разъяснения и вышестоящие инстанции исправляют ошибки судов первой инстанции, то при квалификации по другим составам преступлений, где определение объективных и субъективных признаков осложнено самой конструкцией состава, возникает еще больше споров.

Таким образом, в результате анализа проблем, возникающих при квалификации преступлений с двумя формами вины, можно сделать вывод о том, что не только нет единого понимания в решении данного вопроса с точки зрения теории, но возникают ошибки и на практике. Причем они касаются не только проблем отграничения смежных составов, но возникают и в некоторых других вопросах права.

Так, Конституционным судом был решен вопрос о восстановлении срока давности, в связи с неправильным определением формы вины в преступлении с двумя формами вины. Гражданин А. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст. 217 УК РФ. Новокузнецкий районный суд Кемеровской области вынес решение об освобождении лица от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности, определив в совокупности неосторожную форму вины в совершенном деянии. Тогда как апелляционная коллегия по уголовным делам отменила принятое решение. «При этом суд сослался на то, что субъективную сторону преступления, предусмотренного частью третьей статьи 217 УК Российской Федерации, образует умышленная вина в нарушении правил безопасности на взрывоопасных объектах, а неосторожная вина относится к его последствиям в виде причинения крупного ущерба и смерти двух или более лиц, а значит, такое деяние признается преступлением с двумя формами вины и, соответственно, совершенным в целом умышленно тяжким преступлением, для которого часть первая статьи 78 УК РФ предусматривает срок давности длительностью десять лет» [7].

Конституционный суд поддержал такое решение Апелляционной инстанции и оставил жалобу гражданина А. без удовлетворения.

Однако вопрос отнесения ст. 217 УК РФ к преступлениям с двойной формой вины представляется спорным. По мнению ряда авторов данное деяние совершается по неосторожности [8, с. 410], а если идет речь об умышленной форме вины, то налицо другой состав преступления, например, диверсия [9, с. 410]. Стоит согласиться, что данное деяние совершается все-таки по неосторожности. Ведь за нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов уголовная ответственность наступает при наличии последствий, а как

указывалось ранее преступления с двумя формами вины содержат как бы два самостоятельных преступления, за каждое из которых предусмотрена уголовная ответственность.

В результате проведенного исследования, необходимо отметить, что наличие неразрешенных вопросов, связанных с ответственностью за преступления, совершенные с двумя формами вины, приводит к неправильному толкованию и многочисленным ошибкам в следственной и судебной практике. При таких обстоятельствах для обеспечения единообразного толкования действующего уголовного законодательства необходимы строгие правила квалификации преступлений, совершенных с двумя формами вины, на основе правильного понимания субъективных и объективных аспектов этих преступлений. Наличие и применение таких правил позволит избежать ошибок в правоприменении, а именно: исключить случаи объективного вменения, осуждения при отсутствии причинной связи между общественно опасным деянием и его общественно опасными последствиями, а также решить другие вопросы общего характера.

Список литературы

1. Судебный департамент при ВС РФ: Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <http://www.cdep.ru/> (28.09.2022)

2. Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений. – М., – 2008. – С. 101.

3. Пудовочкин Ю.Е., Дорогин Д.А. Учение о преступлении и о составе преступления: Учебное пособие. – М.: РГУП. – 2017. – С. 110.

4. Осокин Р.Б., Курсаев А.В. К вопросу об обоснованности выделения преступлений с двумя формами вины в уголовном кодексе РФ и их соотношении с идеальной совокупностью преступлений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 6. – С. 258.

5. Приговор № 1-63/2021 от 28 июля 2021 г. по делу № 1-63/2021 Чесменский районный суд (Челябинская область) [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <https://sudact.ru> (28.09.2022)

6. Обобщение судебной практики по уголовным делам против жизни и здоровья (ст.ст. 105-111 УК РФ) Тверской областной суд [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <http://oblsud.twr.sudrf.ru/> (06.09.2022)

7. *Определение Конституционного Суда РФ от 09.02.2017 N 218-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Функа Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 217 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <https://legalacts.ru/> (06.09.2022)*

8. *Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под общ. ред. Л.М. Прокументова. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – 844 с.*

9. *Чучаев А.И. Уголовное право. Особенная часть. М.: Контракт, НИЦ ИНФРА-М, 2019. – 431 с.*

© М.А. Мержоева, 2022

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ НЕОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ДОКТРИНЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА.

*Миненко Наталья Павловна,
Магистрант 2 курса
заочной формы обучения
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Осадчая Наталья Георгиевна
доцент кафедры, к.ю.н., доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** Данная статья посвящена анализу проблемы выработки дефиниции неоконченного преступления как одного из фундаментальных институтов Общей части уголовного права. На основании изучения и обобщения позиций ученых, высказанных в трудах, посвященных стадиям совершения преступления, автор предпринял попытку выработать свое определение неоконченного преступления.*

***Ключевые слова:** стадии совершения преступления, приготовление, покушение, оконченное преступление, добровольный отказ.*

ON THE QUESTION OF DEFINING THE CONCEPT OF AN UNFINISHED CRIME IN THE DOCTRINE OF CRIMINAL LAW

*Minenko Natalia Pavlovna
Scientific supervisor: Osadchaya Natalia Georgievna*

***Abstract:** This article is devoted to the analysis of the problem of developing the definition of an unfinished crime as one of the fundamental institutions of the General part of criminal law. Based on the study and generalization of the positions of scientists expressed in the works devoted to the stages of the commission of a crime, the author attempted to develop his own definition of an unfinished crime.*

Keywords: stages of the commission of a crime, preparation, attempt, completed crime, voluntary refusal.

Название главы 6 уголовного закона законодатель определил не «Стадии преступления», а «Неоконченное преступление». При этом в ч.2 ст.30 говорится о том, что неоконченным преступлением признаются приготовление к преступлению и покушение на него. Однако в законе определение неоконченного преступления отсутствует, что породило доктринальные споры по формулированию его дефиниции.

Так, о необходимости разработки данного понятия пишет М.П. Редин. По его мнению, «неоконченное преступление – это деятельность лица по реализации преступного намерения, прерванная по не зависящим от воли лица обстоятельствам на стадии подготовки к преступлению либо на стадии совершения преступления» [1, с. 167]. Его позицию оспаривает Г.В. Назаренко. Он характеризует неоконченное преступление как умышленное деяние, не доведенное до конца по не зависящим от лица обстоятельствам либо в силу добровольного отказа от преступления [2, с. 116]. Г.В. Назаренко, пишет, что такое понимание неоконченного преступления более соответствует нормам действующего законодательства, поскольку преступление является неоконченным не только в результате прекращения преступного деяния по обстоятельствам, не зависящим от виновного, но и в силу добровольного отказа во время приготовления либо покушения. М.П. Редин сужает формулу неоконченного преступления, ограничивая понятие неоконченного преступления включением в него указания на прерванность деятельности «...по не зависящим от воли лица обстоятельствам». Мнение о том, что добровольный отказ является видом неоконченного преступления, встречается и у других авторов. Так, А.П. Козлов утверждает, что «Неоконченная преступная деятельность выражается не только в пресеченном поведении, но и в добровольном отказе» – «...глава 6 уголовного закона называется «Неоконченное преступление» и в данную главу входит добровольный отказ (ст. 31 УК), что дает основание отнести последний к неоконченному преступлению» [3, с. 307].

Мы считаем, что прав в этом научном споре М.П. Редин. В соответствии со статьей 31 УК РФ добровольный отказ, как известно, является обстоятельством, исключающим уголовную ответственность за неоконченное преступление. Следовательно, можно сделать вывод, что при наличии в деянии лица добровольного отказа его прежняя деятельность в виде приготовления и покушения на совершение

преступления признаются законодателем непроступными. В отличие от института освобождения от уголовной ответственности за преступление, например, по основаниям, предусмотренным в главе 11 УК РФ, где действия виновного все равно остаются преступлениями, добровольный отказ аннулирует преступность неоконченного деяния. Этот постулат подтверждается и последствиями для виновного, прописанными в УК РФ при применении этих институтов. Так, при освобождении от уголовной ответственности, виновный в совершении деяния, запрещенного уголовным законом, все равно несет неблагоприятные последствия своей деятельности. Например, он возмещает ущерб потерпевшему или платит судебный штраф, то есть несет материальные потери. В случае же добровольного отказа от приготовления или покушения на преступление никаких уголовно-правовых последствий для человека не наступает. В случаях позитивного посткриминального поведения, регулируемого Главой 11 УК РФ, человек освобождается от уголовной ответственности, а в случае добровольного отказа законодатель устанавливает, что он не подлежит уголовной ответственности. То есть приготовление к преступлению и покушение на него в случае добровольного отказа от доведения преступления до конца преступлениями признавать нельзя. Именно поэтому в статье 30 УК РФ подчеркивается, что приготовлением и покушением признается только такая деятельность, направленная на совершение преступления, которая не была доведена до конца по независящим от лица обстоятельствам. При добровольном же отказе налицо волевое решение субъекта, не обусловленное непреодолимыми препятствиями.

В науке уголовного права на протяжении уже довольно длительного времени разрабатывается определение неоконченного преступления. Так развернутую дефиницию этого понятия смоделировал известный ученый в области уголовного права И.С. Тишкевич. Он считает, что: «Под неоконченным преступлением следует понимать такую умышленную общественно опасную деятельность, которая содержит в себе лишь часть признаков состава данного преступления вследствие неполного развития его объективной стороны» [4, с. 27]. Вместе с тем, в этом определении ничего не говорится о субъективной стороне этих преступлений, в результате чего можно сделать вывод, что автор не проводит разграничения в содержании субъективной стороны в оконченном и неоконченном преступлении. Этот вывод подтверждается также ещё и тем, что рассматривая вопрос о разграничении покушения и оконченного преступления, И.С. Тишкевич писал: «От оконченного преступления

покушение отличается неполным выполнением объективной стороны преступного деяния. По объекту же, субъекту и субъективной стороне покушение полностью с ним совпадает» [4, с. 109]. Высказанное этим исследователем мнение созвучно с позицией Т.В. Церетели, которая выразила свою позицию по данному вопросу следующим образом: «В то время как в оконченном преступлении объективная и субъективная стороны деяния находятся в равновесии, при неоконченном преступлении имеется недоразвитие объективной стороны по сравнению с субъективной» [5, с. 323]. Об отграничении оконченного и неоконченного преступления по объективной стороне высказывает свою позицию и А.В. Бриллиантов: «Все элементы состава имеются и в неоконченном преступлении, за исключением того обстоятельства, что объективная сторона состава преступления в неоконченном преступлении выполнена не в полном объеме. Поэтому основное различие между преступлениями неоконченным и оконченным состоит в степени выполнения объективной стороны» [6, с. 59]. Вместе с тем, этот автор в дальнейших рассуждениях указывает, что реализация преступного намерения тоже имеет значение: «...если, желая совершить убийство, виновный причиняет иной вред, например, вред здоровью человека, то не наступление желаемых последствий в виде смерти будет означать отсутствие оконченного состава убийства» [6, с. 59].

Нам представляется, что правильно отмечал В.Д. Иванов: «внутренняя (субъективная) характеристика посягательства при покушении позволяет отграничивать его от оконченного преступления. Если при покушении субъективная сторона остается незавершенной, то при оконченном преступлении ее развитие завершилось. Замысел виновного здесь реализуется полностью, так как он достигает желаемого результата, а при покушении - нет» [7, с. 17].

Мы считаем, что логичнее сформулировать понятие неоконченного преступления следующим образом: «Преступление признается неоконченным, если в деятельности лица по реализации преступного намерения содержатся все признаки состава приготовления к тяжкому или особо тяжкому преступлению либо покушения на преступление, предусмотренное Особой частью настоящего Кодекса» (ч. 1 ст. 29 УК РФ)».

Список литературы

1. *Редин М.П. Преступления по степени их завершенности / М.П. Редин: монография. - М.: изд. «Юрлитинформ». 2006г.*

2. Назаренко Г.В. Русское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. – М, 2000.
3. Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. Спб., 2002.
4. Тишкевич И.С. Приготовление и покушение по советскому уголовному праву (понятие и наказуемость). Москва: Госюриздат, 1958
5. Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963.
6. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / [Блинников В. А. и др.]; под ред. А. В. Бриллиантова. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2021. – 1344 с.
7. Иванов В.Д. Борьба органов внутренних дел с покушениями на преступления: Учеб, пособие. Хабаровск, 1987.

© Н.П. Миненко, 2022.

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

*Мирзоян Геворг Араикович,
магистрант 3 курса
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Цой Бронислав Алексеевич,
к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: в статье исследуются понятие и виды форм уголовного преследования, поскольку в уголовно-процессуальном законе они не нашли законодательного закрепления. Определяется, что теории уголовного процесса не наблюдается единого подхода к данным вопросам. Делается вывод о том, что закрепление в законе форм уголовного преследования будет способствовать разрешению проблемных моментов, возникающих на тех или иных стадиях уголовного процесса, в связи с чем предлагается определение и называются виды форм уголовного преследования.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное преследование, стадии уголовного процесса, формы уголовного преследования, обвинение, подозрение, осуждение.

TO THE QUESTION OF FORMS OF CRIMINAL PROSECUTION

*Mirzoyan Gevorg Arayikovich
Scientific director: Choi Bronislav Alekseevich*

Abstract: the article examines the concept and types of forms of criminal prosecution, since they have not found legislative consolidation in the criminal procedure law. It is determined that the theory of the criminal process does not have a unified approach to these issues. It is concluded that fixing the forms of criminal prosecution in the law will contribute to the resolution of problematic

issues that arise at various stages of the criminal process, in connection with which a definition is proposed and the types of forms of criminal prosecution are called.

Key words: *criminal process, criminal prosecution, stages of the criminal process, forms of criminal prosecution, accusation, suspicion, conviction.*

В науке уголовного процесса вопрос о формах уголовного преследования является одним из дискуссионных. При этом, несмотря на сложность и многообразие действий, составляющих деятельность по уголовному преследованию, к сожалению, в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) вопрос о формах преследования закрепления не получил. По нашему мнению, актуальность данного вопроса обусловлена необходимостью закрепления в законе форм уголовного преследования, что будет способствовать разрешению проблемных моментов, возникающих на тех или иных стадиях уголовного процесса.

В теории уголовного процесса не наблюдается единого подхода к понятию и содержанию форм уголовного преследования. Так, Р.В. Мазюк определил, что «форма уголовного преследования – это правовой режим процессуальной деятельности стороны обвинения, осуществляемый в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления» [1, с. 113]. В свою очередь, К.М. Сушкевич предлагает понимать под формой уголовного преследования «самостоятельную как по содержанию, так и условиям осуществления совокупность правовых норм, позволяющая при последовательной реализации установленных требований осуществить стороной обвинения качественное выполнение всех процессуальных действий по изобличению подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления» [2, с. 343-345]. Представляется более верной вторая точка зрения на исследуемую категорию.

Применительно к формам уголовного преследования, учеными предлагаются различные критерии выделения. Например, еще С.И. Викторский выделил три этапа уголовного преследования (обвинения): «1) возбуждение уголовного преследования; 2) предварительное расследование; 3) изобличение обвиняемого на суде» [3, с. 235-262]. М.С. Строгович, вслед за С.И. Викторским, назвал такие этапы уголовного преследования, как: «1) возбуждение уголовного преследования; 2) уголовное преследование на стадии предварительного следствия; 3) уголовное преследование в суде» [4, с. 73-74]. Данные

ученые при выделении форм уголовного преследования руководствовались таким критерием, как стадии уголовного процесса. Однако, в уголовно-процессуальной науке другими учеными называются и другие критерии выделения форм уголовного преследования. Так, по справедливому мнению, В.В. Сычова, «в стадиях назначения судебного заседания для принятия уголовного дела к производству суда либо кассационного производства для осуществления пересмотра приговора совокупность обвинительных тезисов и доказательств не менее важна, чем для рассмотрения дела в суде первой инстанции. Но и этим не заканчивается регулирующая роль уголовного преследования. В заключительной стадии оно обретает свойство основного инструментария исполнения приговора» [5, с. 168-170].

В этой связи интересна точка зрения О.Д. Жука, по мнению которого «формы уголовного преследования различаются в зависимости не от стадий, в рамках которых оно реализуется, а от степени выраженности, степени конкретности обвинения, по поводу которого уголовное преследование осуществляется» [6, с. 104-109].

Кроме того, О.Д. Жук предлагает выделять формы уголовного преследования «в зависимости от различных оснований:

1) в зависимости от степени проявления уголовного преследования:
а) на подозрение; б) обвинение;

2) в зависимости от формы, в которой осуществляется производство по уголовному делу: а) на уголовное преследование, осуществляемое в общем порядке; б) уголовное преследование при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением; в) уголовное преследование по уголовным делам частного обвинения; г) уголовное преследование по уголовным делам в отношении несовершеннолетних; д) уголовное преследование при производстве о применении принудительных мер медицинского характера; е) уголовное преследование по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц (ст. 447 УПК РФ)» [6, с. 104-109].

А.М. Ларин утверждал, что «уголовное преследование можно осуществить в двух формах - в форме подозрения и в форме обвинения. Кроме того, ученый отмечал, что понятие «уголовное преследование» гораздо шире понятия «обвинение», и предлагал рассматривать последнее как одну из форм реализации первого [7, с. 38-39].

В продолжение позиции А.М. Ларина, П.М. Кан предложил следующие три формы уголовного преследования: «1) уголовное преследование в форме обвинения; 2) уголовное преследование в форме подозрения; 3) уголовное преследование в форме производства по

применению принудительных мер медицинского характера» [8, с. 96-103]. Следует отметить, что последняя форма не соответствует положениям действующего законодательства, ведь согласно ст. 21 УК РФ, «не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости...» [9]. К данному перечню А.Г. Халиулин добавил еще одну форму – «уголовное преследование при протокольной форме досудебной подготовки материалов» [10, с. 33-34].

По нашему мнению, на сегодняшний день существуют такие формы уголовного преследования, как: подозрение, обвинение и осуждение, где на каждой следующей форме уголовное преследование проявляется в большей степени. Кроме того, данные формы выступают как самостоятельные этапы и последовательно сменяют друг друга.

Первоначальной формой уголовного преследования всегда является подозрение. После того, как появляются основания для предъявления лицу обвинения, первая форма сменяется формой обвинения. Последняя же форма – осуждение – наступает только в случае вступления в законную силу обвинительного приговора суда. И здесь следует привести точку зрения Л.В. Головки, который отметил, что «уголовное преследование может, конечно, и не завершиться обвинительным приговором и наказанием, поскольку есть много других возможностей его завершения (прекращение дела, оправдательный приговор и даже обвинительный приговор без назначения наказания), но, что самое важное, обвинительному приговору и наказанию всегда предшествует уголовное преследование. Иными словами, наказание без уголовного преследования невозможно, тогда как уголовное преследование без наказания вполне возможно» [11, с. 336].

Кроме того, подозрению, обвинению и осуждению как формам уголовного преследования присущи характерные признаки уголовного преследования.

Так, подозрение как форма уголовного преследования обладает следующими признаками:

- подозрение представляет собой предположение о наличии преступления и лица, к нему причастного, которое формируется по результатам осуществления процессуальной деятельности [12, с. 93-94]. Подозрение может возникнуть как в стадии возбуждения уголовного дела, так и в стадии предварительного расследования, при этом процессуальные возможности проверки подозрения на данных стадиях различны;
- подозрение формируется и реализуется стороной обвинения.

Согласно УПК РФ, субъектами избобличительной деятельности и в стадии возбуждения уголовного дела, и в стадии предварительного расследования являются следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, орган дознания, прокурор;

– цель подозрения заключается в подтверждении или опровержении факта совершения преступления и установления лица, причастного к его совершению. При этом лишь подтверждение подозрения позволяет уголовному преследованию перейти в следующую форму – обвинение;

– особенность процессуального статуса лица, в отношении которого осуществляется подозрение. Речь идет о подозреваемом лице, фигура которого появляется в уголовном судопроизводстве, когда:

- в отношении лица возбуждено уголовное дело;
- лицо задержано по подозрению в совершении преступления;
- к лицу применена мера пресечения до предъявления обвинения;
- лицо уведомлено о подозрении в совершении преступления [13].

Обвинение как форма уголовного преследования характеризуется следующими признаками:

– обвинение представляет собой установление совокупности вменяемых в вину фактов, содержащих состав одного преступления, квалифицируемого по одной статье УК РФ, или идеальную совокупность составов преступлений, которые квалифицируются по нескольким статьям УК РФ, которое формируется по результатам осуществления процессуальной деятельности. Обвинение возникает в стадии предварительного расследования, поскольку глава 23, регламентирующая порядок предъявления обвинения, расположена в разделе 8, посвященному стадии предварительного расследования;

– обвинение формируется и реализуется стороной обвинения. Согласно УПК РФ, субъектами избобличительной деятельности в стадии предварительного расследования являются следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, орган дознания, прокурор;

– цель обвинения заключается в установлении события преступления, избобличении лица или лиц, виновных в совершении преступления. При этом неустановление указанных фактов влечет прекращение уголовного дела или преследования, а их подтверждение позволяет уголовному преследованию перейти в следующую форму –

осуждение в случае вступления в законную силу обвинительного приговора суда;

– особенность процессуального статуса лица, в отношении которого осуществляется обвинение. Речь идет об обвиняемом лице, фигура которого появляется в уголовном судопроизводстве, когда:

– вынесено постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого;

– вынесен обвинительный акт;

– составлено обвинительное постановление [13].

Осуждение как форма уголовного преследования характеризуется следующими признаками:

– осуждение представляет установление доказанности факта совершения преступления и причастности лица к его совершению;

– осуждение наступает после вынесения судом обвинительного приговора, который вступает в законную силу, и заключается в отбывании осужденным наказания, исполнение которого возлагается на то или иное учреждение или орган;

– цель осуждения заключается в исправлении осужденного, восстановлении социальной справедливости и предупреждении совершения новых преступлений, как осужденным, так и другими лицами;

– особенность процессуального статуса лица, в отношении которого осуществляется осуждение. Речь идет об осужденном лице, фигура которого появляется в уголовном судопроизводстве, когда обвинительный приговор в отношении конкретного лица вступил в законную силу.

Таким образом, формы уголовного преследования – это совокупность правовых норм, регламентирующих деятельность стороны обвинения в виде совершения процессуальных действий по изобличению подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

На сегодняшний день существуют такие формы уголовного преследования, как: подозрение, обвинение и осуждение, где на каждой следующей форме уголовное преследование проявляется в большей степени. Кроме того, данные формы выступают как самостоятельные этапы и последовательно сменяют друг друга.

Список литературы

1. Мазюк, Р.В. *Особые формы уголовного преследования в Российском уголовном судопроизводстве // Вестник ОГУ. – 2008. – № 83. – С. 113.*

2. Сушкевич, К.М. Подозрение, обвинение и осуждение как формы уголовного преследования // В сборнике: право и правоприменение в современной России. материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Новосибирск, 2020. – С. 343-345.
3. Викторский, С.И. Русский уголовный процесс. – М., 1997. С. 235–262.
4. Строгович, М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. – М.: Госюриздат, 1951. С. 73–74.
5. Сычов, В. В. О систематизации форм уголовного преследования в уголовном процессе // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2009. – № 9-1. – С. 168-170.
6. Жук, О.Д. Формы и виды уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 11. – С. 104-109.
7. Ларин, А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. – М.: Юрид. лит., 1986. С. 38–39.
8. Кан, М.П. Процессуальные функции прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: 12.00.09 – уголовный процесс и криминалистика; оперативно-розыскная деятельность: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук /. Ташкент, 1988. С. 96-103.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
10. Халиулин, А.Г. Осуществление функций уголовной прокуратурой России. - Кемерово, 1997. С. 33-34.
11. Головкин, Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в совершенном праве. – СПб., 2002. С. 336.
12. Сопнева, Е.В. Подозрение – вид уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 93-94.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

© Г.А. Мирзоян, 2022.

СООТНОШЕНИЕ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА И ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ

*Нечволода Геннадий Геннадьевич,
студент 4 курса юридического факультета
очной формы обучения
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Рogaва Инга Георгиевна,
старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** В статье описываются различия между двумя следственным действиями: следственный эксперимент и проверка показаний на месте. Так же произведен анализ характерных признаков рассматриваемых следственных действий, таких как цели, задачи, основания проведения и так далее. Выведены рекомендации по совершенствованию статьи 181 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** следственный эксперимент, проверка показаний на месте, следователь, следственные действия, проверка доказательств.*

THE CORRELATION BETWEEN THE INVESTIGATIVE EXPERIMENT AND THE TESTIMONY AT THE SCENE

*Nechvoloda Gennady Gennadievich
Scientific adviser: Rogava Inga Georgievna*

***Abstract:** The article describes the differences between the two investigative actions: investigative experiment and verification of evidence at the site. The analysis of characteristic features of the considered investigative actions, such as the purposes, tasks, grounds for carrying out and so on is also made. Recommendations for improving article 181 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation were deduced.*

Keywords: investigative experiment, verification of indications on the spot, investigator, investigative actions, verification of evidences.

Следственное действие – проверка показаний на месте, было впервые закреплено в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) 2001 года несмотря на то, что на практике оно применялось за долго до этого.

Но даже спустя более десяти лет эксперты не пришли к единому мнению относительно содержания данного следственного действия ни в теории, ни на практике. Наиболее активные дебаты разворачиваются вокруг соотношения таких следственных действий, как следственный эксперимент и проверка показаний на месте. На практике не редко можно встретить, что следователи и дознаватели часто их не различают, что в конечном итоге приводит к тому, что происходит нарушение закона и права тех, кто напрямую участвует в рассматриваемых следственных действиях.

Из анализа процессуального содержания проверки показаний на месте и следственного эксперимента, можно сделать вывод, что данные следственные действия имеют некоторые общие черты:

Их основными целями, закреплёнными в статьях (далее – ст.) 181 и 194 УПК РФ являются «сомнения следователя в достоверности имеющейся информации (или в наличии противоречий между различными доказательствами) или желание сотрудника точно и в полной мере зафиксировать ранее собранные доказательства, обеспечить наглядность собранных доказательств и, что в свою очередь позволяет ограничить возможности отказа обвиняемых от ранее данных показаний или их изменения, укрепляет и объективизирует доказательственную базу по уголовному делу».[1]

Не стоит забывать, что по средствам выполнения данных следственных действий может быть так же получена новая информация или факты по делу, ранее не известные для органов расследования.

Таким образом, процессуальное содержание рассмотренных действий органов расследования представляет собой проверку, исследование и выяснение новых обстоятельств, имеющих значение для дела, проверку различных версий и устранение противоречий в доказательствах путем исследования места происшествия, обстоятельств и обстановки расследуемого преступления и причастных к нему лиц.

Следующим этапов научной работы является выделение различий между следственным экспериментом и проверкой показаний на месте.

1. Следственный эксперимент является самостоятельным следственным действием, предусмотренный ст. 181 УПК РФ, в соответствии с которой «в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, следователь вправе произвести следственный эксперимент путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события». [2] «Экспериментальный метод – это главный отличительный элемент рассматриваемого следственного действия». [3]

«Проверка показаний на месте – это процессуальное следственное действие, предусмотренное ст. 194 УПК РФ и заключающееся в указании ранее допрошенным лицом, правдивость показаний которого проверяется, определенного места, связанного с событием преступления, рассказе о совершенных на этом месте действиях; в исследовании указанного места и сопоставлении данных, сообщенных лицом, с объективной обстановкой на месте, демонстрации отдельных действий, имеющих значение для уголовного дела; исследовании фактической обстановки данного места и сопоставлении с ней полученных сообщений в целях проверки имеющихся и установлении новых фактических данных». [4]

2. Произведенные анализ ст. 181 и 194 УПК РФ позволяет сделать вывод, что основным отличительным признаком данных следственных действий, является их цель. Цель следственного эксперимента – проверка и уточнение информации по уголовному делу. Проверка показаний на месте, в свою очередь, призвана для выявления новых и значимых фактов для уголовного дела. То есть проверка показаний на месте – новая, ранее не известная для следствия информация, а следственный эксперимент – подтверждение (опровержение) фактов, уже ранее установленных в ходе расследования уголовного дела.

3. Повод проведения следственного действия так же является разным. Так повод проведения следственного эксперимента – проверка или установление значимых фактов, полученные только с помощью проведения специальных опытов. Например, воспроизведение определенных действий, обстановки, условий, которые непосредственно связаны с интересующим органы дознания, следствия событием.

Повод проверки показаний на месте – полученные в ходе допроса показания обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, свидетеля.

4. Следователь самостоятельно определяет место проведения следственного эксперимента, учитывая конкретные обстоятельства дела и характер данных или фактов, которые и необходимо проверить или установить.

Местом не должно в обязательном порядке являться то, в котором и было совершенно расследуемое действие, им может быть и иное место, если преобладающие фактические условия необязательны для выяснения природы и характеристик исследуемого события. Следует обратить внимание на то, что необходимые условия могут быть реконструированы в другом месте при условии, что это не нанесет ущерб на достоверность полученных доказательств.

Проверка показаний на месте всегда проводится только на месте фактического или предполагаемого преступления. Место устанавливается из информации полученной в ходе проведения допроса определенного лица, которую необходимо проверить.

5. Для проведения следственного эксперимента необходимы специальные условия, которые были при совершении расследуемого события. Например, определенные погодные условия, особое освещение и т.п. При несоблюдении данных условий эксперимент должен быть признан в качестве недопустимого доказательства.

В свою очередь, проверка показаний на месте проводится в абсолютно любое время, а также при любых погодных условиях, при условии, что они не мешают правильно понимать место нахождения и не создают препятствия для лиц, чьи показания подлежат проверки.

6. Важным моментом является то, что при производстве следственного эксперимента может быть привлечено любое количество участников расследуемого уголовного дела. К участию в следственном эксперименте может быть привлечено любое лицо.

Обязательным условием проведение проверки показаний на месте является присутствие определенных лиц, показания которых и подлежат установлению и изучению. Внимание необходимо обратить на то, что данное лицо не в каких случаях не может быть заменено на другое, поскольку тогда данное следственное мероприятие теряет свой смысл и противоречит цели проведения (проверка показаний обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и т.д.)

7. В следственном эксперименте активную роль играет следователь, поскольку на начальном этапе он в первую очередь воспроизводит условия и обстоятельства исследуемого места, устанавливает очередность и характер проводимых опытов, после чего на этапе расследования инструктирует что, каким образом и в каком направлении производить движения лицу, чьи показания подлежат проверки. При определенных обстоятельствах следователь вправе разделить данное следственное действие на несколько этапов и при необходимости произвести их повтор.

Роль следователь при проведении проверки показаний на месте пассивная.

Активную роль играют лица, чьи показания проверяются. От него требуется восстановить обстоятельства и ход расследуемого дела (полученные при проведении допроса), показать предметы, документы и следы, относящиеся к уголовному делу, и так же воспроизвести установленные действия. В данном следственном действии запрещено кому-либо вмешиваться в процесс его проведения.

Конечно же данные перечень различий следственного эксперимента и проверка показаний на месте не является исчерпывающим, но на наш взгляд приведенные отличия являются основными.

Мы считаем, что проблема понимания сущности следственного эксперимента возникает из-за неточного, закрепленного в УПК РФ определения данного следственного действия. Согласно статье, данное действие производится путем имитации/ воспроизведении определенных действий, ситуаций, а также обстоятельств расследуемого события. Представляется, что понятие «воспроизведение» не дает полного представления о действительном содержании и характере действий следователя при производстве следственного действия. Поэтому следует внести изменения в ст.181 УПК РФ, а именно более детально и конкретно дать определение понятию «воспроизведение», что в итоге поможет разграничить анализируемые в данной научной статье следственные действия.

Итак, произведенный анализ, позволяет прийти к выводу, что проверка показаний на месте и следственный эксперимент являются самостоятельными и независимыми друг от друга следственными действиями, поскольку они преследуют разные цели, имеют не одинаковые основания для проведения и процедуру проверки. Но, к сожалению, данный установленный факт самостоятельности не всегда понятен лицам на практике.

Список литературы

1. Койсин Александр Анатольевич, Курьянова Юлия Юрьевна *Соотношение следственного эксперимента и проверки показаний на месте // Сибирский юридический вестник. 2008. №3. С.88-91.*

2. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. N 52 (ч. I). Ст. 4921.*

3. Огородникова, Е.Г. *Следственный эксперимент:*

криминалистический, психологический и уголовно-процессуальный аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2017. – № 2(41). – С. 90-95.

4. Чельшева О.В. Вопросы теории и практики следственного эксперимента // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Том 19, № 2, С. 177.

© Г.Г. Нечволода, 2022.

ВИРТУАЛЬНАЯ АУТОПСИЯ – ИННОВАЦИЯ В МИРЕ КРИМИНАЛИСТИКИ

Никишина Ольга Александровна,
*студентка 4 курса юридического факультета
очной формы обучения
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Научный руководитель:
Рogaва Инга Георгиевна,
*старший преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: в данной статье рассматривается инновационный метод посмертного исследования тела, его недостатки и преимущества перед отечественной судебно-медицинской экспертной практикой. Значение виртуальной аутопсии как вида доказательства в уголовном процессе.

Ключевые слова: виртуальная аутопсия, криминалистика, уголовный процесс, доказательство, судебная экспертиза, вскрытие, анализ, субъект, исследование.

VIRTUAL AUTOPSY – INNOVATION IN THE WORLD OF CRIMINALISTICS

Nikishina Olga Alexandrovna
Scientific adviser: Rogava Inga Georgievna

Annotation: This article discusses the innovative method of post-mortem examination of the body, its disadvantages and advantages over domestic forensic medical expert practice. The value of virtual autopsy as a type of evidence in criminal proceedings.

Key words: Virtual autopsy, criminalistics, criminal process, evidence, forensic examination, autopsy, analysis, subject, research.

Общество постоянно развивается и меняется, об этом мы можем судить исходя из нашей общей истории. Сначала это были примитивные орудия труда, облегчающие процесс добычи пищи, затем материалы и правила постройки жилья, новые быстрые и комфортные способы передвижения, а сейчас мы летаем и изучаем новые планеты в космосе. То есть, можно заметить, что стремление человека создать нечто новое было всегда, менялись лишь факторы и причины, провоцирующие сделать первый шаг на встречу к своему творению. Но даже спустя множества столетий главная цель у прогресса остаётся та же – это движение от низшего к высшему.

Знаменитый русский мыслитель и писатель Герцен А. И. (1812-1870 гг.) утверждал: «Прогресс – неотъемлемое свойство сознательного развития, которое не прерывалось, это деятельная память и усовершенствование людей общественной жизнью».

Однако наряду с научно-техническим прогрессом, формированием нравственности, морали и культуры общества, развивалась и преступность. Всё имеет две стороны, следовательно, когда один человек планирует совершение преступления, другой размышляет над тем, как его раскрыть и расследовать. Именно поэтому прогрессирует и дополняется знаниями, одна из самых важных юридических наук прикладного характера – криминалистика, которая изучает особенности деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений и разрабатывающая на этой основе, и данных иных наук, средства и методы раскрытия, расследования, предупреждения преступления.

Для того, чтобы воссоздать «реальную картину» происшествия необходимо собрать и проанализировать все следы, материалы, условия и особенности преступного деяния. Всё это включает в себя криминалистическая экспертиза. Являясь самой динамичной частью криминалистической техники, она постоянно совершенствует свои средства и методы исследования, задействует новых высококвалифицированных специалистов и использует новейшие достижения научно-технического процесса. Криминалистическая и судебная экспертиза неразрывно связаны, так как теоретические знания судебной экспертизы берут своё начало как ни странно из криминалистики. И наоборот знания, полученные в ходе судебной экспертизы, дополняют и обогащают криминалистику. Действительно, полученный симбиоз представляет собой мощный блок доказательственной базы, который может быть использован в уголовном, гражданском и административном судопроизводстве.

Часто в ходе расследования преступлений для правильной квалификации следователям необходимо знать причину и время смерти потерпевшего, для этого назначают судебно-медицинскую экспертизу трупа. Судебный медицинский эксперт (в большинстве случаев это патологоанатом) в ходе вскрытия в обязательном порядке фиксирует свои действия, наблюдения, найденные новые доказательства в официальных документах. Однако если в теории вся процедура понятна и действия медицинского работника выглядят вполне логично, то на практике всё не так однозначно. Родственники погибшей потерпевшей или жертвы преступника выступают категорически против проведения экспертизы, не смотря на понимание всей значимости данной процедуры и полученной в ходе неё информации. Многих людей одолевают переживания по поводу того, как обращаются с телом их близкого человека и страх, в каком состоянии вернут тело. Ведь не каждый человек знает, что манипуляции, которые осуществляет патологоанатом и санитары, строго регламентированы целым сводом нормативов и указаний, которые формирует Министерство и местные органы здравоохранения. Они учитывают не только техническую сторону вопроса, но и этику – бережное отношение к мертвым и максимальной вежливости при беседах с родственниками. За неуважительное отношение к телам умерших можно попасть под административную, а в некоторых случаях и под уголовную ответственность.

Традиционные методы вскрытия используют на практике уже многие столетия, инвазивная аутопсия до настоящего времени остаётся единственным способом научного контроля за правильностью постановки диагноза и установления причины смерти, а также является «золотым стандартом» посмертной диагностики. Вместе с тем, с каждым годом благодаря нашим талантливым учёным и профессорам появляется всё больше высокотехнологичных методов исследования, используемых в экспертизе вещественных доказательств. Однако, самым значимым достижением в этой области является виртуальная аутопсия.

Виртуальная аутопсия – (от «auto»-цифровой ... и греч. «opsis» – видение) это виртуальная альтернатива традиционному вскрытию, проводимому с использованием технологий сканирования и визуализации.

Термин «виртуальный» в данном контексте, очевидно, имеет в виду как современный, так и весьма оригинальный смысл. Латинское корневое слово *Virtual* «*virtus*» (добродетель) подразумевает способности, эффективность, действенность и объективность.

Поскольку проверки обычно проводятся в рамках юридических и

служебных ограничений следственных органов, таких как суды, прокуроры, окружные прокуроры или полиции, существуют ограничения в отношении затрат, времени, объективности и спецификации задачи в зависимости от местного законодательства.

Наиболее важным шагом является надлежащее документирование результатов. Виртуопсия использует методы визуализации, которые также используются в клинической медицине, такие как компьютерная томография (КТ), магнитно-резонансная томография (МРТ). Кроме того, 3D-сканирование поверхности, обычно используемое в автомобильной промышленности, используется для интеграции документации по поверхности тела с 3D-сценой или сканированием инструментов. Выбор методов дополнительно дополняется системами биопсии под контролем трехмерной визуализации и посмертной ангиографией.

СТ хорошо подходит для выявления инородных предметов, распределения костей и воздуха или газа по всему телу, тогда как последовательности МРТ сильны, с подробным описанием органов и мягких тканей. Для всестороннего анализа результатов поверхностных и глубоких тканей может потребоваться объединение данных КТ, МРТ и трехмерных данных поверхности.

Полученные данные можно архивировать и воспроизводить без потерь, анализировать в другом месте или передавать специалистам для технически сложного анализа.

Вскрытие по-прежнему дает разные и дополнительные результаты по сравнению с результатами Виртуальной аутопсии, поэтому в настоящее время она не является общепринятым методом для полной замены вскрытия. Фактически, первое научное исследование, детализирующее результаты сравнения посмертной компьютерной томографии с традиционными вскрытиями, было проведено группой из Израиля и было опубликовано в 1994 году. Их вывод уже заключался в том, что отдельные методы не так полезны для получения максимального количества результатов, как Возможна комбинация сканирования и вскрытия.

Проект Virtopsy начался как исследовательский проект, начатый в конце двадцатого века профессором Ричардом Дирнхофером, и теперь охватывает как прикладные методы, так и исследования. Virtopsy содержит прикладные исследования различных методов высокотехнологичной визуализации с целью внедрения их в практику судебной патологии.

Виртуальная аутопсия также проводится у живых или выживших субъектов, но поскольку это было основным клиническим применением КТ и МРТ с самого начала, их использование в судебно-медицинском

исследовании живых не является таким новаторским, как их использование для расследования смерти.

Технология, используемая в настоящее время для проведения «виртуального вскрытия», включает :

1. Сканирование поверхности под управлением робота для трехмерной документации поверхности тела в масштабе и в цвете. Это дополняет внешнее патологоанатомическое обследование тела, которое проводится при обычном вскрытии;

2. Многосрезовая спиральная компьютерная томография и МРТ для визуализации тела в 3D. Это дополняет внутреннее патологоанатомическое обследование тела при вскрытии;

3. Посмертная ангиография, при которой визуализируется сердечно-сосудистая система умершего с помощью перистальтического насоса и контрастного вещества;

4. Отбор проб без контаминации с помощью изображений и роботов для широкого диапазона дополнительные судебно-медицинские анализы, такие как гистология, бактериология, вирусология, токсикология и диатомология. Эта процедура заменяет обычный сбор и хранение образцов материала тела.

Таким образом можно выделять ряд преимуществ данного метода аутопсии:

Сохранение тела в виртуальной форме.

1. Независимая от наблюдателя документация свидетельства – "делегирующее видение к машине".

2. Полный неразрушающий сбор данных с головы до ног

3. Сбор данных в частях тела, которые в противном случае не были бы исследованы из уважения к умершему (например, лицо).

4. Сбор данных в областях, которые трудно вскрыть и получить доступ (например, атлanto-затылочные суставы), а также в случаях глубокого разложения.

5. Визуализация сердечно-сосудистой системы.

6. Замена ловкости рук "виртуальным ножом" метода автоматического сечения изображений.

7. Стандартизированная процедура сбора данных.

8. Высокоточный отбор проб без загрязнения (яды, инфекции, ткани и т.д.) с точностью до миллиметра.

9. Реалистичная трехмерная документация для точных судебно-медицинских реконструкций.

10. Чистая, бескровная визуализация документации.

11. Повышение качества отчетов судебно-медицинской экспертизы – одновременная экспертиза различными экспертами с помощью телеэкспертизы.

12. Упрощение оценки доказательств за счет улучшения визуального восприятия Результаты 3D.

13. Признание родственниками и религиозными общинами обычных вскрытий.

14. Полный набор сохраненных данных может быть повторно исследован в любое время, если потребуются второе заключение эксперта, даже после захоронения или кремация тела.

15. Быстрый и полный сбор данных в рамках анализа последствий катастроф (террористические атаки, авиакатастрофы и т. д.).

Следовательно, можно сформулировать мысль о том, что использование виртуальной аутопсии на практике врачами при производстве судебно-медицинской экспертизы, намного эффективнее привычного вскрытия.

Во-первых, она позволит фиксировать все этапы исследования без вмешательства человека.

Во-вторых, нам не нужно будет вскрывать тело, извлекать и изучать органы, а затем аккуратно возвращать их обратно в тело.

В-третьих, родственники умершего могут больше не переживать о том, как обращаются с телом покойного и гадать каким образом его вернут.

В-четвертых, результаты исследования можно будет в любой момент найти и распечатать, так как процедура хранения на электронном носителе значительно проще, чем в бумажной документации. То есть, не смотря на имеющиеся недостатки в виде высокой стоимости оборудования или же ограничений для самой техники, виртуальная аутопсия представляется очень эффективным методом мире криминалистики, который нужно и дальше активно изучать, совершенствовать и применять в ходе расследований.

Список литературы

1. <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-mertvyh-vskrytie-i-sluzhebnoe-zloupotreblenie-trupami-v-multikulturnyh-obschestvah> (дата обращения: 16.10.2022)

2. <https://euro-sudexpert.ru/sudebno-meditsinskaya-ekspertiza-trupa/>(дата обращения: 16.10.2022)

3. <https://mindreligion.ru/zapreshhala-li-tserkov-vskrytie-tel/>(дата

обращения: 10.10.2022)

4. <https://ru.wikibrief.org/wiki/Virtopsy> (дата обращения: 12.10.2022)

5. <https://jrgazeta.ru/kriminalisticheskaya-tomografiya-budushheepataloanatomii/> (дата обращения: 20.10.2022)

© О.А. Никишина, 2022.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Плохотнюк Анастасия Николаевна,

Магистрант 2 курса

заочной формы обучения

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Осадчая Наталья Георгиевна

доцент кафедры, к.ю.н., доцент кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

***Аннотация:** В статье анализируется понятие коррупции, автор на основе анализа доктринальных позиций определения коррупции предлагает свое определение коррупционного преступления, проводит классификацию коррупционных преступных деяний. Также в статье автором предложена система направлений совершенствования уголовно-правовых средств противодействия коррупционным преступлениям.*

***Ключевые слова:** коррупция, коррупционное преступление, злоупотребление служебным положением, взятка, конфискация.*

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF A CORRUPTION CRIME AND CRIMINAL LEGAL MEANS OF COUNTERING CORRUPTION

Plokhotnyuk Anastasia Nikolaevna

Scientific supervisor: Osadchaya Natalia Georgievna

***Abstract:** The article analyzes the concept of corruption, the author, based on the analysis of the doctrinal positions of the definition of corruption, offers his definition of a corruption crime, classifies corruption criminal acts. Also in the article, the author proposes a system of directions for improving criminal legal means of countering corruption crimes.*

Keywords: corruption, corruption crime, abuse of official position, bribe, confiscation.

Коррупция в современном обществе приобрела угрожающий размах, подрывая устои власти, моральные устои общества, препятствует осуществлению правосудия и росту благополучия граждан. Коррупция явление многоплановое и в международных документах, и в научных источниках рассматривается как в уголовно-правовом аспекте, так и общесоциальном масштабе. Исходя из темы нашего исследования, нас в основном интересует именно определение коррупционного преступления.

Понятие коррупции в криминологическом и уголовно-правовом значении разработал Л.Д. Гаухман. Коррупцию в криминологическом смысле он характеризовал как антисоциальное, общественно опасное, угрожающее экономической и политической безопасности Российской Федерации явление, пронизывающее все ветви власти, представляющее собой совокупность преступлений, совершаемых должностными лицами в целях личного обогащения за счет государства, коммерческих организаций и отдельных граждан. Достигается эта цель путем использования должностных полномочий для получения общественных благ в ущерб государству. Объективно такая деятельность приводит к сращиванию государственной власти с организованной преступностью. «В уголовно-правовом значении коррупция представляет собой совокупность запрещенных уголовным законом общественно опасных деяний, субъектом которых являются должностные лица и которые совершаются посредством использования должностных полномочий из корыстной заинтересованности в целях личного обогащения» [1, с.28]. Именно эти деяния необходимо считать коррупционными преступлениями, которые представляют собой наиболее опасное проявление коррупции.

Термин «коррупционные преступления» используется в Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, принятой в Страсбурге 04.11.1998 года. В соответствии с ней к коррупционным преступлениям относятся «активный и пассивный подкуп должностных лиц, злоупотребление должностными лицами влиянием в корыстных целях, сокрытие бухгалтерских операций или искажения при их выполнении» [2, с.15] и др.

Представляется, что именно через описание прежде всего коррупционных преступлений дает определение коррупции Федеральный закон Российской Федерации от 25.12.2008 г. «О противодействии коррупции»: «коррупция: а) злоупотребление служебным положением,

дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего служебного положения вопреки законным интересам общества или государства в целях получения выгоды в виде денег, ценных бумаг, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами: б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» от имени и в интересах юридического лица» [3]. Таким образом, коррупция в широком смысле – это негативное социальное явление, поразившее управленческие структуры, органы власти и состоящее в использовании управленцами должностных и коммерческих организаций, включая международные, преимуществ своего служебного положения в целях личного обогащения. В узком смысле коррупция – это совокупность правонарушений, запрещенных законодательством и отличающихся таким признаком, как использование должностными лицами, служащими коммерческих и иных организаций своего статуса для незаконного получения благ либо предоставления им таких благ. Ядром коррупционных правонарушений, самой общественно опасной их частью являются коррупционные преступления.

Повышенная общественная опасность коррупционных деяний продиктована не только и даже не в основном тем, что, совершая их, должностное лицо или служащий руководствуется своими, часто корыстными интересами, а не интересами службы; она заключается в возможности третьим организациям и лицам произвольно, в зависимости только от назначенной цены и своих интересов, формировать поведение указанного субъекта. В результате подобных действий происходит узурпация, захват государства частными структурами [4].

Коррупция – это использование государственными, муниципальными или иными публичными служащими (в том числе депутатами и судьями) либо служащими коммерческих или иных организаций (в том числе международных) своего статуса для незаконного получения каких-либо благ (имущества, прав на него, услуг или льгот, в том числе неимущественного характера) либо предоставление последним таких благ [2, С.16].

Говоря о преступлениях коррупционной направленности, можно выделить следующую их классификацию.

1. Собственно коррупционные преступления, признанные таковыми Российским законодательством: злоупотребление должностными

полномочиями (ст.285 УК РФ), взяточничество (ст.290-291.2), злоупотребление полномочиями (ст.201 УК РФ), коммерческий подкуп (ст.204 УК РФ)

2. Общеуголовные преступления, которые будучи совершены должностными лицами или управляющими компаний в целях извлечения выгоды с использованием своих служебных полномочий, приобретают характер коррупционных преступлений. Но при совершении их другими лицами, они коррупционными не являются (мошенничество с использованием служебного положения, экономические преступления)

3. Преступления, которые можно назвать обобщающим термином «служебные» из-за особенностей их субъектов, могут быть коррупционными, но могут и не носить такого характера (например, служебный подлог (ст. 292), незаконная выдача паспорта (ст.292.1).

4. Преступления, сопутствующие коррупционным. Они могут также тем или иным образом быть связанными с подкупом, зачастую квалифицируются по совокупности с коррупционными деяниями, но могут и не иметь коррупционной направленности, но нарушать конституционные права человека и гражданина: воспрепятствование осуществлению избирательных прав путем подкупа (ст.141 п.а ч.2), незаконное получение сведений, содержащих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст.183 УК РФ), подкуп к даче показаний (ч.1 ст.309 УК РФ).

Говоря о совершенствовании уголовно-правовых средств противодействия коррупции, необходимо в первую очередь ориентироваться на повышение их качества. К таким средствам, по нашему мнению, необходимо отнести:

1. Дальнейшую криминализацию наиболее общественно опасных коррупционных преступлений;

2. Расширение градации ответственности за коррупционные преступления, установленной в квалифицирующих признаках таких преступлений в зависимости от степени их общественной опасности

3. Усиление мер репрессивного характера за совершение коррупционных преступлений.

Ужесточение ответственности за совершение преступлений коррупционной направленности должно идти прежде всего за счет введения конфискации имущества как вида наказания за эти деяния. О необходимости такой меры систематически пишут многие исследователи коррупционных преступлений, прежде всего взяточничества [5]. Однако, не смотря на вполне убедительные обоснованные выводы ученых об эффективности этой меры в отношении взяточников и иных

коррупционеров, законодатель пока не реагирует на предложения, вносимые учеными и практиками. О причинах игнорирования законодателем многочисленных исследований о необходимости введения наказания в виде конфискации имущества коррупционеров в Уголовный кодекс также много говорится в юридической литературе, поэтому мы не будем на них останавливаться, но мы считаем необходимым и дальше продвигать эту идею. Надеемся, что количество внесенных предложений ученых, практиков, других исследователей мер борьбы с коррупцией, основанных на глубоком и всестороннем исследовании этих проблем, подвигнет рано или поздно законодателей к принятию правильного решения.

Список литературы

1. Гаухман Л. *Коррупция и коррупционное преступление // Законность. 2000г. №6. С. 28.*
2. Букалерева Л.А. *Коррупционные преступления и коррупционная преступность: учеб. пособие М.: РУДН, 2013. – С.15.*
3. ФЗ «О противодействии коррупции» от 25.13.2008г. СПС Консультант Плюс. (дата обращения 25.09. 2022 г.)
4. *Вместо борьбы – «противодействие» из окопов. Больше трети мировой коррупции сосредоточено в России // crime.vl.ru. 2009. апр (дата обращения 27.09. 2022 г.)*
5. Магомедов А.А., Наумов Ю.Г. *Коррупция и организованная преступность // Бизнес в законе. №4 2008 с.15-22*

© А.Н. Плохотнюк, 2022.

О НЕКОТОРЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ БОРЬБЫ С ПЕДОФИЛИЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Попова Анастасия Викторовна,
студентка 4 курса юридического факультета
очной формы обучения
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия*

*Научный руководитель:
Осадчая Наталья Георгиевна,
доцент кафедры, к.ю.н., доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия*

***Аннотация:** В данной статье поднимается одна из обсуждаемых на сегодняшний день проблем – это проблема ужесточения наказания за совершения сексуального насилия в отношении несовершеннолетних. В статье даётся разъяснение понятию «педофилия». В ней приводятся различные мнения влиятельных людей по поводу ужесточения мер, принимаемых к педофилам. Также в статье представлены несколько примеров из практики и статистика, которые наглядно демонстрируют всю важность проведения мер по ужесточению действующего законодательства в отношении педофилов. Приведены примеры стран, в которых действуют иные виды наказаний за совершение данного рода преступлений. В связи с этим в данной статье изложены некоторые предложения по совершенствованию действующего законодательства.*

***Ключевые слова:** Педофилия, сексуальное насилие, педофил, дети, химическая кастрация, хирургическая кастрация законодательство, ужесточение мер.*

ABOUT SOME CRIMINAL-LEGAL PROBLEMS OF THE FIGHT AGAINST PEDOPHILIA IN THE RUSSIAN FEDERATION

*Popova Anastasia Viktorovna,
Scientific adviser: Osadchaya Natalia Georgievna.*

Abstract: *This article raises one of the problems discussed today – the problem of tougher penalties for committing sexual violence against minors. The article explains the concept of "pedophilia". It contains various opinions of influential people about the tightening of measures taken against pedophiles. The article also presents several examples from practice and statistics that clearly demonstrate the importance of taking measures to tighten the current legislation against pedophiles. Examples of countries in which other types of punishments for the commission of this kind of crimes are in force are given. In this regard, this article contains some suggestions for improving the current legislation.*

Keywords: *Pedophilia, sexual violence, pedophile, children, chemical castration, surgical castration legislation, tightening of measures.*

Уголовное право в своём развитии не стоит на месте. И теоретики, и практики предлагают свои идеи по совершенствованию действующего уголовного законодательства. В уголовном праве за совершения различного рода преступлений предусмотрены 13 видов наказаний, которые перечислены в ст.44 Уголовного кодекса Российской Федерации [1]. Данный перечень наказаний является исчерпывающим. Одни из самых суровых видов наказаний, существующие и действующие на сегодняшний день в России, назначаются за половые преступления, совершённые в отношении несовершеннолетних.

Современное отношение к педофилам сложилось в конце XX в. в Западной Европе и США. Именно с этого момента люди стали понимать, что такое поведение отдельных граждан в отношении несовершеннолетних не является нормальным. В медицинской науке имеется следующее понятие педофилии: «Педофилия – это повторяющееся сексуальное побуждение фантазии и стремление к реализации половой активности в отношении детей до пубертатного возраста, т.е. до 12 лет [2, С. 69-78.]».

По данным международной организации ЮНИСЕФ, каждая 9 девочка и девушка в возрасте до 20 лет хотя бы раз подвергались сексуальному насилию в 90% случаев со стороны людей, которых они лично знали.

Некоммерческая организация Darkness to Light, созданная с целью предотвращения сексуального насилия против детей, провела свои исследования и пришла к следующим выводам:

– Больше 70% всех изнасилований приходится на детей в возрасте до 17 лет;

– В мире каждая 7 девочка и каждый 25 мальчик сталкивались с сексуальным насилием до 18 лет;

– Чем меньше возраст ребёнка, тем выше вероятность того, что он подвергнется сексуальному насилию со стороны родственника – дети в возрасте до 6 лет подвергаются сексуальному насилию от членов своей семьи в 50% случаев;

– В 60% случаев дети подвергаются сексуальному насилию со стороны людей, которым семья доверяет.

В России по данным МВД за период с 2014 по 2019 год количество случаев сексуального насилия над детьми выросло на 42% [3]. За январь-июнь 2021 года подверглись изнасилованию 6 570 детей. Это на 12% больше чем в 2020 году, когда от рук педофилов пострадало 5861 ребёнок. Приведём несколько примеров [4].

В Алтайском крае 50-летний мужчина предстанет перед судом за неоднократное сексуальное насилие над своей дочерью, отец шесть лет издевался над ребенком. По данным следствия, в 2011 году мужчина, оставшись с 9-летней дочерью наедине дома, впервые изнасиловал ее. Спустя несколько месяцев изверг убедился, что девочка напугана и никому ни о чем не расскажет. Мужчина повторил насилие и продолжал издевательства вплоть до 2017 года, попутно избивая девочку, если она оказывала сопротивление.

В Омске местный житель совершил насильственные действия сексуального характера в отношении своей несовершеннолетней дочери. Накануне, 19 сентября 2022 года, в полицию обратилась 48-летняя жительница Омска. Она сообщила, что днем ранее ее 11-летняя дочь изнасиловал собственный 41-летний отец.

В Москве 32-летний мужчина несколько часов удерживал в гостинице 12-летнюю школьницу и насиловал ее. Со своей жертвой мужчина, работник автомойки, познакомился в социальных сетях еще в начале лета, и все это время втирался к ней в доверие. Воспользовавшись ее доверчивостью, педофил предложил школьнице встретиться. Они гуляли в парке, потом сели на лавочку и мужчина начал приставать к несовершеннолетней. После этого у них состоялась вторая встреча – извращенец привел свою жертву в гостиницу, где снимал номер. Дверь номера педофил запер, после чего несколько часов насиловал школьницу. После издевательства он отпустил ее и дал пару тысяч рублей за молчание [5].

В последнее время была намечена тенденция на ужесточение наказания для лиц, совершивших сексуальное насилие в отношении детей.

В 2022 году в Государственную Думу РФ внесут исправленный закон о химической кастрации педофилов. Данный закон предусматривает пожизненное наказание за повторные преступления, а также увеличение максимального возраста для признания потерпевшими. До внесения поправок в законопроект в 2022 году химическая кастрация для педофилов предусматривалась добровольной мерой, что, на наш взгляд, является весьма не действующей мерой воздействия на преступника. После внесения в него поправок кастрация в отношении педофилов может стать принудительной. Принудительная химическая, т.е. не хирургическая, а медикаментозная кастрация педофилов сможет понизить у мужчин сексуальное влечение к детям. Автором законопроекта стал зампред комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции Анатолий Выборный.

Данные меры по ужесточению наказания в отношении педофилов адвокат Мария Ярмуш считает правильными. Она высказалась следующим образом по этому поводу: «Такие люди не меняются: их стремление к тому, чтобы опять совершить преступные действия против детей, выше их. Я считаю, что необходимо уже государству принять закон о химической кастрации, ввести охранные ордера и постоянное наблюдение за такими людьми. Это просто необходимо!»

Ранее соответствующую инициативу озвучила уполномоченный по правам ребёнка Анна Кузнецова. «Мы настойчиво из года в год бьёмся за ужесточение наказания за преступления против половой неприкосновенности детей. С 2018 года в Государственной думе на рассмотрении находится законопроект, он предусматривает пожизненное наказание для педофилов и другие меры, которые должны повысить защищённость детей. Мы участвовали в разработке документа, получили поддержку многих ведомств. Какие ещё аргументы нужно привести?»

Эксперты согласны с этой идеей. «Я за пожизненное заключение педофилов, а также перевод преступлений, связанных с распространением интимных изображений детей, из категории средних в категорию тяжких», – высказывается депутат Оксана Пушкина [6].

В ряде других стран не только сами наказания за педофилию весьма жестокие, но и после освобождения за педофилами устанавливается плотный контроль. Так, например, в США в некоторых штатах узаконена принудительная кастрация педофилов. Их не только ставят на учёт по месту жительства, но и размещают о них информацию в открытых источниках информации. Также часто возле дома, где проживает педофил, устанавливается знак. Им запрещено селиться вблизи школ, детских садов,

остановок школьных автобусов или площадок. В Бельгии, Дании и Франции также в отношении педофилов существует принудительная химическая кастрация по решению суда. В Польше существует химическая кастрация для педофилов, и наказание для них достигает 20 лет лишения свободы. В Иране, Китае, Ираке, Пакистане, Саудовской Аравии, странах Африки и Латинской Америки, Южной Корее и на Кубе педофилов казнят. В Йемене педофилов казнят публично, например, расстреливают, при этом, транслируя данное мероприятие по телевидению [7].

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что наше уголовное законодательство стало развиваться в сторону ужесточения наказания для лиц, совершивших преступления в отношении детей. Обращаясь к статистике, мы, к сожалению, можем заметить ужасающую тенденцию, которая показывает нам рост преступности в отношении детей по данным категориям уголовных дел. Но большинство мер, принимаемых законодателем, направлены на тех лиц, которые повторно совершили преступления сексуального характера в отношении детей, поэтому, мы считаем, что педофилам, даже совершившим преступление впервые, необходимо назначать пожизненное лишение свободы, тем самым, изолируя их от общества навсегда, поскольку данная категория граждан является очень опасной как для психологического, так и для физического состояния детей. Что касается проведения принудительных мер химической или хирургической кастрации для педофилов, мы считаем, данную меру воздействия нецелесообразной и недействующей, поскольку у педофилов уже в головном мозге заложены с рождения определённые мыслительные процессы, от которых проведение данных процедур никак не поможет избавиться, и не сможет оказать влияние на изменение их сознания и поведения в отношении детей.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954*
2. Кузнецов В.И. Уголовно-правовая борьба с педофилией // *Вопросы уголовного права. сибирский юридический вестник № 3 (50). 2010. С. 69-78.*
3. *Насилие над детьми в России и мире: статистика и законы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://n-e-n.ru/statandlaws/> (дата обращения: 01.10.2022).*
4. *Совбез РФ: В 2021 году отмечен рост половых преступлений против детей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://rg->*

ru.turbopages.org/rg.ru/s/2021/11/29/sovbez-rf-v-2021-godu-otmechen-rost-polovyh-prestuplenij-protiv-detej.html (дата обращения: 01.10.2022).

5. *Новостной портал // Readooka [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://readovka.news/tag/педофил> (дата обращения: 01.10.2022).*

6. *«Такие люди не меняются». Зачем России закон о кастрации педофилов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://360tv.ru/tekst/obschestvo/takie-ljudi-ne-menjajutsja/> (дата обращения: 01.10.2022).*

7. *От кастрации до сожжения заживо. Как в разных странах наказывают педофилов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://360tv.ru/tekst/obschestvo/kak-nakazyvajut-pedofilov/> (дата обращения: 01.10.2022).*

© А.В. Попова, 2022.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

*Потапова Диана Андреевна,
магистрант 3 курса
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Фоменко Ирина Владимировна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** В статье исследуются коррупционные преступления как проблемная сфера уголовного судопроизводства, даётся правовая оценка коррупции, как антисоциальному явлению. Автор выявляет проблемы предупреждения и квалификации преступлений коррупционной направленности.*

***Ключевые слова:** коррупция, коррупционные преступления, уголовное судопроизводство, противодействие коррупции.*

CORRUPTION-RELATED CRIMES: MODERN PROBLEMS

*Potapova Diana Andreevna
Scientific adviser: Fomenko Irina Vladimirovna*

***Abstract:** The article examines corruption crimes as a problematic area of criminal proceedings, gives a legal assessment of corruption as an antisocial phenomenon. The author identifies the problems of prevention and qualification of corruption-related crimes.*

***Keywords:** corruption, corruption crimes, criminal proceedings, anti-corruption.*

Коррупция, во всем многообразии её проявлений в настоящее время существует во многих современных государствах, и Россия не стала исключением. Начиная с древнейших времён человечество пытается

понять саму сущность коррупции как комплексного общественного явления. Исследуя её с различных точек зрения, учёные пытаются понять, что порождает коррупцию, что является базовыми причинами её возникновения, каков вектор её развития в долгосрочной перспективе; какие способы её если не абсолютного искоренения, то минимизации негативного влияния на развитие экономики, социальной сферы, нравственности, общества в целом – являются рациональными и эффективными.

На данный момент общепризнанным является тот факт, что коррупция многолика, и единого, комплексного, исчерпывающего её определения пока не существует. Вследствие этого, анализ и изучение данной категории продолжаются в настоящее время, хотя самые первые попытки исследования сущности данного явления можно проследить ещё во времена античности.

Определение «преступления коррупционной направленности» не предусматривает УК РФ, а также не выделяет его как отдельный вид. И на сегодняшний день коррупционные преступления изучаются с большим интересом разными авторами, но стоит сказать, что возникает вопрос о том, насколько похожие по значению деяния включают в себя коррупционные преступления и какие их виды существуют.

Рассмотрим для начала определение «коррупционные преступления», которое использует Ю.П. Гармаев, под которыми он понимает «предусмотренное законом общественно опасное незаконное использование лицом своего публичного статуса или незаконное предоставление выгоды лицу, обладающему публичным статусом, совершаемое с прямым умыслом и целью получения выгоды для себя или своих близких». [1, с. 78]

На сегодняшний день существует много противоречий по поводу определения понятия «коррупция», за последние годы национальное законодательство претерпело множество изменений по поводу принятия антикоррупционного пакета законов.

С юридической точки зрения коррупция – это антисоциальное явление, характеризующееся подкупом - продажностью государственных и иных служащих. При этом, государственные и иные служащие используют свои официальные служебные полномочия, связанных с ними авторитет и возможности, в корыстных целях (личных, узкогрупповых, корпоративных). Коррупция, в первую очередь, означает злоупотребление должностным лицом в личных целях своими полномочиями - властью, правами и обязанностями. [2]

Итак, рассмотрев некоторые определения понятия коррупции, нужно отметить, что они очень схожи, но определение коррупционного преступления не тождественно коррупции, они лишь имеют фонетическое основание, но раскрываются по-разному. Также необходимо отметить, что коррупционное преступление рассматривается благодаря основным признакам коррупции.

К причинам совершения коррупционных преступлений относят:

1. Несовершенство политических институтов – отсутствуют механизмы сдерживания в отдельных политических группах.

2. Наличие законодательных противоречий. В отдельных случаях противоречия создаются коррумпированным законодателем намеренно, с целью создать условия для казнокрадства.

3. Наличие сложных и запутанных законодательных норм. В отдельных случаях противоречия создаются коррумпированным законодателем намеренно, с целью исключить общественный контроль.

4. Наличие признаков узурпации власти приводит к дестабилизации политической ситуации, к уничтожению механизмов взаимодействия институтов власти и общества.

Таким образом, мы подошли к основной современной проблеме связанной с коррупционными преступлениями. К таковой относится явление, которое на данный момент является популярным – это вымогательство взятки в виде денег.

На данный момент это один из самых популярных видов, который отнесён к деяниям против государственной власти, то есть он не связан с завладением естественных прав человека, а вмешивается именно в интересы государственной власти.

Если рассматривать взяточничество, как явление, то человек, который просит взятку обычно называет точную сумму взятки. А если взяткополучатель начинает требовать деньги, используя при этом угрозы, то такая просьба становится вымогательством. Но бывают такие ситуации, когда потерпевший не знает о какой сумме идёт речь.

Так, вымогательство взятки делится на две формы:

– Открытая форма – вымогатель непосредственно требует от человека взятку и угрожает ему совершить против него противоправные действия;

– Завуалированная форма – вымогатель прямо не требует взятку и не угрожает в отношении потерпевшего. Однако при этом должностное лицо создаёт для человека такие условия, при которых тот вынужден заплатить ему.

Каждый из элементов системы противодействия коррупции имеет определённое значение в развитии того или иного направления работы, но высокий уровень эффективности может быть достигнут только через взаимодействие всех элементов. При этом опыт отдельных стран (например, Китая) показывает, что простого ужесточения наказания для искоренения коррупции явно недостаточно.

В части, касающейся данной проблемы, необходима разработка специализированной современной и актуальной рабочей программы в целях проведения обучающих и профилактических мероприятий, направленных на противодействие коррупции. Далее, не менее важным является доступная антикоррупционная агитация через СМИ, публичные выступления, наглядные пособия. Также необходимо совершенствовать и дополнять систему информирования в средствах массовой информации.

Таким образом, ещё раз подтверждается тезис о том, что необходимо более подробное рассмотрение существующих проблем в сфере предотвращения и противодействия коррупции. Поскольку коррупция - это первопричина всех разрушений в государстве, поскольку происходит разрушение правового сознания человека и как следствие искажение восприятия основ социального существования.

Кроме того, юридическая наука не успевает за быстрым развитием антикоррупционного законодательства и, собственно, и всей системы предотвращения и противодействия коррупции в государстве. Однако, поскольку основное бремя правового регулирования мер предотвращения и противодействия коррупции возложено на право, в этой области и концентрируется подавляющее большинство проблемных вопросов.

Существует ряд расхожих и всегда актуальных мнений: причиной коррупции являются функции государства; демократические государства больше подвержены коррупции, чем тоталитарные государства; федеративные государства с высокой долей децентрализации больше подвержены коррупции, чем унитарные государства; мультинациональные государства больше подвержены коррупции, чем моноэтнические государства.

Список литературы

1. Гармаев Ю.П. *Основы методики расследования коррупционных преступлений: курс лекций.* – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2018. - 162 с.

2. *Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/*

© Д.А. Потапова, 2022.

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ
ПОСРЕДСТВОМ АВТОМАТИЧЕСКИ СРАБАТЫВАЮЩИХ
ИЛИ АВТОНОМНО ДЕЙСТВУЮЩИХ СРЕДСТВ
ИЛИ ПРИСПОСОБЛЕНИЙ**

*Розатос Михаил Михайлович,
магистрант 2 курса
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Москалёва Елена Николаевна
старший преподаватель кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: В данной статье автором исследуются пределы необходимой обороны посредством использования автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений, проводится их дифференциация в зависимости от правовых оснований допустимости использования в ситуации обороны.

Ключевые слова: необходимая оборона, автоматически срабатывающие или автономно действующие, средства или приспособления, защита, институт.

**THE LEGAL NATURE OF THE NECESSARY DEFENSE BY MEANS
OF AUTOMATICALLY TRIGGERED OR AUTONOMOUSLY
OPERATING MEANS OR DEVICES**

*Rozatos Mikhail Mikhailovich
Supervisor: Moskaeva Elena Nikolaevna*

Abstract: In this article, the author examines the necessary defense by using automatically triggered or autonomously acting means or devices, and focuses on the positions of scientific representatives of criminal law. Various means and devices are considered, a list of legal means or devices is allocated.

Key words: Necessary defense, automatically triggered or autonomously

acting, means or devices, protection, institute.

Руководящие начала о защите прав граждан, будучи порождением естественного, побуждают человека применять все возможные методы и средства для их обеспечения. Права эти многогранны, но в рамках института необходимой обороны они заключаются в защите жизни, здоровья, имущества.

Отталкиваясь от научной традиции, начинать рассмотрение интересующей нас темы мы будем с основ римского права, а именно с изречения Юстиниана: «Всё право, которым мы пользуемся, относится или к лицам, или к вещам, или к искам» [1, с. 46].

Не поддаётся сомнению, что имущество и собственность имеют для человека важнейшее значение. Данные блага претендуют на рассмотрение их как предмета необходимой обороны. Подкрепляя позицию, обратимся к римскому праву снова: «Правомерному владельцу для защиты владения, которое он беспорочно имел, позволено отражать причинённое насилие в границах осторожной охраны» [1, с. 54].

Вопрос об использовании различных автоматически срабатывающих или автономно действующих технических средств в пределах необходимой обороны всегда являлся дискуссионным и привлекал к себе внимание научных деятелей.

Н.С. Таганцев считал интересным поднятый вопрос в немецкой литературе, о том, подходят ли под понятие оборонительных действий меры, принимаемые собственником или владельцем дома, сада, лодки для ограждения их от похищения или истребления. Размышляя об этом вопросе, ученый приводил ряд конкретных ситуаций: «Хозяин сада расставил в саду капканы и самострелы, спустил на ночь собак, а затем оказалось, что в капканы или под самострелы попались воры, обивавшие яблоки в саду, собаки искусали человека, перелезшего через забор; аналогичными являются случаи причинения вреда гвоздями или стёклами, набитыми на заборах» [2, с. 202].

Данный вопрос исследовал Н.В. Рейнгардт, по его мнению: «Всякое действие, прошедшее без последствий, влечёт повторение, а потому всякое, даже мелкое хищническое нападение, прошедшее без отпора, может вызвать массовое повторение, которое, сосредотачиваясь на одном месте, грозит владельцу имущества значительным ущербом» [3, с. 79-80].

Уделяли внимание проблематике допустимости установки различного рода приспособлений и механизмов для предотвращения или пресечения преступных посягательств, связанных с проникновением на

территорию жилища, дачи, хозяйственных построек, С.Ф Милюков и Ю.В. Зуева. В обсуждении авторы приводят мнение о большом количестве хищений в дачных массивах и как следствие определяют целесообразность установления гражданами самострелов, взрывных устройств, приманок с отравляющими веществами [4, с. 54].

По нашему мнению, именно вынужденность положения заставляет граждан использовать меры защиты в лице различных приспособлений и механизмов. Верховный Суд России, в целях устранения пробелов и сложностей в судебной практике, не остался в стороне и предпринял меры направленные на правовое урегулирование возможности использования автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений. Закрепление данного положения находится в Постановлении Пленума Верховного Суда России от 27 сентября 2012 г. №19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», пункт 17 которого гласит: «Правила о необходимой обороне распространяются на случаи применения не запрещённых законом автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений для защиты охраняемых уголовным законом интересов от общественно опасных посягательств» [5]. При этом Верховный Суд РФ подчеркивает, что неукоснительно должны соблюдаться правила об определении пределов необходимой обороны и недопустимости причинения вреда третьим лицам.

Исходя из указанной в Постановлении допустимости причинения вреда посягающему лицу и формулировки «не запрещённых законом» понимается, что самым подходящим средством или приспособлением являются рамочные или тарелочные капканы, поскольку их оборот и продажа является свободной и не требует каких-либо документов [6, с. 112]. Вопрос касемо других приспособлений является, с одной стороны, дискуссионным, а с другой стороны переходит границы закона. Изученные позиции научных деятелей о взрывных устройствах, самострелах и отравляющих приманках свидетельствуют о запрете на их применение.

Различного рода охранные звуковые системы и сигнализации не могут причинить вред посягающему, поэтому не могут относиться к средствам необходимой обороны. Взрывные устройства изъяты из гражданского оборота, самострелы представляют собой либо незаконное огнестрельное оружие, либо гражданское огнестрельное оружие, но его законное применение, согласно установленным законом правилам, не может осуществляться без участия самого владельца [7, 8].

Без внимания в научной литературе остаётся возможность квалификации различных инженерных колючих заграждений в качестве автономно действующих средств. Опираясь на разъяснение Верховного Суда, представляется, что «колючая лента» и «спираль Бруно», либо иная колючая проволока вполне может быть использована как автономно действующее средство необходимой обороны. Как правило, данное средство используется в виде дополнительного элемента защиты частной собственности путём установки на изгородях, заборах. По мнению А.Н. Попова, применение данного средства может квалифицироваться по правилам необходимой обороны [9, с. 45].

Можно согласиться с позицией А.А. Пионтковского: «Мы не можем допустить создание любых защитительных механизмов, которые предназначены для пресечения посягательства путём причинения вреда посягающему, как-то: минирование входа в склад, включение смертоносного электрического тока в проволочную ограду» [10, с. 360]. В специальной литературе такие действия обычно порицаются на том основании, что эти устройства способны причинить вред посторонним лицам. Однако, следует заметить, что и при других способах обороны возможно причинение вреда посторонним» [4, с. 54-55].

Стоит согласиться с позицией В.В. Орехова, обычно в нормальных условиях общежития использование технических устройств при защите правоохраняемых благ не создаёт угрозы причинения вреда посторонним: «Законопослушные граждане не ломают двери, не срывают замки и не бьют стёкла в окнах в целях проникновения в чужое жилище, в дачные домики, бытовые сооружения и гаражи для совершения преступлений» [11, с. 78]. С учетом разъяснений Верховного Суда РФ, считаем, что представляется допустимой установка названных средств в конкретных местах на территории частного владения – внутри жилища, в подвале, в гараже, в иной хозяйственной и подсобной постройке. Право на необходимую оборону посредством автоматически или автономно действующих средств или приспособлений одобряется и имеет социальную обусловленность, которой в итоге было вымощено фундаментальное положение института необходимой обороны в отечественном законодательстве. Данная форма необходимой обороны является обстоятельством, исключающим преступность и наказуемость деяния при соблюдении условий правомерности. Считаем, что данное право, в первую очередь, призвано на защиту и охрану, гарантированных правовым государством, общественных благ, а лицо, посягающее на охраняемые блага, должно получить достойный отпор со стороны

потенциальных потерпевших.

Список литературы

1. Кони А.Ф. *О праве необходимой обороны*. Московские университетские известия. М., 1866. – С. 46, 54.
2. Таганцев Н.С. *Русское уголовное право: Лекции*. РАН. Ин-т государства и права. - М.: Наука, 1994. – С. 202.
3. Рейнгардт Н.В. *Необходимая оборона. Статья о применении позитивной философии к вопросу уголовного права*. – Казань: типолитография. И.С. Перова, 1898. – С. 79– 80.
4. С.Ф. Милюков, Ю.В. Зуева. *Необходимая оборона в системе мультиправового института самозащиты*. Монография. – М.: ООО «Прспект», 2022. – С. 54 – 55.
5. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»* // Официальный сайт Верховного Суда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: [http:// vsrf.ru](http://vsrf.ru) (13.10.2022).
6. *Справочник охотника*. – Мн.: Ураджай, 1979. – С. 112.
7. *Постановление Правительства РФ от 21.07.1998 N 814 (ред. от 26.04.2022) «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации»* // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.10.2022).
8. *Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 N 150-ФЗ*. // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.consultant.ru> (13.10.2022).
9. А.Н. Попов. *Научно-практический комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»*. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. – С. 45.
10. А.А. Пиотоковский. *Курс советского уголовного права часть общая том II*. – М.: Наука, 1970. – С. 45.
11. Орехов В.В. *Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключющие преступность деяния* – СПб.: Юридический центр Пресс., 2003. – С. 44.

© М.М. Розатос, 2022

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, КАК СРЕДСТВО ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

*Рудаков Дмитрий Сергеевич,
магистрант 3 курса
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Осадчая Наталья Георгиевна
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** в данной статье рассмотрено значение принудительных мер воспитательного воздействия по отношению к несовершеннолетним. Определены основные направления повышения эффективности применения принудительных мер воспитательного воздействия. Выявлены недостатки в законодательстве, устанавливающем процедуру исполнения указанных мер, объем прав и обязанностей субъектов, их исполняющих. Внесены предложения по совершенствованию законодательства.*

***Ключевые слова:** принудительные меры воспитательного воздействия, уголовное право, эффективность, апробация, несовершеннолетние.*

COMPULSORY MEASURES OF EDUCATIONAL INFLUENCE AS A MEANS OF PREVENTING CRIMINALIZATION OF MINORS

*Rudakov Dmitriy Sergeevich
Scientific Supervisor: Osadchaya Natalia Georgievna*

***Abstract:** This article examines the importance of compulsory measures of educational influence in relation to minors. The main directions of increasing the effectiveness of the use of coercive measures of educational influence are determined. The shortcomings in the legislation establishing the procedure for the implementation of these measures, the scope of the rights and obligations of*

the subjects performing them are revealed. Proposals have been made to improve legislation.

Keywords: *принудительные меры воспитательного воздействия, уголовное право, эффективность, апробация, несовершеннолетние.*

Принудительные меры воспитательного воздействия могут применяться к несовершеннолетним, совершившим преступления. Особенности личности несовершеннолетнего подсудимого, обстоятельства конкретного дела, а также степень общественной опасности преступления могут свидетельствовать о том, что указанной выше меры будет достаточно для перевоспитания такого подростка. По мнению Л.Б. Ситдиковой и А.Л. Шиловской, «процессу вынесения предупреждения следует придать более строгую форму, например, взятие у подростка «подписки о надлежащем поведении» в зале заседания» [1]. В дополнение данной меры судом может предписываться пройти несовершеннолетнему воспитательные мероприятия - различные тренинги по работе над противоправным поведением, получение дополнительного образования, обучение полезным специальным навыкам, посещение психологов, консультирование по трудоустройству и прохождение специального обучения. Использование данных мероприятий может давать нужный эффект.

В настоящее время в Российской Федерации ведется разработка Федерального закона «О пробации». В проекте данного федерального закона, представленном Министерством юстиции РФ, к целям пробации отнесены: коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация. Среди лиц, к которым применяются меры пробации, названы не только взрослые преступники, но и несовершеннолетние, совершившие преступление. Уголовное законодательство содержит нормы об освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности и уголовного наказания с применением к ним принудительных мер воспитательного воздействия (далее – ПМВВ). Институт ПМВВ имеет двойственную юридическую природу, что подтверждается мнением ученых. Одни ученые рассматривают ПМВВ в качестве иных мер уголовно-правового характера, поскольку кроме воспитательного свойства для них характерно свойство принуждения. Другие полагают, что они являются воспитательными либо административными мерами [2, с. 20].

Не вдаваясь в полемику относительно юридической природы ПМВВ, необходимо отметить, что ПМВВ присущи специфические признаки: 1. данные меры применяются лишь к несовершеннолетним лицам, вступившим в конфликт с уголовным законодательством РФ; 2. это меры, принимаемые в отношении несовершеннолетнего принудительно, но не являющиеся уголовным наказанием; 3. целью применения ПМВВ является исправление несовершеннолетнего нарушителя уголовного закона. Указанные признаки позволяют утверждать, что ПМВВ близки по своему содержанию к институту пробации. С учетом разработки Федерального закона «О пробации» целесообразно рассмотреть вопрос признания ПМВВ элементом института пробации как способа решения некоторых проблем эффективности ПМВВ. Кроме уголовного наказания в целях исправления несовершеннолетнего преступника уголовным законом предусмотрено применение к нему ПМВВ. К таковым отнесены: предупреждение; передача под надзор родителей или лиц, их замещающих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего; помещение в специализированное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (далее – СУВУЗТ).

Интерес представляет исследование В. И. Качалова, который, изучив судебную практику применения ПМВВ, обратил внимание на то, что контроль за исполнением ПМВВ суды возлагают на КДН и ЗП, подразделения по делам несовершеннолетних МВД России (далее – ПДН), родителей несовершеннолетних, а иногда и вовсе ограничиваются формулировкой «специализированный государственный орган системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3, с. 218]. Стоит согласиться с О.А. Беларевой и Е.А. Писаревской, утверждающими, что родители, воспитавшие несовершеннолетнего преступника, не являются субъектами, способными в полной мере реализовать потенциал принудительных мер воспитательного воздействия [2, с. 24]. На самом деле, непрактично и противоречиво возлагать на этих родителей дополнительные обязанности по осуществлению обязательных мер воспитательного воздействия. Одно из государственных учреждений, где суд осуществляет контроль за исполнением ПМВВ, является подразделение по делам несовершеннолетних МВД России. На ПДН возложено осуществление профилактики правонарушений несовершеннолетних. Деятельность данного учреждения является немаловажным звеном в препятствовании совершения

несовершеннолетними преступлений. Однако среди задач данного специализированного государственного органа исполнение принудительных мер воспитательного воздействия не поименовано. Отсутствие законодательной нормы, определяющей конкретный государственный орган как орган, исполняющий ПМВВ, является фактором, снижающим эффективность этих мер. Указанные обстоятельства позволяют прийти к выводу, что в российском законодательстве имеется проблема: нормами уголовного права установлены принудительные меры воспитательного воздействия, которые могут быть применены в отношении несовершеннолетних, совершивших преступление, а система органов, их исполняющих, не конкретизирована. Это лишает несовершеннолетних, к которым применяются указанные меры, возможности защиты своих законных прав и интересов. Решение проблемы видится в признании ПМВВ элементом института пробации. Принудительные меры воспитательного воздействия по своей сути схожи с пробационными мерами и органично вписываются в институт пробации как его разновидность в отношении несовершеннолетних. Т.Г. Понятовская вполне логично утверждает, что признавать КДН и ЗП специализированным государственным органом не совсем верно [4, с. 73]. Под указанной комиссией автор понимает коллегиальный профилактический орган, где ее члены не являются государственными служащими и действуют на общественных началах.

Одной из причин низкой эффективности ПМВВ является отсутствие указания на конкретный орган, их исполняющий, его полномочия и порядок исполнения ПМВВ. Так, нормы уголовного законодательства РФ содержат указание на то, что исполнение принудительных мер воспитательного воздействия возлагается на «специализированные государственные органы». На наш взгляд, таким органом должны быть уголовно-исполнительные инспекции или подразделения по делам несовершеннолетних МВД России. Однако нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства не содержат указания на то, что принудительные меры воспитательного воздействия подлежат исполнению каким-либо из вышеуказанных государственных органов. Решение этого вопроса, казалось бы, содержится в п. 38 постановления Пленума Верховного суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». В нем указано, что осуществлять надзор за несовершеннолетним при назначении ему принудительных мер воспитательного воздействия может

специализированный государственный орган – комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН и ЗП). Однако данное положение вызывает сомнения у ученых-юристов.

Природа института probationи заключается в предоставлении осужденному возможности исправиться. При этом исправление проходит под контролем и при оказании необходимой помощи специально уполномоченного органа, который обеспечивает соблюдение прав и обязанностей лиц, находящихся под воздействием probationи мер. ПМВВ также являются мерами, при назначении и применении которых несовершеннолетнему дается возможность исправиться без применения к нему более суровых мер уголовно-правового реагирования – наказания. Кроме того, процесс исправления при применении ПМВВ должен проходить под контролем специально уполномоченного на то органа, который посредством применения воспитательных мер призван помочь несовершеннолетнему правонарушителю прийти к исправлению. При применении мер probationи суд вправе наложить на осужденного различного рода ограничения (запрет на посещение определенных мест, ограничение круга общения и т.п.) и обязанности (пройти курс лечения, обучения и т.п.). ПМВВ также предусматривают применение каких-либо ограничений (ограничение досуга) либо возложение обязанностей (загладить причиненный вред) на несовершеннолетнего правонарушителя. Институт probationи предусматривает оказание социальной помощи подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, осужденным, призван анализировать и оценивать риски рецидива конкретного лица, в его рамках организовываются и проводятся примирительные процедуры. Применение аналогичных мероприятий уместно и логично при реализации ПМВВ. Институт probationи имеет межотраслевой характер и предназначен для комплексного воздействия на лиц, попавших в конфликтную ситуацию с уголовным законодательством.

Институт probationи имеет межотраслевой характер и предназначен для комплексного воздействия на лиц, попавших в конфликтную ситуацию с уголовным законодательством. Именно это обуславливает возможность включения в систему органов probationи как государственных и муниципальных органов, так и негосударственных общественных организаций, юридических и физических лиц. Соответственно, речь идет о внесении предложений о признании принудительных мер воспитательного воздействия элементом института probationи. В Федеральном законе «О probationи» следует закрепить объем их прав, обязанностей, а также правовой статус несовершеннолетних, к которым принудительные меры

воспитательного воздействия будут применяться.

Для придания принудительным мерам эффективности воспитательного воздействия необходимо устранить пробелы в существующих нормах, обратиться к зарубежному законодательству и принять наиболее эффективные меры воздействия на несовершеннолетних, совершивших преступные деяния. необходимо усовершенствовать законодательные нормы по этому вопросу, что поможет в будущем применять нормы и использовать теоретические материалы на практике, что, безусловно, позволит законодателю стремиться к искоренению преступности среди несовершеннолетних и всячески их мотивировать не совершать преступления.

Список литературы

1. Беларева, О.А., Писаревская, Е.А. Освобождение несовершеннолетних от уголовного наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия: правовая природа и перспективы применения // Вестник Кузбасского института. – 2022. – № 1 (50). – С. 18-29.

2. Качалов, В.И. Отмена принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних: уголовно-процессуальный аспект // Lex russica. – 2017. – № 8. – С. 217-223.

3. Понятовская, Т.Г. Кто исполняет принудительные меры воспитательного воздействия? [Электронный ресурс] // Oeconomia et Jus. – 2021. – № 4. – С. 71-76.

4. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 год, за 2021 год // Сайт Судебного Департамента РФ. – <http://www.cdep.ru>.

© Д.С. Рудаков, 2022.

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Светлов Сергей Сергеевич,
магистрант 3 курса
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:
Фаргиев Ибрагим Аюбович,
д.ю.н, профессор, профессор кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»

***Аннотация:** в статье раскрывается понятие и сущность легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, исследованы противоречия в законодательстве. Проанализированы различные точки зрения относительно понятия и терминологии, что позволило сформулировать предложения о корректировке рассматриваемых преступных деяний.*

***Ключевые слова:** противодействие, легализация, денежные средства, отмывание, незаконная деятельность, экономическая сфера.*

THE CONCEPT AND ESSENCE OF LEGALIZATION (LAUNDERING) MONEY OR OTHER PROPERTY ACQUIRED BY CRIMINAL MEANS

Svetlov Sergey Sergeevich
Scientific adviser: **Fargiev Ibrahim Ayubovich**

***Abstract:** the article reveals the concept and essence of the legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means, the contradictions in legislation are investigated. Various points of view regarding the concept and terminology are analyzed, which made it possible to formulate proposals for correcting the criminal acts under consideration.*

***Keywords:** counteraction, legalization, money laundering, illegal activity,*

economic sphere.

Противодействие легализации незаконно полученных денежных средств является проблемой мирового масштаба. В связи с этим, сам термин «отмывание денежных средств» был официально закреплен в Конвенции ООН. В данной Конвенции понятие «отмывание денег» определяется, как процесс, скрывающий существование и происхождение денежных средств которые незаконно получены.

Особенностью легализации незаконно полученных доходов является процесс изменения денежных средств и имущества таким образом, что определить легальность данных средств практически невозможно. Данное обстоятельство говорит о том, что незаконно полученные денежные средства и законные будут иметь один вид для государства. Следовательно, у государства не будет возможности предъявить претензии юридическому или физическому лицу, владеющими незаконными денежными средствами или участвующими в самом процессе отмывания [1, с. 199].

Противодействие легализации доходов не является самоцелью. Основной и значимой задачей экономики страны выступает избежание потерь капитала из государственной, экономической сферы влияния. Также в мировой экономике остро стоят проблемы, связанные с вложением незаконно полученных средств в терроризм. В основе данной проблемы лежит утечка капитала за рубеж, данная утечка соприкасается с торговлей оружием, наркотиками и другой смежной незаконной деятельностью, в том числе и уклонение от уплаты налогов. Также особенностью данного вида преступности является проникновение теневого капитала в легальную экономическую деятельность, в результате нарушаются существующие экономические отношения и в то же время образуются новые, которые возникают на незаконной основе, становится возможным использование преступных доходов, в последующей незаконной деятельности, включая функционирование организованных преступных формирований.

Проблема противодействия легализации преступных доходов, также становится актуальной в связи с развитием информационных технологий, переходом рыночных отношений в киберпространство.

Легализация денежных и финансовых ресурсов, полученных преступным путем, составляет угрозу не только национальной экономической безопасности, но также лежит в основе подрыва и мировой экономической системы.

Легализацию незаконно полученных средств можно рассматривать как с экономической, так и с юридической точки зрения. Анализируя правовую точку зрения, необходимо обратить особое внимание на нормативно-правовое регулирование противодействия отмыванию денег. Если рассматривать только экономическую сторону, то в данном аспекте важны меры, принимаемые центральными регуляторами, такими выступают Центральный банк РФ и Министерство финансов РФ.

Следует отметить, что преступные деяния, связанные с легализацией незаконно полученных средств, как правило преследуют корыстную цель, а именно направлены на получение наибольшей суммы денег или имущества в кратчайшие сроки. Суть данного заявления как раз и заключается в легализации незаконно полученных доходов.

Поэтому необходимо учитывать как правовой аспект легализации, так и превентивные меры, регулятором таких мер выступает Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [2].

Следует также отметить, что понимание термина «легализация» в толковании представленного закона, отлична от определения, которое предлагает международный нормативный акт – Конвенция против транснациональной организованной преступности, датированная 15.11.2000г. Указанная Конвенция не определяет особой легализации – придания законной формы использованию, владению или распоряжению имуществом, полученным противоправным способом, что отличает ее от национального законодательства. Если данная цель отсутствует при том, что имеют место аналогичные признаки объективной стороны преступления уже связанные с другим преступным действием, говорящем о приобретении или сбыте имущества, заведомого полученного преступным путем.

В соответствии с экономическим словарем легализацию понимают в двух значениях:

- 1) узаконение, т.е. придание юридического смысла, разрешение деятельности организации;
- 2) подтверждение подлинности и юридической силы документа, выданного в другом государстве, в форме удостоверительной надписи [3, с. 201].

Представляется, что ни одно из предложенных определений не будет соответствовать виду деятельности, рассматриваемых преступных деяний. Незаконно полученные деньги или имущество ни при каких

обстоятельствах не смогут приобрести статус законно приобретенных. Слова «отмывание» не соответствует юридической терминологии.

Принимая во внимание вышеизложенное, следует говорить о фиктивной легализации, т.е. придании мнимой законной формы владению, использованию и распоряжению денежными средствами или имуществом, полученными преступным путем.

Необходимо отметить, что замена слов «легализация (отмывание)» в названии и диспозиции анализируемого преступления более целесообразно на «фиктивная легализация», так как более точно раскрывает суть явления.

В юридической науке применительно к такому явлению, как отмывание преступных доходов, применяются и такие термины, как «борьба», «противодействие», «профилактика». Данные понятия вызывают среди ученых многочисленные споры, и каждое из них не оценивается как однозначное.

Законодательно закрепленные положения позволяют утверждать, что понятие «противодействие» преступности шире понятия «борьба» с преступностью, и включает в себя: предупреждение преступности, выявление, профилактику, пресечение, раскрытие и расследование преступлений, минимизацию или ликвидацию последствий их проявления.

Представляется, что под категорией «противодействие» относительно легализации следует понимать предотвращение легализации преступных доходов, включая выявление и устранение факторов, способствующих совершению этих преступлений (профилактика); выявление и расследование преступлений, связанных с легализацией преступных доходов (борьба с «отмыванием»); деятельность по минимизации и (или) устранению негативных последствий отмывания преступных доходов.

Список литературы

1. Лавроненко, Р.А. Противодействие легализации преступных доходов, совершаемой в кредитно-финансовой системе // *Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых: сб. материалов X науч.-практ. конф. молодых ученых (г. Москва, 27 апреля 2018 г.)* / Под ред. А.Ю. Винокурова, К.А. Комогорцевой, А.С. Семенова; Ун-т прокуратуры РФ. – М., 2018. – С. 199-204.

2. Федеральный закон от 07.08.2001. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // *СЗ РФ. 2001. № 33 (Часть 1). Ст. 3418.*

3. Разберг, Б.А., Лозовский, Л.Ш., Стародубцева, Е.Б. Современный экономический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 479 с.

© С.С. Светлов, 2022.

ВОПРОС ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ

*Скокова Татьяна Петровна,
студентка 4 курса юридического факультета
очной формы обучения
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Осадчая Наталья Георгиевна,
доцент кафедры, к.ю.н., доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** В данной статье рассматривается вопрос об актуальности отечественной системы наказаний, что она из себя представляет и под каким влиянием она формировалась, какие проблемы возникают в связи с применением некоторых видов наказаний и как они влияют на эффективность исполнения наказания. Автором работы были приведены мнения по поводу решения возникших проблем и реформирования нынешней системы наказаний.*

***Ключевые слова:** система наказаний, арест, принудительные работы, смертная казнь, реформа.*

THE QUESTION OF THE RELEVANCE OF THE DOMESTIC SYSTEM OF PUNISHMENTS

*Skokova Tatyana Petrovna
Scientific supervisor: Osadchaya Natalia Georgievna*

***Abstract:** This article discusses the relevance of the domestic system of punishments, what it is and under what influence it was formed, what problems arise in connection with the use of certain types of punishments and how they affect the effectiveness of the execution of punishment. The authors of the work gave opinions on the solution of the problems that have arisen and how it is necessary to reform the current system of punishments.*

Keywords: the system of punishments, arrest, forced labor, the death penalty, reform.

Система наказаний, предусмотренная Уголовным кодексом РФ, имеет большую историю развития. При анализе Российской системы наказаний можно сделать вывод, что она развивается по принципу гуманности, под влиянием уровня социального прогресса общества и международного опыта.

Применение определенного вида наказания зависит от социальной опасности осужденного. В данный момент система наказаний предусматривает 13 видов наказаний, ранжированных от менее строго до более строгого вида: штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; обязательные работы, исправительные работы; ограничение по военной службе; ограничение свободы; принудительные работы; арест; содержание в дисциплинарной воинской части; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы; смертная казнь (ст.44 УК РФ) [1].

Статистика за 2021 год показывает, что чаще всего применяются следующие виды наказаний: штраф примененный к 72 921 осужденных, лишение свободы. К лишению свободы на определенный срок было приговорено 174 156 осужденных [2]. При таких обстоятельствах следует рассмотреть другие виды наказаний и понять, почему же они применяются намного реже.

Одной из проблем системы наказаний является то, что некоторые её виды не применяются, например, такое наказание как арест. Данный вид наказания был введен в действующий Уголовный кодекс РФ в 1997 году, однако с тех пор, он так и не применялся. Арест до сих пор не введен в действие не смотря на то, что в кодексе, а именно в ст.54 УК РФ и ст.68 УИК РФ[3], регламентируются условия содержания, сроки, а также категории лиц, которые не подпадают под этот вид наказания. Причина неприменения заключается в отсутствии места, для исполнения представленного вида наказаний, то есть так называемых арестных домов. В ст. 4 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» от 13.06.1996 было заранее оговорено, что арестные дома должны появиться не позднее 2006 года, но это предписание закона так и не было исполнено [4]. Позже в 2009 году главное руководство ФСИН заявило, что место для первого в России

арестного дома было выбрано в Москве, вот только эта информация не нашла своего подтверждения на деле. На наш взгляд, решить эту проблему не представляется возможным в силу отсутствия альтернативы арестных домов, так как исправительные колонии не соответствуют требованиям данного вида наказания, а количество тюрем крайне мало (на территории России сейчас всего 8 тюрем). Таким образом, считаем, что для каждого вида наказания законодателю необходимо продумывать место и условия его отбывания, чего не было сделано в случае ареста. Логичнее этот вид убрать из системы в связи с недостатком технической оснащённости для его применения.

Следующий вид наказаний, к которому возникает множество вопросов это принудительные работы. Под принудительными работами понимается привлечение осужденного к труду в местах, определяемых органами уголовно-исполнительной системы. В нормативно-правовых актах вслед за Уголовным кодексом отмечается, что конкретный вид наказания является альтернативой лишения свободы. На основе, вышесказанного возникает проблема: если представленный вид наказания является альтернативой лишению свободы, то каков должен быть механизм его назначения в случаях, если в санкции уголовно-правовой нормы предусмотрены принудительные работы, но отсутствует лишение свободы. Каким образом поступать суду при вынесении приговора, например, за совершение преступления, ответственность за которое регламентирована в ч.1 ст.159.1 УК РФ, когда за него предусмотрены принудительные работы, но такого вида наказания как лишения свободы нет. Следовательно, в этом случае принудительные работы выступают как основной вид наказания, что противоречит самому предназначению указанного вида наказания [5, с.53]. Считаем, в таком случае надо определить принудительные работы как основной вид наказания либо во всех санкциях, где они есть предусмотреть и лишение свободы.

Немало важным вопросом является проблема по обеспечению трудом осужденных. Здесь необходимо обратиться к УИК РФ, а именно к главе 8.1 этого документа. Следует отметить, что законодатель регламентирует положение о трудоустройстве осужденных в организациях любой организационно-правовой формы (ст.60.7 УИК РФ). Нам кажется, что эту статью стоит дополнить такими субъектами предпринимательской деятельности, как индивидуальные предприниматели. Ввиду следующих обстоятельств, что только для организаций предусмотрены налоговые льготы на основании ч.2 ст.60.7 УИК РФ. Вместе с тем, в непростое для экономической обстановки нашей страны время, в частности, в условиях

санкций такая возможность необходима и другим участникам предпринимательской деятельности.

Смертная казнь наравне с арестом в нашей стране не применяется в силу наложения запрета на применение этого вида наказания. Стоит отметить, что в современное время мы придерживаемся мнения в том, что этот вид наказания не теряет своей актуальности в силу ряда причин. Назовем только одну из них. В последнее время участились случаи сексуального насилия в отношении детей. Так, по данным МВД России с 2014 по 2019 год случаев педофилии выросло на 42%, а в 2021 этот показатель вырос еще на 12% по сравнению с 2020 годом [6]. Педофилия тот тип психического заболевания, который сложно исправить с помощью физического вмешательства через кастрацию или применением медикаментозных способов, ведь в первом случае у представленных людей останутся мысли о продолжении деяний, а при медикаментозном возникает сложность контроля таких лиц, после отбывания наказания. Предлагаем применять смертную казнь при преступлениях, связанных с сексуальным насилием в отношении детей.

Подводя итог, хотелось бы выразить следующее, что институт системы наказаний не является идеальным и по многим параметрам не соответствует действительности. В настоящее время перед законодателем должна быть цель дальнейшего реформирования и совершенствования системы наказаний ввиду изменений в сфере права и общества.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954
2. Судебная статистика за 2021 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://stat.anu-npecc.pf/stats/ug/t/12/s/8> (дата обращения: 15.10.2022).
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // СЗ РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.
4. Федеральный закон «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» от 13.06.1996 N 64-ФЗ (ред. от 13.07.2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10701/ (дата обращения: 15.10.2022).

5. Идрисов, И.Т. *Альтернативные наказания, связанные с трудовым воздействием на осужденных: Монография / Под ред. Т.В. Кленовой. М., 2018. 207 с.*

6. *Совбез РФ: В 2021 году отмечен рост половых преступлений против детей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://rg.ru.turbopages.org/rg.ru/s/2021/11/29/sovbez-rf-v-2021-godu-otmechen-rost-polovyh-prestuplenij-protiv-detej.html> (дата обращения: 15.10.2022).*

© Т.П. Скокова, 2022.

СОВРЕМЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ОБ УСЛОВНОМ ОСУЖДЕНИИ

*Скороваров Игорь Игоревич,
магистрант 3 курса
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Фоменко Ирина Владимировна
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: статья посвящена анализу регулирования института условного осуждения в зарубежных странах. Автором рассмотрены правовые, организационные и функциональные особенности применения условного осуждения в ряде зарубежных стран. На основании проведенного исследования делается вывод о возможности использования в РФ положительного опыта применения института условного осуждения в других странах.

Ключевые слова: условное осуждение, probation, отсрочка наказания, освобождение лица, уголовное наказание, лишение свободы.

MODERN LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES ON PROBATION

*Skorovarov Igor Igorevich
Scientific adviser: Fomenko Irina Vladimirovna*

Abstract: The article is devoted to the analysis of the regulation of the institution of probation in foreign countries. The author considers the legal, organizational and functional features of the application of probation in a number of foreign countries. Based on the conducted research, the conclusion is made about the possibility of using in the Russian Federation the positive experience of using the institute of conditional sentence in other countries.

Keywords: suspended sentence, probation, postponement of punishment,

release of a person, criminal punishment, imprisonment.

Учитывая тот факт, что реализация принципа неотвратимости, как основополагающего аспекта уголовной ответственности возможна только при единообразном реагировании законодательства различных государств на нарушения охраняемых уголовно-правовыми нормами прав и свобод человека, общества и государства, мировое сообщество в Токийских правилах призывает государства-члены продолжить работу по «согласованию законодательных положений в целях расширения диапазона возможных непенитенциарных мер и содействию их применения через национальные границы» [1].

Одной из наиболее эффективных стран, применяющих условное осуждение, является Монголия.

Особенностью применения анализируемого института в данной стране является то, что назначение условного осуждения связано только с лишением свободы на определенный срок. Подобно ряду зарубежных стран, в УК Монголии содержится запрет на применение условного осуждения за совершение умышленно двух или более преступлений; за преступления, если размер наказания составляет более пяти лет лишения свободы; в отношении членов организованной преступной группы.

Еще одной особенностью применения института условного осуждения в Монголии является то, что возложение судом определенных обязательств и ограничений на условно осужденного является правом, а не обязанностью. [2, с. 37].

Согласно уголовному законодательству Швейцарии основанием для установления условного осуждения должна выступать уверенность суда в дальнейшем отказе осужденного от совершения иных преступных деяний и компенсации со стороны последнего и убытков потерпевшей стороне. При этом условное наказание не может быть применимо к лицам, которые на протяжении последних пяти лет отбывали наказание в виде тюремного заключения сроком от 3-х месяцев. Интересен тот факт, что в данном случае не имеет значение судом какой страны был вынесен указанный приговор.

В отличие от Монголии продолжительность наказания, к которому может быть применено условное осуждение, по законодательству Швейцарии не должна превышать полтора года. [3, с. 120].

Институт условного осуждения в ФРГ получил наименование «приостановление наказания с испытанием». В УК ФРГ сказано, что «при осуждении к наказанию в виде лишения свободы на срок не более одного

года суд приостанавливает назначение наказания с испытанием, если есть основания ожидать, что уже само осуждение может послужить предостережением для осужденного, и, что он в дальнейшем и без воздействия исполнения наказания не совершит наказуемых деяний». [4, с. 85]. В исключительных случаях при наличии особых обстоятельств приостановление исполнения наказания с испытанием возможно в случае назначения наказания в виде лишения свободы на срок не более двух лет.

Подобно УК Монголии УК ФРГ закрепляет возможность суда наложить на подсудимого дополнительные обязанности. При этом, если осужденный сам вызывается взять на себя выполнение каких-либо обязанностей, то суд, как правило, отказывается от их возложения.

По УК Австрии условное освобождение от наказания бывает двух видов: от всего наказания и от части наказания. Условное освобождение от всего наказания назначается в случае осуждения к лишению свободы на срок не более двух лет или к денежному штрафу. Условное освобождение от части наказания, как правило, возможно только в случае назначения денежного штрафа.

Обязательной предпосылкой условного освобождения от наказания (как от всего, так и от его части) является наличие убежденности суда в том, что «достаточно одной угрозы реального исполнения наказания самостоятельно или в связи с другими мерами, чтобы предотвратить дальнейшее совершение лицом преступных деяний, и не требуется исполнения наказания для того, чтобы противодействовать совершению преступных деяний другими лицами». [5, с. 120]. При назначении условного освобождения от наказания (как от всего наказания, так и от его части) суд учитывает вид деяния, личность правонарушителя, степень его вины, его предыдущую жизнь и поведение после совершения деяния и устанавливает испытательный срок продолжительностью от одного года до трех лет. Кроме того, возлагает на осужденного судом возлагается выполнение определенных обязанностей (например, проживать в определенной местности, в определенной семье или в определенном доме, не употреблять алкогольные напитки, обучаться подходящей, по возможности соответствующей его знаниям, способностям и наклонностям профессии или работать по своей специальности, сообщать о каждом изменении места своего пребывания или места работы и являться в суд или другой компетентный орган и др.). [5, с. 120]. В период испытательного срока указания, даваемые судом, могут быть им отменены, изменены либо суд может возложить на осужденного новые обязанности.

Условно освобожденному лицу назначается помощник, в

обязанности которого входит контроль за поведением условно освобожденного. Указания, даваемые судом освобожденным условно, действуют в течение срока, определенного судом (максимально до окончания испытательного срока). Этими же временными рамками ограничено и оказание указанным лицам помощи.

В том случае, если во время испытательного срока условное освобождение от наказания по каким-либо причинам (например, совершение нового преступного деяния) не отменяется, осужденный окончательно освобождается от наказания. [5, с. 122].

Интересной является, на наш взгляд, позиция Шведского законодателя, согласно которой «судебные органы заблаговременно не устанавливают меру, которая будет использована при совершении осужденным других правонарушений» [6, с. 103], аргументируя это тем, что опасения осужденного, связанные с возможностью назначения ему более суровой меры, зачастую удерживают его от совершения новых правонарушений.

Следует отметить, что несмотря на то, что содержание института условного осуждения, порядок его применения и исполнения по уголовному законодательству Российской Федерации и республики Беларусь крайне схожи, вместе с тем имеется и ряд существенных отличий.

Так, по УК Беларуси, только лишь наказание в виде лишения свободы может быть условным. За осужденным на основании ч. 2 ст. 81 УК Беларуси в течение испытательного срока осуществляется профилактическое наблюдение. Поэтому он обязан: предварительно уведомлять орган внутренних дел об изменении места жительства, о выезде по личным делам в другую местность на срок более одного месяца, являться в указанный орган по его вызову и при необходимости давать пояснения относительно своего поведения и образа жизни. [7].

Кроме того, на основании ч. 5 ст. 78 УК Беларуси при необходимости суд может возложить на осужденного обязанности принести извинение потерпевшему, в определенный срок устранить причиненный преступлением ущерб (вред), поступить на работу или учебу, в свободное от работы и (или) учебы время выполнить общественно полезные работы в объеме до ста двадцати часов, пройти курс лечения от хронического алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания. Осужденному, не выполняющему возложенные на него обязанности, может быть объявлено официальное предупреждение. [7].

В УК Беларуси такой альтернативы, как продление условного

неприменения наказания нет, что отличает условное неприменение наказания от иной меры уголовной ответственности – отсрочки исполнения наказания.

В соответствии со ст. 71 УК Таджикистана суд при назначении пяти видов наказания (исправительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на срок до 10 лет) при условии, что лицо не было ранее осуждено за умышленное преступление к лишению свободы, вправе постановить об условном неприменении наказания. Суд устанавливает испытательный срок (от 1 до 5 лет), вправе назначить дополнительные наказания (кроме конфискации имущества) и возложить определенные обязанности (круг законом ограничен). Закон предусматривает отмену условного неприменения наказания и назначение наказания по совокупности приговоров в случае совершения осужденным в течение испытательного срока нового преступления. [8].

Таким образом, изучение особенностей применения института условного осуждения в различных зарубежных странах позволило сделать нам следующие выводы:

1) в уголовном законодательстве зарубежных стран приводится разное количество видов наказаний, назначив которые, суд вправе применить условное осуждение, при этом лишение свободы выступает в качестве основного наказания;

2) говоря о степени тяжести преступлений, следует отметить, что в законодательстве большинства стран зачастую условное осуждение может применяться к лицам, совершившим преступление небольшой и средней тяжести;

3) несмотря на различную регламентацию института условного осуждения в законодательстве зарубежных стран при назначении условного наказания в каждом случае суд учитывает характер преступления, обстоятельства его совершения, и личность обвиняемого;

4) в большинстве стран законом предусмотрена недопустимость применения условного осуждения к лицам, ранее судимым;

5) в ряде стран суд наделен не обязанностью, а правом наложения на осужденного определенных обязательств и ограничений.

6) в большинстве стран круг обязанностей условно осужденного законом не ограничен, что, в свою очередь, может повлечь злоупотребления со стороны суда.

Анализ изложенного материала показал, что регулирование применения института условного осуждения в зарубежных странах имеет

свои правовые, организационные и функциональные особенности, которые во многом обусловлены национальным пониманием содержания этого института в уголовно-правовом значении, однако цели и средства их достижения схожи.

Подводя итоги исследованию института условного осуждения в зарубежных странах, хотелось бы отметить, что изученный опыт применения института условного осуждения в уголовном законодательстве большинства зарубежных стран можно использовать и в отечественной практике путем внесения дополнений и изменений в УК РФ.

Список литературы

1. *Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) (Приняты Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи, 1990 г.) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».*

2. Эрхитуева Т.И. Сравнительное исследование оснований применения условного осуждения по уголовному законодательству России и Монголии // *Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция.* – 2020. – Вып. 1. – С. 37-52.

3. *Уголовный кодекс Швейцарии / Научное редактирование, предисловие и перевод с немецкого А.В. Серебренниковой.* – Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс». – 2002. – 348 с.

4. *Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / науч. ред. и вступ. ст. Д.А. Шестакова; предисл. Г.-Г. Йешека; пер. с нем. Н.С. Рачковой.* – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 522 с.

5. *Курс уголовного права в пяти томах. Том 2. Общая часть: Учение о наказании / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой.* – М.: Зерцало, 2002. – 464 с.

6. *Уголовный кодекс Швеции / Перевод с английского С.С. Беляева.* – Москва: Московский государственный ун-т им. М.В. Ломоносова, 2000. – 167 с.

7. *Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения 10.10.2022).*

8. *Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 // Официальный сайт законодательных актов Республики*

Таджикистан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&pos=8;-106#pos=8;-106 (дата обращения 10.10.2022).

© И.И. Скороваров, 2022.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВРУЧЕНИЯ КОПИИ УТВЕРЖДЕННОГО ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Стрельцова Валерия Олеговна,

магистрант

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Палиева Оксана Николаевна

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье рассмотрены основные вопросы, связанные с порядком вручения копии обвинительного заключения. Проведен анализ судебной практики по наиболее важным процессуальным вопросам, регламентирующим обязанность вручения итогового процессуального акта, которым оканчивается предварительное следствие. Исследованы основные предложения научного сообщества по восполнению пробелов в сфере регламентации процедуры вручения копии обвинительного заключения.

Ключевые слова: обвинительное заключение, обвиняемый, защитник, потерпевший, представитель потерпевшего, государственная тайна, возвращение уголовного дела прокурору.

TOPICAL ISSUES OF HANDING OVER A COPY OF THE APPROVED INDICTMENT

Streltsova Valeriya Olegovna

Scientific adviser: Palieva Oksana Nikolaevna

Abstract: the article discusses the main issues related to the procedure for handing over a copy of the indictment. The analysis of judicial practice on the most important procedural issues regulating the obligation to deliver the final procedural act, which ends the preliminary investigation, is carried out. The main proposals of the scientific community to fill in the gaps in the regulation of the procedure for handing over a copy of the indictment are investigated.

Keywords: indictment, accused, defender, victim, victim's representative, state secret, return of the criminal case to the prosecutor.

Завершающим этапом окончания предварительного следствия зачастую признают составление обвинительного заключения и направление дела прокурору. При этом не стоит забывать о том, что процедура вручения копии обвинительного заключения также включается в этап окончания предварительного следствия.

В соответствии с нормой, закрепленной в части 2 статьи 222 УПК РФ, обвиняемому вручается прокурором копия обвинительного заключения с приложением. Данная норма закрепляет обязанность вручения обвинительного заключения за прокурором, однако зачастую данная обязанность делегируется следователю, в производстве которого находится дело. Выводы, сделанные на основе анализа судебной практики, позволяют говорить об отсутствии в этом нарушении уголовно-процессуальных норм, поскольку данная процедура не урегулирована нормами уголовно-процессуального законодательства, а лишь предписывает указанную обязанность.

Например, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного суда Российской Федерации, по результатам рассмотрения в качестве суда апелляционной инстанции жалобы стороны защиты в рамках дела №203-АПУ19-12, указала, что «Ссылка осужденных М. и В. на то, что копия обвинительного заключения им была вручена не прокурором, а следователем, участвовавшим в расследовании уголовного дела, нарушением уголовно-процессуального закона не является» [1]. Суд обращает внимание, что важным является обстоятельство доведения содержимого обвинительного заключения обвиняемому, и никак не находит нарушения его прав или наступлением других негативных последствий из-за вручения копии следователем, а не прокурором, поскольку важен сам факт вручения.

С одной стороны, не вручение итогового акта, которым окончено предварительное следствие – является грубым нарушением уголовно-процессуальных норм, поскольку обвиняемые лишаются гарантированного права на защиту. Такое нарушение влечет признание приговора неправосудным, а, следовательно, подлежащим отмене, если он вынесен на основании обвинительного заключения, которое не утверждено прокурором либо копия итогового акта предварительного следствия не вручена обвиняемым, либо обвинительное заключение не подписано следователем, не согласовано с руководителем следственного органа.

Так, Приговор Ленинского районного суда Комсомольска-на-Амуре был отменен в связи с тем, что обвинительное заключение не содержало подписи прокурора. Приговор не был предметом апелляционной проверки, поэтому ошибку заметили лишь при кассационном обжаловании спустя 1,5 года, когда осужденный подал прошение о смягчении наказания [2].

Суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры отменил приговор и вернул дело прокурору в виду отсутствия подписи руководителя следственного органа на обвинительном заключении [3].

С другой стороны, судебная практика признает, что отсутствие в материалах дела расписки в получении копии обвинительного акта, когда обвиняемый подтверждает факт получения, не будет служить препятствием к рассмотрению дела, а соответственно не возникнет оснований для применения ст. 237 УПК РФ, поскольку отсутствует нарушение процессуальных норм [4]. Такой вывод содержится в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 28 от 22.12.2009 [5]. Особо отмечается срок, в соответствии с частью 2 статьей 233 УПК РФ – рассмотрение уголовного дела по существу в судебном заседании не может быть начато ранее 7 суток со дня вручения копии обвинительного заключения. В случае, если срок не выдерживается, судебная практика прибегает к институту отложения судебного заседания с возможностью ознакомления с материалами уголовного дела. Таким образом, стороне защиты предоставляется время для подготовки и избрания стратегии защиты, что в свою очередь исключает нарушение прав обвиняемого на защиту.

Однако, уголовным процессуальным правом установлены также «исключения», при которых допускается прокурором направление в суд уголовного дела без расписки, свидетельствующей о получении копии обвинительного заключения обвиняемым.

Безусловно, появление в уголовно-процессуальном законе основания для возвращения уголовного дела прокурору при невручении копии итогового акта предварительного следствия, привела к злоупотреблениям со стороны обвиняемых.

Обвиняемые уклонялись от получения копии обвинительного заключения. Лица, в отношении которых окончена процедура расследования уголовного дела, в прямом смысле «бегали» от правоохранительных органов, что приводило к истечению сроков привлечения к уголовной ответственности и другим нарушениям процессуального закона.

При таких условиях, прокурор может направить уголовное дело в

суд без доказательств вручения копии обвинительного заключения, при этом он обязан привести весомые доводы и аргументы, которыми подтверждается уклонение обвиняемого от получения копии. Суд, по поступившему делу без сведений о вручении, вправе принять одно из регламентированных процессом решения в соответствии с пп.1-3 ч.1 ст. 227 УПК РФ [6].

При этом судам зачастую необходимо предоставить подтверждение нескольких вызовов с обязательным указанием цели «для вручения копии обвинительного заключения», факт письменного подтверждения неявки по вызову, засвидетельствованный отказ от получения, а также в некоторых случаях зафиксированные попытки для установления местонахождения обвиняемого.

При этом участились случаи, когда защита в суде заявляла, что обвиняемый отказался от получения копии обвинительного заключения в виду отсутствия страниц, неполноты копии и других нарушений [7].

Другим интересным примером возвращения уголовного дела прокурору является присвоение обвинительному заключению, грифа «совершенно секретно». Копии обвинительного заключения были вручены обвиняемым и защитникам для ознакомления следователем, затем в порядке ст. 217 УПК РФ были переданы на хранение при уголовном деле, поскольку содержали сведения, которые составляют государственную тайну. С обвиняемых были отобраны подписки о их согласии на хранение в материалах дела копии обвинительного заключения. Однако, Верховный суд РФ признал это грубым нарушением ст. 222 УПК РФ. Поскольку присвоение грифа секретно не препятствует вручению копии обвинительного заключения обвиняемому и его защитнику, при соблюдении установленных правил обращения с секретными данными [8].

Также остается неурегулированным вопрос о необходимости вручения копии обвинительного заключения потерпевшему, представителю потерпевшего. Ряд ученых высказываются относительно вручения без заявления соответствующего ходатайства, однако, считаем, что данная процедура только создаст дополнительные проблемы в правоприменительной практике. А кроме этого потерпевший и его представитель имеют право на ознакомление с материалами дела. При наличии соответствующего ходатайства с их стороны следователь принимает решение о возможности ознакомления либо в полном объеме, либо в определенной части. Поскольку процессуальный закон регламентирует право потерпевшего получать копии документов лишь по тем следственным действиям, в которых непосредственно принимал

участие, полагаем, что у него отсутствует необходимость для получения копии обвинительного заключения.

Что касается возможности направления копии обвинительного заключения через отделения почтовой связи с уведомлением о вручении, то считаем данный способ не надлежащим по двум основаниям: повышенные риски разглашения сведений о предварительном следствии, а также частной жизни лица, кроме того в связи с нагрузкой на отделения почтовой связи копия обвинительного заключения может так и не достигнуть своего адресата.

Таким образом, остается не урегулирован вопрос о вручении копии обвинительного заключения обвиняемому, защитнику, потерпевшему и представителю потерпевшего. В связи с чем требуется дальнейшее изучение и восполнение существующих пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве.

Список литературы

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2019 N 203-АПУ19-12 // СПС «КонсультантПлюс» (либо <http://www.consultant.ru/>).

2. Постановление Президиума Хабаровского краевого суда по делу №44у-28/2018 от 12.02.2018 // СПС «КонсультантПлюс» (либо <http://www.consultant.ru/>).

3. Апелляционное определение Суда Ханты-Мансийского автономного округа – Бгры по делу № 22-98/2021 от 10.02.2021 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 475-О от 20.12.2005 // СПС «КонсультантПлюс» (либо <http://www.consultant.ru/>).

5. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 28 от 22.12.2009 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» // СПС «КонсультантПлюс» (либо <http://www.consultant.ru/>).

6. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 05.03.2004 № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (либо <http://www.consultant.ru/>).

7. Апелляционное определение Верховного суда Российской

*Федерации № 32-АПУ16-11сн от 15.09.2016 // СПС «КонсультантПлюс»
(либо <http://www.consultant.ru/>).*

*8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного
Суда РФ № 9-О06-83С от 13 ноября 2006 // СПС «КонсультантПлюс»
(либо <http://www.consultant.ru/>).*

© В.О. Стрельцова, 2022.

ТАКТИКА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И УГОЛОВНОГО ДЕЛА

*Супруненко Валерия Руслановна,
магистрант 3 курса*

*Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Научный руководитель:

Демидченко Юрий Викторович,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права

*Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: *в статье поднимается достаточно актуальная на сегодняшний день проблема о тактических аспектах прекращения уголовного дела и уголовного преследования. Обращается внимание на то, что единой позиции по отношению к пониманию данного института в науке уголовно-процессуального права не выработалось, несмотря на долгую историю его применения и развития в законодательстве. Опираясь на различные точки зрения, высказанные в науке, автор ставит цель постепенно исправлять сложившуюся ситуацию в сфере применения возможности прекращения уголовного дела путем усиления и прокурорского надзора, и судебного контроля в практике расследования преступлений. В том числе в ходе исследования были выявлены тактические рекомендации по своевременному прекращению уголовного дела.*

Ключевые слова: *уголовное дело, предварительное расследование, окончание уголовно-процессуальной деятельности, процессуальная гарантия, жизненный случай, юридический факт.*

TACTICS OF TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION AND CRIMINAL CASE

Suprunenko Valeriya Ruslanovna

Scientific adviser: Demidchenko Yuriy Viktorovich

Abstract: *the article raises a problem that is quite relevant today about*

the tactical aspects of the termination of a criminal case and criminal prosecution. Attention is drawn to the fact that there is no unified position in relation to the understanding of this institution in the science of criminal procedure law, despite the long history of its application and development in legislation. Based on various points of view expressed in science, the author proposes to gradually correct the current situation in the sphere of the possibility of termination of a criminal case by strengthening both prosecutorial supervision and judicial control in the practice of investigating crimes, including on the issue of timely termination of criminal cases when appropriate legal grounds for such a decision are identified at this stage.

Key words: *criminal case, preliminary investigation, termination of criminal proceeding activity, procedural guaranty.*

Современная практика искажает понимание сути прекращения уголовного дела в процессе расследования, придавая ему неэффективный результат работы следователя или дознавателя, свидетельствующий о незаконности возбуждения уголовного дела. Последнее время наблюдается тенденция крайне редкого использования органами предварительного расследования данной возможности, несмотря на то, что она является такой же обычной формой окончания расследования, как и направление дела прокурору.

Прекращение уголовного дела или уголовного преследования имеет целью обеспечить своевременное прекращение всякой процессуальной деятельности сразу же, как только будут установлены основания, исключающие производство по делу или позволяющие прекратить его. Причем, недопустимо ставить решение о прекращении уголовного дела в зависимость от решения об его возбуждении. Следователь и дознаватель, возбудив уголовное дело, в первую очередь должны обратить внимание, имеются ли основания для его прекращения и в ходе расследования проверять, не появляются ли в материалах дела обстоятельства, предусмотренные в ст. 24 – 28.1 УПК, и собирать доказательства, подтверждающие их.

Можно с уверенностью утверждать, что достижение примирения сторон становится лучшим решением по уголовно-правовому конфликту, так как оно не только принудительно разрешает, но и психологически регулирует возникший конфликт, оказывая важное влияние на предупреждение преступлений. Процедура примирительных переговоров позволяет следователю и дознавателю восстановить социальную

справедливость, выражающуюся в осознании обвиняемым, какие переживания он причинил своими действиями потерпевшему, и, реальном раскаянии в содеянном, принесении своих извинений, заглаживании причиненного преступлением вред. Такое посткриминальное поведение однозначно заслуживает поощрения со стороны государства.

В последние годы суды наиболее часто прекращают уголовные дела ввиду примирения потерпевшего с подозреваемым или обвиняемым, что полностью отражает соблюдение участниками уголовного процесса принципа состязательности равноправия сторон, предоставляя как стороне обвинения, так и стороне защиты возможность активно отстаивать свои права и добиваться скорейшего разрешения вопроса о прекращении уголовного дела или преследования.

Представляется необходимым дать легальное определение медиации в рамках уголовного законодательства, а также закрепить медиацию в качестве обязательного досудебного порядка урегулирования спора «де-юре». Подобная мысль законодателя прослеживается в проекте Федерального закона № 323209-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты российской федерации в целях совершенствования медиативной практики», где говорится о возможности заключать соглашение о досудебной медиации (медиативная оговорка), в случае наличия которой стороны не смогут обращаться ни в суды общей юрисдикции, ни в третейский, до тех пор, пока не будут исполнены условия данного соглашения [2].

Таким образом, в практической деятельности позитивную оценку со стороны руководства следственных органов получает только количество дел, направленных ими в суд, тогда как прекращенные дела рассматриваются, скорее, в качестве неэффективности в их работе. В суд, в угоду статистике направляются дела, в которых уже установлены реабилитирующие основания для их прекращения, что приводит к дополнительной процессуальной нагрузке на суды по прекращению уголовного дела (преследования), а также по реабилитации граждан.

Сложившаяся в настоящее время практика фактически игнорирует возможность принятия решений о прекращении дел и уголовного преследования при наличии таких оценочных оснований, рассчитанных на правомерное, профессиональное усмотрение следователя, дознавателя, искажая при этом смысл и назначение института прекращения уголовного дела и не давая всем участникам судопроизводства, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты реализовывать принадлежащие им права и возможности, обеспечивающие своевременность прекращения и

продолжительность расследования уголовного дела.

Можно было бы постепенно исправлять данную ситуацию путем усиления и прокурорского надзора, и судебного контроля. Например, при выявлении, обстоятельств, свидетельствующих об основаниях для прекращения уголовного дела, указанных в ст. 254 УПК, суд мог бы не только самостоятельно их прекращать, но и одновременно выносить частное постановление (определение) в адрес должностных лиц, осуществлявших процесс в досудебных стадиях и никак не отреагировавших на наличие в деле такого основания.

Кроме того, целесообразно и необходимо было бы наделить прокурора правом самостоятельно принимать итоговое решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Согласно этой идее прокуроры, утверждающие обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление обязаны, обращать особое внимание на наличие оснований для своевременного прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Данный вывод находит подтверждение в изменении роли прокурора в уголовном процессе, которая состоит в попытке разграничения функции расследования и поддержания обвинения в суде.

Это существенно снизит нагрузку на судей, и государственный обвинитель, если будет внимательно и профессионально относиться к своим должностным обязанностям, сможет сократить затраты на производство по конкретному уголовному делу, вовремя применив легальные возможности по прекращению уголовного дела (преследования).

Как отмечают практикующие юристы, прекращение производства сравнивается с потенциальным или возможным коррумпированным умыслом со стороны следователя (дознателя) при применении предоставленных ему полномочий. Боясь угрозы подозрения со стороны начальства в личной заинтересованности, органы предварительного расследования сознательно отказываются применять ст. 25 или ст. 28 УПК, что не соответствует назначению уголовного процесса в контексте соблюдения требований закона о защите обвиняемого от неправомерного и немотивированного уголовного преследования со стороны правоохранительных органов.

Остальные не реабилитирующие основания и следователями, и судом применяются значительно реже, и в этом проявляются определенные проблемы и непонимания, и правового регулирования. Например, ст. 75 УК и ст. 28 УПК предусматривают возможность

прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием, отражают сложные публично правовые отношения. Государство предъявляет уголовно-правовую претензию, и подозреваемый должен проявить раскаяние не перед конкретным человеком, которому он причинил вред, который может его услышать, понять, простить, а перед абстрактным государством [3, с.361].

Следует задать вопрос, кому же должен демонстрировать свое раскаяние подозреваемый? Он взаимодействует непосредственно с должностными лицами, ведущими процесс, поэтому именно от их собственной оценки в значительной мере и зависит возможность использования норм законодательства, регулирующих раскаяние подозреваемого.

Возможно, сложности установления, оценки и применения деятельного раскаяния создают объективные сложности для прекращения уголовных дел по этому основанию. Доказывать раскаяние и содействие раскрытию преступления значительно сложнее, чем принять немотивированное подсудимым согласие с предъявленным обвинением и, ничего не доказывая в судебном следствии, просто вынести приговор в порядке гл. 40 или даже 40.1 УПК, значительно упростив не только свою работу, но и работу всего механизма уголовного преследования и правосудия.

Поэтому следователи эту тактику расследования применяют намного чаще в ходе расследования уголовных дел. Достаточно убедить обвиняемого, что согласие с предъявленным обвинением существенно упростит судебное разбирательство и гарантированно обеспечит снижение наказания, и нет необходимости ни в примирении сторон, ни в прекращении дела в связи с применением иных мер уголовного воздействия, ни в связи с раскаянием или активным содействием расследованию. Но необходимо понимать, что такая несогласованность оснований к прекращению уголовного дела, их взаимозаменяемость приводит к тому, что все уголовные дела, даже имеющие обстоятельства, позволяющие прекращать дело, будут направляться в суд, а для суда это увеличение количества дел, как минимум на 20 %; перегрузка, уменьшение времени на рассмотрение более сложных дел [4, с.110].

Система оснований к прекращению уголовного дела продолжает развиваться. Основание, предусмотренное ч. 1 ст. 28.1 УПК, может быть применено только при производстве по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 198 – 199.1 УК, совершаемых в налоговой сфере физическими или должностными лицами, ответственными за

своевременную и полную уплату налогов и сборов. Поскольку подобные преступления причиняют ущерб бюджетной системе государства, законодатель предоставил возможность прекращения уголовного дела и освобождения от уголовной ответственности при условии, что подозреваемый или обвиняемый возместят причиненный ущерб в полном объеме, включающем уплату не только самой недоимки, но и уплату пеней и штрафов в размере, предусмотренном налоговым законодательством. Казалось бы, разумная мера: если ущерб бюджету полностью возмещен, более того, выплачены сверх того пени и штраф, то и опасность преступного деяния устранена, и нет смысла в применении уголовной ответственности [5, с.152].

Однако в практике применения уголовно-процессуального законодательства возникает существенная проблема. Освобождение должностного лица от уголовной ответственности за налоговое преступление и прекращение уголовного дела после фактического возмещения им ущерба в полном объеме оказывается не освобождает юридическое лицо от обязанности также (фактически, повторно) выплатить все указанные суммы в бюджет государства, но уже добровольно или в порядке принудительного взыскания посредством арбитражного судопроизводства. Казалось бы, при полном возмещении причиненного бюджету ущерба правонарушение нейтрализовано и исчезают сами основания для ответственности за данное деяние. Правовое регулирование налоговых и уголовно-правовых отношений никак не взаимосвязано в данном вопросе, что становится явным препятствием для активного применения ч. 1 ст. 28.1 УПК.

После одновременного применения и уголовной ответственности должностного лица, и налоговой ответственности юридического лица за то же деяние нередко юридическое лицо разоряется или теряет экономическую устойчивость, особенно если это происходит в сфере малого или даже среднего бизнеса, это приводит к ослаблению и дестабилизации инвестиционного климата в экономической сфере государства.

В 2016 г. законодатель ввел еще одно основание к прекращению уголовного дела (ст. 25.1 УПК), обусловленное появлением нового основания освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.2 УК).

Хочется отметить, что введение этой новеллы ненамного увеличило количество дел, прекращенных в досудебном производстве. Из Отчета о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за первое полугодие 2021 года по основанию ст. 25.1 УПК производство было прекращено по ходатайствам органов расследования

всего лишь в отношении 2,7% лиц (9 152 человека), чьи дела были рассмотрены судом с принятием итогового решения [1].

Подводя итог вышесказанному, можно прийти к выводу, что применение института, предусмотренного ст. 25.1 УПК, в досудебном производстве не востребовано, что заставляет сомневаться в целесообразности его существования среди других институтов, регламентирующих порядок прекращения уголовного дела. К примеру, основания и условия применения ст. 25 и 25.1 УПК весьма близки, однако ст. 25 УПК требует от подозреваемого, обвиняемого полного заглаживания вреда, причиненного потерпевшему, тогда как ст. 25.1 УПК требует сверх этого еще и уплаты значительного штрафа в доход государства [6].

Можно было бы и здесь дифференцировать подход законодателя. В случаях причинения преступлением вреда конкретному лицу, физическому или юридическому, можно было бы требовать от обвиняемого возмещения вреда в полном объеме и примирения с потерпевшим, что позволяло бы уголовное дело небольшой или средней тяжести прекратить по ст. 25 УПК. Если же преступлением такого рода вред причинялся бы интересам государства и этим определялась бы степень общественной опасности преступления при отсутствии конкретного потерпевшего по данному делу, в таких случаях можно было бы применять основание ст. 25.1 УПК и предлагать обвиняемому уплату штрафа в пользу государства как иную меру уголовно-правового воздействия, вместо привлечения к уголовной ответственности и наказания за данное деяние [1].

Тогда это была бы более последовательная и сбалансированная гуманизация уголовной ответственности за преступления небольшой или средней тяжести. В данном варианте регулирования очевидно, что ст. 25 УПК более гуманна к лицам, впервые совершившим преступления небольшой или средней тяжести.

Своевременно, обоснованное и мотивированное использование института прекращения уголовных дел способствует формированию в обществе чувства справедливости, повышению доверия людей к органам правоохранительной системы, в то же время помогает участникам уголовного судопроизводства рационально координировать свою работу и эффективно использовать процессуальное время.

Список литературы

1. Демидченко Ю.В., Никитенко К.И. Освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа: особенности и проблемы применения // *Евразийский юридический журнал*. 2019.

№ 10 (137). С. 207-209.

2. Демидченко Ю.В. Развитие отечественной модели института медиации как основание для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2019. № 8 (111). С. 123-125.

3. *Уголовный процесс: учебник* / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. А. В. Смирнова. – 7-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. – С. 351 - 374.

4. *Практика применения уголовно-процессуального кодекса РФ в 2 ч. Часть 1: практическое пособие* / В. М. Лебедев [и др.]; ответственный редактор В. М. Лебедев. – 8-е изд., – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – С. 105 - 134.

5. *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник* / Отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. – 3-е изд., – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2019. - С. 151 - 154.

6. Лавнов М.А. *Институт прекращения уголовного дела в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук.* – Саратов, 2015. – 24 с.

© В.Р. Супруненко, 2022

О ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

*Танская Марина Витальевна,
магистрант
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Палиев Владимир Борисович,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: процесс доказывания является важным этапом производства по уголовному делу. Это вызвано тем, что событие преступления и все обстоятельства его совершения уже случились, произошли в прошлом, их невозможно воспринять непосредственно - ни в момент возбуждения уголовного дела, ни в момент осуществления расследования, ни тем более на судебных и послесудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: доказывание, производство, уголовное судопроизводство, уголовное дело, расследование, оценка доказательств, доказательства.

ON PROBLEMATIC ISSUES OF PROOF IN CRIMINAL PROCEEDINGS

*Tanskaya Marina Vitalievna
Scientific supervisor: Paliev Vladimir Borisovich*

Abstract: the process of proof is an important stage of criminal proceedings. This is due to the fact that the event of the crime and all the circumstances of its commission have already happened, occurred in the past, they cannot be perceived directly - neither at the time of the initiation of a criminal case, nor at the time of the investigation, nor even more so at the judicial and post-judicial stages of criminal proceedings.

Keywords: proving, production, criminal proceedings, criminal case, investigation, evaluation of evidence, evidence.

Доказывание по уголовному делу составляет важнейшую и неотъемлемую часть уголовного процесса. Именно с этого основополагающего тезиса видится верным начать рассмотрение теории доказательств в уголовном процессе.

Действительно, доказывание – это и деятельность по обнаружению следов преступления и их закреплению, и деятельность по установлению участников и очевидцев случившегося, получению от них сведений о преступлении, и деятельность, связанная с применением специальных знаний для познания события преступления, и т.д. Все это верно. Однако если взглянуть на этот вопрос несколько шире, с профессиональной точки зрения, доселе вполне понятная картина претерпит существенные изменения.

Очевидно, что при расследовании и рассмотрении уголовного дела всегда приходится сталкиваться с событием прошлого, и его познание (получение знаний о нем) возможно лишь по тем материальным и нематериальным следам, которые были оставлены им в результате случившегося. Также не может вызывать возражений и то обстоятельство, что в ходе уголовно-процессуального доказывания необходимо обнаружить эти следы преступления, изъять или получить их в ходе специальных уголовно-процессуальных мероприятий (например, следственных и судебных действий), а также, убедившись в достоверности этой информации, приобщить ее в надлежащем порядке к материалам уголовного дела.

Содержание уголовно-процессуального доказывания составляет практическая деятельность суда, следователя, дознавателя и других участников уголовного судопроизводства, осуществляемая в форме складывающихся между ними уголовно-процессуальных отношений, направленная на познание обстоятельств уголовного дела.

Разрешение вопроса о достоверности доказательства находится в прямой зависимости от понимания того, что такое истина по уголовному делу. Представляется, что достоверным должно быть признано доказательство, степень вероятности сведений, содержащихся в котором, настолько велика, что обратное если и возможно, то не более чем на теоретическом уровне (так называемая практическая достоверность). А поэтому такой вероятностью можно пренебречь, признавая доказательство достоверным.

Основной особенностью проверки доказательств в сравнении с другими элементами процесса доказывания является то, что содержание проверочной деятельности в уголовном процессе подразумевает осуществление как практических, так и логических видов деятельности. В законе, как уже было указано, перечислены способы проверки доказательств. Выше они уже также были упомянуты. Следует определиться с сутью этих средств проверки доказательств. [3; С. 79]

В стадии предварительного расследования такими действиями являются:

1. следственный эксперимент (статья 181 УПК РФ) [1] – следственное действие, производимое следователем или дознавателем в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, возможности восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, выявления последовательности происшедшего события и механизма образования следов преступления, осуществляемое путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события;

2. очная ставка (статья 192 УПК РФ) - одновременный допрос двух ранее допрошенных лиц, в показаниях которых имеются существенные противоречия;

3. проверка показаний на месте (статья 194 УПК РФ) – следственное действие, производимое следователем или дознавателем в целях проверки и уточнения на месте, связанном с исследуемым событием, ранее данных показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля;

4. дополнительная экспертиза (статья 207 УПК РФ) – судебная экспертиза, производимая в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела, при недостаточной ясности и полноте первоначального заключения эксперта либо при возникновении новых вопросов, производство которой поручается тому же или другому эксперту. Совокупность доказательств свидетельствует о том, что И. с использованием горючей жидкости совершил поджог дачного дома с находившимися в нем телами его матери и сына Потерпевший, которые, по мнению суда, к моменту поджога дома (около 6 часов 02.01.2018), приведшего к его полному возгоранию, были мертвы. Вывод о наступлении смерти Потерпевшая и Потерпевший к 6 часам 02.01.2018 суд делает, опираясь на следующие доказательства.

Оценку доказательств в уголовном процессе можно определить как мыслительную деятельность судьи, присяжного заседателя, прокурора,

следователя или дознавателя по рассмотрению и установлению относимости, допустимости и достоверности каждого доказательства, а также достаточности всех доказательств, в основе которой лежит внутреннее убеждение субъекта оценки доказательств, а также закон и совесть.

Итак, оценка доказательств – это мыслительная деятельность, причем осуществляемая постоянно и непрерывно на протяжении всего производства по уголовному делу. Именно поэтому не стоит рассматривать оценку доказательств как нечто венчающее их собирание и проверку. Процесс оценки полученных сведений тесно переплетен с их собиранием и проверкой. Оценка доказательств осуществляется и в ходе их собирания, и в ходе проверки доказательств в ходе расследования, и на заключительном его этапе, когда следователь или дознаватель принимают решение об окончании производства следственных действий и направлении материалов дела прокурору, и прокурором, когда он оценивает достаточность доказательств для направления материалов уголовного дела в суд, и судом по итогам рассмотрения дела при принятии им решения по делу.

Оценка относимости доказательств состоит в выявлении связи между оцениваемым доказательством и устанавливаемым с его помощью фактом.

Оценка допустимости доказательств, что также уже установлено выше, не сводится только к формальному сопоставлению процессуального порядка получения и закрепления того или иного доказательства, описанного законом и примененного в данном случае. Конечно, и это подлежит оценке, то есть устанавливаются: законность источника доказательства, субъекта получения доказательства, порядка получения доказательства, формы закрепления данного доказательства в соответствующих процессуальных документах. Однако это еще не все.

В основе всей законодательной конструкции лежит уже ставшее привычным для нашего уголовного процесса положение о том, что ни одно доказательство не имеет какой-либо заранее установленной силы.

Противоположной свободной оценке доказательств является так называемая система формального доказывания, в которой все доказательства изначально, на уровне закона разделены на «совершенные» и «несовершенные».

Наличие у субъекта доказывания такого совершенного доказательства означает, что тезис о виновности является доказанным.

Нетрудно догадаться, что самым «совершенным» доказательством при формальном доказывании является признание обвиняемым своей

вины. При наличии такого доказательства другие доказательства не принимаются во внимание, и обвинение считается доказанным.

«Несовершенные» доказательства по своей значимости уступают «совершенным» и, образно говоря, представляют собой некую его часть. Так, если принять признание вины за единицу, то «несовершенное» доказательство представляло собой одну восьмую его часть, одну четверть или половину его значимости. Следовательно, в отсутствие признания достаточным было формально получить, например, четыре доказательства «стоимостью» в одну четверть значения «совершенного» доказательства, и виновность также считалась доказанной.

Согласно приговору Верховного Суда Республики Саха (Якутия) по делу № 2-16/2019 в результате выемки от 14.08.2019 г. были изъяты, осмотрены, признаны и приобщены в качестве вещественных доказательств журнал кассира-операциониста, акт инвентаризации и отчеты о закрытии ККТ, необходимые для проведенной по делу экономической судебной экспертизы. [6] Такие вещественные доказательства классифицируются как материальные. А согласно приговору Октябрьского районного суда г. Уфа по делу № 1-333/2019 копия заявления-анкеты свидетеля, ответы из Межрайонной Инспекции ФНС и из «УралСиб» и др. признаны и приобщены к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств, составленных конкретными лицами и содержащих сведения, имеющие значения для дела. [7] Поэтому такие вещественные доказательства классифицируются как личные.

Примером личных доказательств по уголовному делу № 1-127/2019 по п. «б» ч. 3 ст. 163 (вымогательство, совершенное в целях получения имущества в особо крупном размере), ст. 110 УК РФ (доведение до самоубийства) является предсмертная записка, в которой «подробно изложены причины ухода из жизни (основная причина – «не удалось договориться с Владимиром Павловичем») и совершенные в отношении него противоправные действия обвиняемых», а согласно экспертному заключению из содержания записки следует, что у погибшего было реактивное депрессивное состояние. [8] Предсмертная записка в деле по доведению до самоубийства является ключевым личным доказательством.

Рассмотренный пример наглядно демонстрирует практическую значимость классификации доказательств на личные и материальные для проверки и оценки выдвинутых версий по уголовному делу, правильной квалификации преступления и для удостоверения в событии преступления.

Таким образом, если сформулировать общий вывод, можно

констатировать, что первоначально как относимые могут быть оценены только прямые доказательства, тогда как оценка относимости косвенных доказательств всегда первоначально является предположительной, и окончательно сформировать вывод об относимости или не относимости таких сведений можно только в ходе производства по уголовному делу вместе с получением некоторого количества других доказательств по уголовному делу.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. 24.09.022) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
2. Зажицкий В.И. О нетрадиционных свойствах доказательств по уголовному делу / В.И. Зажицкий // Российская юстиция. – 2018. – N 2. – С. 20.
3. Машинская, Н.В. Законодательное регулирование использования сведений, полученных в ходе проверки сообщения о преступлении в качестве доказательств по уголовному делу, нуждается в совершенствовании / Н.В. Машинская // Адвокатская практика. –2017. – N 6. – С. 43.
4. Маслов, И.В. О математической модели оценки уголовно-процессуальных доказательств (постановка проблемы) / И.В. Маслов // Уголовное судопроизводство. – 2018. – N 1. – С. 9.
5. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 18.04.2019 по делу N 22-2815/2019 // http://oblsud.svd.sudrf.ru/modules.php?id=51&name=docum_sud (дата обращения: 15.10.2022)
6. Приговор Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 25.10.2019 г. по делу № 2-16/2019. Интернет-ресурс: судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3igVtvI8S6ml> (дата обращения: 27.10.2022)
7. Приговор Октябрьского районного суда г. Уфа (Республика Башкортостан) от 16.09.2019 г. по делу № 1-333/2019. Интернет-ресурс: судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fVFgMaVaUD5j> (дата обращения: 27.10.2022)
8. Приговор Элистинского городского суда (Республика Калмыкия) от 27.09.2019 г. по делу № 1-127/2019. Интернет-ресурс: судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PCJ0frDxvIlC> (дата обращения: 27.10.2022)

**О ПРОБЛЕМАХ ОСВОБОЖДЕНИЯ
ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ОБЕЩАНИЕ ИЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЕ
ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ**

Темникова Валерия Владимировна,
магистрант 3 курса
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:
Фоменко Ирина Владимировна
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: освобождение от уголовной ответственности за совершенное преступление является одним из векторов уголовно-правовой политики, целью которого является признание лица утратившим общественную опасность. Автором статьи поднимаются проблемные вопросы толкования нормы права об освобождении от уголовной ответственности применительно к обещанию или предложению посредничества во взяточничестве, когда в одном случае, при буквальном толковании нормы права, пресечение лицом преступления невозможно, а в другом – оснований для освобождения явно недостаточно. В завершении статьи автором предлагаются введение изменений, которые избавят правоприменителя от расширительного толкование уголовно-правового закона.

Ключевые слова: взятка, посредничество во взяточничестве, умысел посредника, основания освобождения от уголовной ответственности, пресечение преступления, деятельное раскаяние, разграничение оснований.

ABOUT THE PROBLEMS OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY FOR THE PROMISE OR OFFER OF MEDIATION IN BRIBERY

Temnikova Valeria Vladimirovna

Scientific adviser: Fomenko Irina Vladimirovna

***Abstract:** exemption from criminal liability for a committed crime is one of the vectors of criminal law policy, the purpose of which is to recognize a person who has lost public danger. The author of the article raises problematic issues of interpretation of the rule of law on exemption from criminal liability in relation to the promise or offer of mediation in bribery, when in one case, with a literal interpretation of the rule of law, the suppression of a crime by a person is impossible, and in another – the grounds for release are clearly insufficient. At the end of the article, the author proposes the introduction of changes that will save the law enforcement officer from an expansive interpretation of the criminal law law.*

***Key words:** bribe, mediation in bribery, intent of the intermediary, grounds for exemption from criminal liability, suppression of a crime, active repentance, delimitation of grounds.*

В настоящее время взяточничество является глобальной проблемой, представляющей общественную опасность, затрагивающей стабильность государственного управления и приводящей к дезорганизации в политической, экономической и социальной сферах жизни.

При таких обстоятельствах вопросы освобождения от уголовной ответственности за совершение посредничества во взяточничестве становятся особенно актуальными, в частности – верное применение и толкование правоприменителем нормы уголовного права, предусмотренной статьей 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, согласно Примечанию к названной статье, лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) пресечению преступления и добровольно сообщило о совершенном преступлении в орган, имеющий право возбудить уголовное дело [1].

Анализ приведенной нормы позволяет выделить два специальных требования для освобождения лица от уголовной ответственности:

- активное содействие раскрытию/пресечению преступления.
- добровольное сообщение о совершенном преступлении (она же -

явка с повинной).

Согласно закону, активное содействие раскрытию и расследованию преступления следует учитывать в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, если лицо сообщило органу предварительного расследования ранее не известные сведения о совершенном им преступлении. В то же время, для законодателя не имеют значения мотивы, побудившие лицо к раскаянию.

Не придаётся иной смысл данному понятию и Конституционным Судом Российской Федерации, согласно правовой позиции которого, как в уголовно-процессуальном, так и в уголовно-правовом значении под явкой с повинной понимается добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении [2].

Однако, проведённый анализ указывает на первую проблему: практическое применение исследуемых оснований освобождения лица от уголовной ответственности в связи с совершением преступления, предусмотренного частью 5 статьи 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации – обещание или предложение посредничества во взяточничестве.

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» четко отграничен момент окончания преступления, что, в свою очередь, позволяет строго отграничить направленность умысла посредника [3].

Умысел посредника, совершающего обещание или предложение, в соответствие с диспозицией статьи, направлен исключительно на предоставление информации взяточдателю или взятополучателю и, при квалификации в соответствии с указанной статьей, не обязательно должен быть связан с дальнейшей передачей денежных средств и иных ценностей.

В то же время, когда лицо, предложившее или пообещавшее передачу взятки, дополнительно совершает преступления, предусмотренные частями 1-4 статьи 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, содеянное квалифицируется в соответствие с частью 1-4 статьи 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации без совокупности с частью 5 статьи 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Таким образом, возникает проблема применения оснований освобождения от уголовной ответственности посредника за совершение преступления, предусмотренного частью 5 статьи 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: каким образом посредник, имеющий

умысел на совершение обещания или предложения, может пресечь указанное преступление в рамках правового поля? Ведь если посредник не совершит активных действий, составляющих объективную сторону преступления, то и его действия нельзя квалифицировать по части 5 статьи 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, из чего следует, что основания уголовной ответственности и вовсе не возникают, как нет уголовно-наказуемого деяния.

Таким образом, специальное положение об активном способствовании пресечения преступления непосредственно к части 5 статьи 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в части пресечения преступления неприменимо в связи с конструкцией самого состава.

Смоделируем еще одну интересную, но в правовом поле проблемную ситуацию: посредник совершает деяние, предусмотренное частью 5 статьи 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, затем совершает иные посреднические действия. В соответствии с п.13.5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24, такие действия квалифицируются без совокупности с частью 5 статьи 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [3].

Впоследствии, добровольно явившись с повинной, активно способствуя раскрытию и пресечению преступления, посредник имеет возможность получить освобождение от уголовной ответственности по части 1-4 статьи 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. А что делать с совершенным обещанием или предложением? Ведь этот состав уже окончен, лицо не пресекло совершение преступления, в сухом остатке из оснований останется явка и способствование расследованию преступления.

Мы полагаем, одних лишь способствования раскрытию преступления и явки с повинной недостаточно для освобождения от уголовной ответственности за оконченное преступление. Справедливым было бы использовать весь спектр оснований и обстоятельств, предоставленных уголовным законом, для решения вопроса об утрате лицом его общественной опасности. Наиболее подходящим основанием является деятельное раскаяние, когда лицо добровольно сообщает о совершенном обещании или предложении, активно способствует раскрытию и расследованию преступления, заглаживает вред, причиненный преступлением, и вследствие деятельного раскаяния перестает быть общественно опасным.

Предполагается, что решение данных проблем должно произойти в

процессе осуществления правоприменительной, судебной деятельности, однако, расширительное толкование уголовного закона недопустимо, применять можно лишь метод буквального толкования.

По нашему мнению, законодателю необходимо разграничить специальные основания для освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений по частям 1-4 статьи 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации от оснований по части 5 статьи 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. При совершении обещания и предложения в посредничестве невозможно способствовать пресечению уже совершенного преступления, а непредоставление соответствующей информации потенциальным взяточдателю и взяточполучателю вовсе не образует состав преступления.

Таким образом, для квалифицированного применения положений об освобождении от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного статьей 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, необходимо законодательно установить следующее разграничение:

Примечание 1. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное частями 1-4 статьи 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) пресечению преступления и добровольно сообщило о совершенном преступлении в орган, имеющий право возбудить уголовное дело.

Примечание 2. Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью 5 статьи 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольно сообщило о совершенном преступлении, активно способствовало раскрытию и расследованию преступления, загладило вред, причиненный преступлением, и вследствие деятельного раскаяния, с учетом обстоятельств, характеризующих поведение лица после совершения преступления, перестало быть общественно опасным.

Такое положение, по нашему мнению, максимально полно отразит основания освобождения от уголовной ответственности без возникновения существенных противоречий при буквальном толковании нормы закона.

Список литературы

1. *Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996 г. – № 25. – Ст. 2954.*

2. *Определение Конституционного Суда РФ от 23 июля 2020 года № 1928-О // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru>. (25.09.2022).*

3. *Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 (в редакции от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взятничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru>. (15.09.2022).*

© В.В. Темникова, 2022

УДК: 343.8

К ВОПРОСУ О МЕРАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БАНДИТИЗМУ

*Ханджян Лаврентий Артурович,
магистрант 3 курса
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Демидченко Юрий Викторович,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** статья посвящена основным проблемам противодействия бандитизму. На основании анализа статистических данных совершения преступлений, предусмотренных ст. 209 УК РФ автором делается вывод о необходимости совершенствования мер противодействию бандитизму. В статье сформулирован список профилактических мер как общего, так и специального характера.*

***Ключевые слова:** бандитизм, профилактика преступлений, общесоциальные меры, банда, преступная организация, специально-криминалистические меры.*

ON THE ISSUE OF MEASURES TO COUNTER BANDITRY

*Khanjyan Lavrenty Arturovich
Scientific adviser: Demidchenko Yuriy Viktorovich*

***Abstract:** The article is devoted to the main problems of countering banditry. Based on the analysis of statistical data on the commission of crimes under Article 209 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author concludes that it is necessary to improve measures to counter banditry. The article formulates a list of preventive measures of both general and special nature.*

***Keywords:** banditry, crime prevention, general social measures, gang, criminal organization, special criminalistics measures.*

Организованная преступность сегодня представляет собой один из главных факторов, оказывающих дестабилизирующее воздействие на общественную жизнь, препятствующих социально-экономическому развитию страны, угрожающим демократии и стабильности. Это явление оказывает негативное воздействие на криминогенную обстановку в целом, способствует росту количества свершенных преступлений и увеличению социальной опасности от преступных деяний, совершаемых в ее целях.

Особую опасность в организованной преступности представляет тот факт, что сферой ее интересов в настоящее время являются целые отрасли промышленности. По официальной статистике наибольшее количество преступлений совершается организованными преступными группами в металлургической, лесопромышленной, нефтедобывающей, алкогольной, сельскохозяйственной и табачной промышленности, а также в автомобильном бизнесе.

В соответствии со статистической отчетностью за первое полугодие 2022 г. организованными группами или преступными сообществами совершено 19,4 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений, причем их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий возрос с 9,7% в январе-августе 2021 г. до 11,3%. [1].

Бандитизм представляет собой одно из опасных проявлений организованной преступности. Это – сложное, особо тяжкое преступление против общественной безопасности.

Определение понятия бандитизма содержится в ст. 209 УК РФ, в которой сказано, что под бандитизмом понимается создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (бандой). [2].

Признаки, указанные в понятии, более детально раскрываются в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 17 января 1997 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм». Так, высшая судебная инстанция разъясняет, что «под бандой следует понимать организованную устойчивую вооруженную группу из двух или более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан или организации. Банда может быть создана и для совершения одного, но требующего тщательной подготовки нападения. Банда признается вооруженной при наличии оружия хотя бы у одного из ее членов и осведомленности об этом других членов банды». [3].

Уголовным законом в понятие бандитизма включены три самостоятельных состава преступления: создание банды, участие в составе банды и бандитизм, совершенный лицом с использованием своего

служебного положения.

Анализ показателей привлечения к ответственности по всем частям ст. 209 УК РФ показал, что уровень совершения бандитизма существенно снизился за последние пять лет: в 2016 году за совершение анализируемого преступного деяния было осуждено 108 человек, в 2017 г. – 88 человек, в 2018 г. – 79 человек, в 2019 г. – 68 человека, в 2020 г. – 53 человека, в 2021 г. – 65 человека. [1].

Однако, как известно официальная статистика не всегда правильно отражает реальное состояние преступности. В рамках анализа бандитизма это связано с наличием латентности данного вида преступлений, обусловленной, в основном, ошибками при квалификации совершенных фактов нападений на лиц и на объекты со стороны организованных преступных групп.

Между тем, крайне жестокие проявления бандитизма вызывают обеспокоенность в обществе и стремление органов государственной власти и управления обеспечения эффективного противодействия рассматриваемым преступным посягательствам.

При этом, определенная недооценка повышенной опасности бандитизма, сказывается на эффективности предупредительной работы силовых структур, а также практики назначения наказания членам бандитских нападений.

Как отмечают В.Н. Шапочанский, и С.Г. Еремеев борьба с бандитизмом на протяжении последних десятилетий является одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов; изменяется состав участников, локализация групп, формы их финансирования и внутренней организации, что делает изучение данной проблемы актуальной и в настоящее время. [4, С.150].

Так, в соответствии с отчетом МВД РФ в период с января по август 2022 г. усилия органов внутренних дел были сосредоточены в том числе на пресечении деятельности лидеров и активных участников организованных групп или преступных сообществ. [1].

В первую очередь, на наш взгляд, эффективность противодействия такому преступному деянию как бандитизм в своей основе включает знание о наиболее распространенных факторах, способствующих совершению этого преступления.

Проведенные учеными ВНИИ МВД России исследования позволяют выделить ряд обстоятельств, негативно влияющих на состояние организованной преступности и бандитизма в числе которых:

- консолидация преступной среды, повышение сплоченности

криминальных структур, в том числе межрегиональных;

- увеличение масштабов различных форм противоправного поведения, обусловленных корыстной мотивацией;

- совершение крупномасштабных посягательств на денежные средства и материальные ценности;

- переход значительной части организованных преступных структур в сферу легального бизнеса;

- расширение представителями бандподполья коррупционных отношений с представителями органов власти и управления, а также их повышенный интерес к непосредственному вхождению в органы власти в результате выборов, как на уровне субъектов федерации, так и муниципальном уровне;

- низкий уровень ведения оперативных разработок, заключающийся в том, что первичные материалы не получают своего подтверждения либо в ходе разработок, утрачивается активность, и в результате удаётся привлечь к уголовной ответственности лишь рядовых исполнителей;

- недостаточный уровень взаимодействия оперативных служб правоохранительных органов в борьбе с данной преступностью, автономный и односторонний характер работы в данном направлении, заключающийся в основном в обмене оперативной информацией и др. [4, С. 152].

Как отмечает А.В. Никитин в противодействии бандитизму можно выделить два уровня воздействия – общесоциальный и специально-криминологический, при этом первый является основой для второго, а осуществляться они должны в тесном взаимодействии. [5, С. 757].

Общесоциальная стратегия борьбы с бандитизмом представляет собой комплекс обеспечивающих действие антикриминогенных факторов социальных, экономических, правовых, организационных и иных мер, направленных на снижение социальной напряженности населения, повышение его материального уровня, повышение культуры и сознательности граждан.

К общесоциальным мерам можно отнести: выявление лиц, имеющих желание вступить в преступные формирования; проведение профилактических бесед с указанными лицами; осуществление контроля за лицами, склонными к вступлению в банды в силу своих каких-либо личностных характеристик и убеждений; формирование добровольных объединений граждан, которые будут обеспечивать правопорядок; создание центров профилактики такой деятельности и другие.

В рамках специально-криминологических мер необходимо выделить следующие:

- прогнозирование процессов формирования преступных структур бандитской направленности;
- специальные мероприятия, направленные на предотвращение и пресечение организованных преступлений, на их раскрытие по «горячим следам» и задержание преступников;
- разобшение криминальных структур;
- устранение условий, благоприятных для деяний организованных преступных групп.

Подводя итоги, следует отметить, что современное состояние бандитизма не исключает необходимость совершенствования уголовно-правовых и иных мер противодействия указанному социально-правовому явлению, где особого внимания заслуживают неотвратимость и соразмерность уголовной ответственности организаторов и участников банд с учетом принципов индивидуализации и дифференциации наказания.

Список литературы

1. *Состояние преступности в Российской Федерации за январь-август 2022 года // Официальный сайт МВД РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus> (дата обращения 15.10.2022).*
2. *Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1996. №25. Ст. 2954.*
3. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 17 января 1997 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. №3.*
4. *Шапочанский В.Н., Еремеев С.Г. Возможности противодействия бандитизму: современный взгляд на проблему // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2021. – №2 (43). – С. 149-154.*
5. *Никитин А.В. О противодействии бандитизму // Аллея науки. – 2018. – №10 (26). – С. 756-761.*

© Л.А. Ханджян, 2022.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРЖДЕННОГО РЕБЕНКА И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Шабунина Дарья Дмитриевна,
магистрант

*Ростовского государственного экономического университета
(РИНХ)*

Научный руководитель:
Серегина Елена Владимировна,
к.ю.н, доцент

*Ростовского государственного экономического университета
(РИНХ)*

***Аннотация:** в рамках настоящей статьи проведен анализ положений действующего уголовного законодательства России, судебной практики и правовой доктрины, раскрывающих отдельные проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка. В ходе исследования были предложены варианты разрешения выявленных пробелов правового регулирования, которые могут быть использованы законодателем при совершенствовании уголовного закона.*

***Ключевые слова:** квалификация, убийство матерью новорожденного ребенка, детоубийство, во время родов, сразу же после родов, психическое расстройство, не исключающее вменяемости, психотравмирующая ситуация.*

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF MURDER BY A MOTHER OF A NEWBORN CHILD AND POSSIBLE WAYS OF THEIR RESOLUTION

Shabunina Darya Dmitrievna

Scientific supervisor: Seregina Elena Vladimirovna

***Abstract:** within the framework of this article, the analysis of the provisions of the current criminal legislation of Russia, judicial practice and legal doctrine, revealing certain problems of qualification of the murder of a newborn child by a mother, is carried out. In the course of the study, options were proposed for resolving the identified gaps in legal regulation, which can*

be used by the legislator when improving the criminal law.

Key words: *qualification, murder by the mother of a newborn child, infanticide, during childbirth, immediately after childbirth, mental disorder that does not exclude sanity, a traumatic situation.*

Уголовная ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка предусмотрена ст. 106 УК РФ, в соответствии с которой наказание предусмотрено за убийство новорожденного во время или сразу же после родов, а равно в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Анализ санкции ст. 106 УК РФ свидетельствует о том, что состав убийства матерью новорожденного ребенка, законодатель причисляет к «привилегированным» [1, с. 78].

Судебная практика по таким делам не многочисленна, о чем свидетельствуют данные официальной статистики об уголовных делах по ст. 106 УК РФ: в 2019 г. по данной норме уголовного закона было осуждено 26 человек, в 2020 г. – 29 человек, в 2021 г. – 26 человек, из которых свободы были лишены 5 человек, 9 человек, 15 человек соответственно [2]. При этом приведенные данные не отражают реальной картины совершаемых детоубийств. Низкий уровень выявления, регистрации, раскрытия и расследования фактов посягательств на жизнь детей предопределяет высокую латентность соответствующих преступлений и фактическую безнаказанность виновных [3, с. 176].

В правоприменительной практике иногда возникают отдельные вопросы, связанные с правильной квалификацией действий субъекта преступления, направленных на умышленное лишение смерти новорожденного ребенка. Проблемы квалификации преступления обусловлены многими аспектами, связанными с отдельными обстоятельствами произошедшего.

Анализ содержания ст. 106 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что убийство может произойти при различных обстоятельствах: во время или сразу же после родов; в условиях психотравмирующей ситуации; в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Данное положение может свидетельствовать о существовании трех разных видов убийств, совершаемых в рамках одной и той же нормы уголовного закона. К примеру, первый случай совершения детоубийства подразумевает наличие временного промежутка, ограниченного категориями «во время родов» и «сразу же после родов». Если с понятием

«во время родов» все более-менее понятно (промежуток очерчен началом и окончанием родильного процесса), то с понятием «сразу же после родов» возникают проблемы, т.к. может означать в ближайшие секунды, минуты, часы, дни или же недель. На наш взгляд, «сразу же после родов» непосредственно связывается с содержанием правового статуса новорожденного ребенка, определение которого также не раскрыто в законе.

Поскольку законодатель рассматривает новорожденность фактически в качестве возраста, основной для практики проблемой является установление его границ. Началом этих границ можно считать момент отделения плода от организма матери посредством родов, о чем свидетельствует положение ч. 1 ст. 53 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4]. По поводу конечной границы новорожденности и в юридической литературе, и на практике имеется несколько различных мнений. В настоящее время общим подходом к определению возраста окончания новорожденности является установление такого возраста ребенка в 1 месяц [5, с. 65].

По нашему мнению, отсутствие в законе критериев определения границ новорожденности является правовым пробелом. Преодолеть последний можно посредством внесения изменений в ст. 106 УК РФ, в частности мы предлагаем добавить в данную норму примечание следующего содержания: «Под новорожденным ребенком следует понимать ребенка, возраст которого определяется от момента отделения плода от организма матери посредством родов до истечения одного месяца».

Временной критерий «сразу же после родов» не может быть никак раскрыт в законе, т.к. данная категория носит больше субъективный характер и должна определяться судом при каждой квалификации преступления индивидуально. Вместе с этим анализ судебной практики показывает, что убийство сразу же после родов происходит, как правило, в пределах нескольких минут, а иногда – нескольких часов. Например, приговором Таганского районного суда г. Москвы подсудимая была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ: суд установил, что в результате преступных действий Атакуловой новорожденный ребенок мужского пола в период времени с 12 часов 30 минут 11.11.2014 года по 06 часов 10 минут 12.11.2014 года скончался [6].

Отдельные вопросы при квалификации преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, вызывает психотравмирующая ситуация, понятия которой в законе нет [7]. Такая ситуация может возникнуть в силу

различных обстоятельств, оказывающих негативное воздействие на поведение матери: например, внутрисемейные конфликты; злоупотребление алкоголем, наркотиками или иными запрещенными веществами; наличие серьезной болезни и др. Правильное определение наличия психотравмирующей ситуации зависит от установления отдельных факторов, повлиявших на формирование у подсудимой мотива на убийства своего новорожденного ребенка.

Состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости, представляет собой неожиданно возникающий «эмоциональный взрыв» непосредственно во время родов или сразу после них. К такого рода расстройствам можно относить, например, временные психические расстройства, нередко выраженные хронические психические расстройства, психические аномалии и иные болезненные состояния психики, в том числе алкоголизм и наркомания.

Отдельного внимания заслуживает проблема отсутствия нормы, устанавливающей уголовную ответственность за убийство нескольких новорожденных детей, ведь женщина, несмотря на небольшое количество таких случаев, может родить двойню или тройню. Не урегулирование данного вопроса может привести к квалификации подобных действий в качестве установленного привилегированного состава по ст. 106 УК РФ [8, с. 308], что, на наш взгляд, недопустимо. В связи с этим полагаем возможным дополнить ст. 106 УК РФ новой частью 2 в следующей редакции: «то же деяние, совершенное в отношении двух и более новорожденных, наказывается лишением свободы на срок от пяти лет до десяти лет».

Также полагаем, что ст. 106 УК РФ требует своей конкретизации относительно установления прямой взаимосвязи между субъектом преступления и потерпевшим. Безусловно, судебно-следственная практика и общее представление о сущности детоубийства дают основания полагать, что речь идет об убийстве матерью ребенка, которого она же и родила. Вместе с этим буквальное толкование диспозиции ст. 106 УК РФ позволяет свидетельствовать о том, что женщина (мать) убивает новорожденного ребенка. На наш взгляд, в содержание нормы следует добавить привязку и изложить ее в следующем виде: «Убийство матерью своего новорожденного ребенка...».

В такой редакции возникновение теоретических споров относительно возможности квалификации действий женщины по убийству любого новорожденного ребенка исключается ввиду прямого законодательного урегулирования данного вопроса.

Таким образом, квалификация деяния по ст. 106 УК РФ на практике может вызывать ряд вопросов, обусловленных наличием оценочных категорий в самом составе преступления (например, «сразу же после родов», «психотравмирующая ситуация»). В каждом отдельном случае уполномоченные органы и должностные лица должны квалифицировать соответствующие действия с учетом всех обстоятельств дела. Проблемы, которые были обнаружены и изложены нами в ходе исследования, могут быть устранены путем совершенствования содержания нормы ст. 106 УК РФ в соответствии с предложениями, указанными в настоящей работе.

Список литературы

1. Серегина Е.В. Проблемы эффективности уголовно-правовых норм об ответственности за убийства при смягчающих обстоятельствах // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2010. – №2. – С. 77-81.
2. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 31.10.2022 г.).
3. Серегина Е.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты охраны жизни новорождённого ребенка: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 219 с.
4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 31.10.2022 г.).
5. Добрикова Н.В. Новорожденность как специфическое описание возраста в уголовном праве // Инновационная наука. – 2018. – № 10. – С. 63-66.
6. Приговор Таганского районного суда г. Москвы от 07.05.2015 г. по делу № 1-171/2015 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 31.10.2022 г.).
7. Живодрова Н.А., Безруков А.В., Абрамова Е.А. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка и возможные пути решения // Наука. Общество. Государство. – 2018. – Т. 6. – № 1 (21). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения 31.10.2022 г.).
8. Лапердина М.С. Убийство матерью новорожденного ребенка: проблемы квалификации и правоприменения // Молодой ученый. – 2022. – № 2 (397). – С. 307-309.

© Д.Д. Шабунина, 2022.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

*Шуаев Салим Алилович,
магистрант 3 курса
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Цой Бронислав Алексеевич,
к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** обвиняемый выступает в качестве центральной фигуры досудебной части уголовного судопроизводства, поскольку все уголовно-процессуальные действия связаны с данным участником. Законодатель определяет обвиняемого как участника со стороны защиты и посвящает ему ряд статей и положений. Анализ уголовно-процессуального закона показал, что на сегодняшний день отсутствует определение данного участника, а статья, посвященная ему, лишь перечисляет основания появления обвиняемого в уголовном процессе. В связи с чем, на основе положений закона и мнений ученых авторами предлагается понятие обвиняемого.*

***Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, законодатель, участник, защита, определение, обвиняемый.*

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT OF THE ACCUSED IN CRIMINAL PROCEEDINGS

*Shuaev Salim Alilovich
Scientific adviser: Choi Bronislav Alekseevich*

***Abstract:** the accused acts as a central figure in the pre-trial part of criminal proceedings, since all criminal proceedings are associated with this participant. The legislator defines the accused as a participant on the part of the defense and dedicates a number of articles and provisions to him. An analysis of*

the criminal procedure law showed that today there is no definition of this participant, and the article devoted to him only lists the reasons for the appearance of the accused in the criminal process. In this connection, on the basis of the provisions of the law and the opinions of scientists, the authors propose the concept of the accused.

Key words: *criminal proceedings, legislator, participant, defense, definition, accused.*

На протяжении всей истории уголовного процесса обвиняемый, как участник уголовного судопроизводства, всегда привлекал пристальное внимание ученых-процессуалистов.

Так, С.В. Познышев, при сравнении инквизиционного и состязательного процессов указал на тот факт, что «лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, является равноправной с обвинителем стороной, при этом отмечая, что законодательно процессуальные фигуры обвиняемого и подсудимого в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года не разграничиваются» [1, с. 45].

Н.Н. Рогозин рассматривал обвиняемого как «лицо, против которого ведется процесс, отмечая, что для того, чтобы быть наделенным статусом стороны, он должен обладать определенной совокупностью признаков, а именно: способностью быть субъектом правоотношения, т.е. обладать процессуальной правоспособностью; способностью влиять на движение уголовного дела, т.е. реализуя права порождать определенные юридически значимые последствия (процессуальная дееспособность)» [2, с. 89].

В развитие концепции Н.Н. Рогозина, И.Я. Фойницкий отмечал, что «процессуальная правоспособность обвиняемого совпадает в уголовном процессе с материально-правовым понятием субъекта преступления» [3, с. 12]. А Вл. Случевский предлагал считать обвиняемыми «лиц, в отношении личной виновности которых обнаруживаются достаточные данные и притом с соблюдением установленного на этот предмет процессуального порядка» [4, с. 35].

Такое внимание к персоне обвиняемого объясняется сущностью всей уголовно-процессуальной деятельности, где среди всех участников, заинтересованных в исходе уголовного дела, именно обвиняемый вступает центральной фигурой, поскольку он потенциальный объект применения мер уголовной ответственности, а также мер уголовно-процессуального принуждения.

По справедливому мнению, И.В. Смольковой, «обвиняемый является

одной из ключевых процессуальных фигур на протяжении почти всего уголовного судопроизводства» [5, с. 44-52].

В Определении Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2005 г. № 473-О «Об отказе в принятии к рассмотрению гражданина жалобы Корчагина Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»» указывается что «Конституция Российской Федерации исходит из особого статуса этого субъекта уголовно-процессуальных отношений и необходимости установления дополнительных гарантий защиты его законных интересов. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 1 декабря 1999 года № 211-О по жалобе гражданина К.О. Барковского, нормы отраслевого законодательства, в том числе Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», не могут применяться в отношении обвиняемого без учета особенностей его правового положения, в том числе вытекающих из предписаний статей 48, 49 и 51 Конституции Российской Федерации; иное не только противоречило бы требованиям названных статей Конституции Российской Федерации, но и умаляло бы достоинство личности как основу признания и уважения ее прав и свобод (статья 21, часть 1, Конституции Российской Федерации)» [6].

Несмотря на большое количество публикаций, посвященных процессуальному статусу данного участника, все же вопрос о понятии обвиняемого остается дискуссионным. Для начала обратимся к нормам закона. Так, ч. 1 ст. 47 УПК РФ определяет, что «обвиняемым признается лицо, в отношении которого: 1) вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого; 2) вынесен обвинительный акт; 3) составлено обвинительное постановление» [7].

Как можно заметить, законодатель дает не определение обвиняемого, а называет три случая его появления в уголовном судопроизводстве. Однако, в юридической литературе называется еще одно основание появления обвиняемого в уголовном судопроизводстве: при производстве по уголовному делу частного обвинения. Следует отметить, что данное основание не названо в ч. 1 ст. 47 УПК РФ. Авторы, придерживающиеся данной точки зрения, в качестве аргументов приводят разные объяснения. Ю.В. Свиридова отмечает, что «статус обвиняемого лицо, в отношении которого подано заявление частным обвинителем, приобретает с момента принесения последним такого заявления» [8, с. 32-36]. С такой точкой зрения трудно согласиться, т.к. момент принесения заявления не является той отправной точкой появления обвиняемого, ведь принесение заявления

не создает правовое основание появления уголовно-процессуальных отношений.

Итак, действующий УПК РФ не дает определения обвиняемого, в связи с чем, в науке уголовного процесса появились различные трактовки данного участника.

М.Ю. Чупахина, проанализировав международную практику толкования понятий «обвиняемый», выраженную в решениях Европейского Суда по правам человека, приходит к выводу о том, что «орган международной юрисдикции ориентируется не столько на формальное, сколько на фактическое положение гражданина в уголовном процессе, без установления связи с осуществлением действий по предъявлению обвинения, характерных для российского уголовного процесса, с учетом чего ею предлагается использование понятия «обвиняемый» в качестве родового для всех лиц, подвергнутых уголовному преследованию, в том числе подозреваемых, подсудимых и осужденных» [9, с. 108-111]. Данная точка зрения весьма спорна, т.к. в ней отсутствует юридическое основание приобретения лицом статуса обвиняемого (лицо становится обвиняемым только после того, как в его отношении собрана достаточная доказательственная база, подтверждающая его причастность, и на основании которых он привлекается к уголовной ответственности).

А.В. Смирнов считает, что «понятие обвиняемого в статье 47 УПК РФ используется в узком, технико-юридическом смысле, когда обвиняемым лицо признается только тогда, когда в отношении него вынесены такие процессуальные документы, как постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительный акт или обвинительное постановление» [10, с. 367]. Автор полагает, что «при определении понятия обвиняемого нужно исходить из содержательного, а не формального понимания обвинения, учитывая не только официальное уведомление об обвинении, но и иные меры, связанные с подозрением в совершении преступления, которые влекут серьезные последствия или существенным образом сказываются на положении подозреваемого» [10, с. 367].

О.В. Качалова, приходит к выводу, что «при определении понятия обвиняемого не учитывается направленная против конкретного лица обвинительная деятельность, которая может подтверждаться постановлением о возбуждении уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий и иными мерами, предпринимаемыми в целях изобличения человека в совершении

преступления. Поскольку такие действия направлены на выявление фактов и обстоятельств, уличающих лицо в совершении преступления, ему должна быть безотлагательно предоставлена возможность обратиться за помощью к адвокату (защитнику). Тем самым обеспечиваются условия, позволяющие этому лицу получить должное представление о своих правах и обязанностях, и о выдвигаемом против него обвинении» [11, с. 183].

По мнению А.П. Рыжакова, «обвиняемым лицо становится сразу после подписания уполномоченным на то должностным лицом законного и обоснованного постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого либо после утверждения начальником органа дознания обвинительного акта или обвинительного постановления. Обвиняемым лицо становится вне зависимости от того, известно ли ему о вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного акта, обвинительного постановления или нет» [12, с. 78].

Н.Б. Лагуткина определяет обвиняемого, как «участника уголовного судопроизводства со стороны защиты, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, участвующий на всех стадиях уголовного судопроизводства после возбуждения уголовного дела, в отношении которого собраны достаточные доказательства для обвинения его в совершении инкриминируемого преступления и следователем вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, а дознавателем – обвинительный акт, обвинительное постановление и наделенный определенным кругом прав и обязанностей» [13, с. 131-138].

Исходя из положений действующего законодательства и приведенных мнений ученых-процессуалистов, представляется возможным дать следующее определение обвиняемого как участника уголовного судопроизводства – это физическое лицо, которому органами расследования предъявлено обвинение, путем его ознакомления с соответствующими процессуальными актами (постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительный акт и обвинительное постановление). При этом, появление обвиняемого и момент вынесения процессуальных документов о привлечении в качестве обвиняемого это несовпадающие категории, т.к. пока лицо не будет ознакомлено с данными документами он находится в процессуальном статусе подозреваемого.

Список литературы

1. Познышев, С.В. *Элементарный учебник русского уголовного процесса.* – М., 1913. – 256 с.
2. *Рогозин, Н.Н. Уголовное судопроизводство.* – СПб., 1916. – 345 с.

3. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. – 145 с.
4. Случевский, Вл. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство. – СПб., 1910. – 278 с.
5. Смолькова, И.В. Понятие обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2016. – № 2 (77). – С. 44-52.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2005 № 473-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корчагина Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»» // СПС «Консультант Плюс»
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
8. Свиридова, Ю.В. Применение особого порядка судебного разбирательства // Уголовный процесс. – 2005. – № 8. – С. 32-36.
9. Чупахина, М.Ю. Толкование понятий «обвинение» и «обвиняемый» в решениях Европейского Суда по правам человека // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. – 2017. – № 2 (71). – С. 108-111.
10. Смирнов, А.В., Калиновский, К. Б. Комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Смирнова. – М.: Юрайт, 2004. – 578 с.
11. Качалова, О.В. Комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. – М.: Юристъ, 2007. – 276 с.
12. Рыжаков, А.П. Субъекты (участники) уголовного процесса. – М.: Дело и Сервис, 2018. – 267 с.
13. Лагуткина, Н.Б. Процессуальный статус обвиняемого в уголовном судопроизводстве России // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2016. – № 31. – С. 131-138.

© С.А. Шуаев, 2022.

ОТНОСИМОСТЬ ПОКАЗАНИЙ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО

*Янова Ирина Владимировна,
магистрант 3 курса
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Демидченко Юрий Викторович,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** статья посвящена анализу относимости как одного из критериев доказательств в уголовном процессе. На основании проведенного исследования автором предлагается определение относимости показаний подозреваемого и обвиняемого и определяется круг вопросов, позволяющих оценить относимость указанных доказательств.*

***Ключевые слова:** показания, допрос, относимость доказательств, подозреваемый, обвиняемый.*

THE RELEVANCE OF THE TESTIMONY OF THE SUSPECT AND THE ACCUSED

*Yanova Irina Vladimirovna
Scientific adviser: Demidchenko Yuriy Viktorovich*

***Abstract:** The article is devoted to the analysis of relevance as one of the criteria of evidence in criminal proceedings. Based on the conducted research, the author proposes a definition of the relevance of the testimony of the suspect and the accused and determines the range of issues that allow assessing the relevance of the evidence.*

***Keywords:** testimony, interrogation, relevance of evidence, suspect, accused.*

В соответствии со ст. 88 УПК РФ, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, а все собранные в ходе расследования преступления доказательства оцениваются с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела.

Говоря о критерии относимости показаний, следует отметить, что теория и практика уголовного процесса исходит из того, что первоначально оценке подвергается именно относимость доказательства, затем его допустимость, достоверность и достаточность.

Одни авторы полагают, что относимость – это способность доказательства устанавливать обстоятельства, имеющие значение для расследования уголовного дела (Ю.К. Орлова, Л.В. Клейман, В.А. Лазарева). [1, с. 4].

Другие утверждают, что «относимость – это свойство доказательств, устанавливающее связь между фактическими данными, имеющими место на момент расследования преступления, с обстоятельствами расследуемого уголовного дела, которые были приобретены их носителем в результате взаимодействия с выясняемым по делу фактом и обладают в силу этого способностью указывать на этот факт» (Н.А. Громов и С.А. Зайцева). [2, с. 38].

Как отмечает И.Б. Михайловская: «Относимость доказательства означает его пригодность устанавливать факты, являющиеся предметом доказывания, поскольку существует логическая связь между сведениями, которые составляют содержание доказательства, и тем, что нужно установить, чтобы правильно разрешить уголовно-правовой конфликт». [3, с. 101].

Нормативной основой оценки относимости доказательств являются статьи уголовно-процессуального закона, определяющие предмет доказывания. Круг обстоятельств, связь с которыми придает доказательству свойство относимости, содержится в ст. 73 УПК РФ, но не исчерпывается ей.

Для признания доказательства относящимся к делу не имеет значения, с каким из подлежащих доказыванию обстоятельств оно связано. Этим свойством обладают все доказательства, которые так или иначе способны подтвердить или опровергнуть любой из элементов состава преступления, а также другие обстоятельства, необходимость доказывания которых может возникнуть по конкретному делу. Круг относимых доказательств чрезвычайно широк, поскольку именно из них формируется та необходимая и достаточная совокупность доказательств, которая

обеспечивает надежное, полное и точное установление каждого обстоятельства, имеющего значение для дела.

Доказательство является относимым, если оно указывает на факт, непосредственно входящий в предмет доказывания, а равно на промежуточные факты, из которых выводным путем устанавливается главный факт. [4, с. 61].

Критерий оценки относимости такого источника доказательств, как показания подозреваемого и обвиняемого, следует исходить из его содержания. Так же, как и при определении относимости доказательств вообще, между содержанием показаний подозреваемого и обвиняемого должна

Право обвиняемого давать показания по предъявленному обвинению, выражать свое отношение к уже имеющимся в деле доказательствам, рассказывать о других известных ему обстоятельствах, которые, по его мнению, имеют значение для дела, само по себе не гарантирует относимость показаний. Показания должны оцениваться с учетом того, что, реализуя свое право давать показания, обвиняемый одновременно реализовывает свое право на защиту, способ которой, согласно закону, он определяет самостоятельно.

Кроме того, следует учитывать, что любые показания обвиняемого, даже напрямую не относящиеся к расследуемому событию, будут относимыми в том смысле, что по ним можно сделать определенные выводы, например, о личности обвиняемого. Это связано с тем, что всякое общение предполагает проявление личностных свойств человека, его характера, уровня воспитания, образования, мировоззрения, образа жизни, возможных заболеваний и т. д. быть установлена связь с обстоятельствами уголовного дела.

На момент возбуждения дела имеются признаки совершенного преступления, представляющие лишь отрывочные и неполные сведения. В такой ситуации относимости доказательств, которые прямо указывают на событие преступления, или виновность лица очевидна. Иная ситуация возникает, когда речь идет о доказательствах, которые указывают на промежуточные факты. Каждому такому доказательству в отдельности может быть дано несколько взаимоисключающих толкований. Поэтому оценка их относимости может меняться с появлением новых сведений об обстоятельствах расследуемого преступного деяния.

Относимость как свойство косвенного доказательства проявляет себя в форме предположительного, а не окончательного суждения о наличии или отсутствии связи между ним и искомыми фактами.

Как полагает старший следователь А.В. Гарусов «в некоторых случаях подобные сведения дают направление для дальнейшего расследования. Они могут указывать на необходимость проведения следственных действий, которые следователь или дознаватель ранее планировал, на тактику их проведения. Эти показания могут способствовать доказыванию других обстоятельств, входящих в предмет доказывания, например, обстоятельств, способствовавших совершению преступления, смягчающих и отягчающих наказание, мотивы совершения преступления». [5, с. 63].

Оценивая относимость показаний подозреваемого, необходимо выяснить отличие относимых данных и данных, выходящих за рамки конкретного уголовного дела.

При оценке указанных показаний на предмет их относимости определяется их способность прямо или косвенно устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию, наличие объективных связей между ними. При этом, на формирование внутреннего убеждения об относимости показаний обвиняемого оказывают влияние результаты решения следующих вопросов:

а) входит ли обстоятельство, для установления которого используется информация, исходящая от обвиняемого, в предмет доказывания (или в число промежуточных и иных вспомогательных фактов);

б) позволяет ли содержание этих фактических данных установить данное обстоятельство;

в) содержится ли в показаниях информация, которая может вывести на иные обстоятельства, имеющие значение для дела.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что под относимостью показаний подозреваемого и обвиняемого следует понимать такое его обязательное правовое свойство, которое означает связь между содержанием доказательства (фактическими данными) и обстоятельствами, имеющими значение для правильного расследования и разрешения уголовного дела.

Следовательно, в процессе расследования уголовного дела будет важна любая информация, поступающая от подозреваемого и обвиняемого. Проверяя и оценивая показания данных лиц, с точки зрения относимости следует установить взаимосвязь сведений как с обстоятельствами, подлежащими доказыванию, так и с другими обстоятельствами, имеющими значение для принятия правильного решения по уголовному делу. Таким образом, показания подозреваемого и обвиняемого станут

относимыми, если полученное сообщение может устанавливать любой факт или обстоятельство, имеющее значение для правильного разрешения дела.

Список литературы

1. Клейман Л.В. Установление относимости доказательств при расследовании преступлений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Л.В. Клейман. – Омск. – 2000. – 22 с.

2. Громов Н.А. Оценка доказательств в уголовном процессе / Н.А. Громов, С. А. Зайцева. – М.: Издательство ПРИОР. – 2002. – 81 с.

3. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. – М.: Проспект. – 2006. – 189 с.

4. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для вузов / В.А. Лазарева. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт. – 2022. – 302 с.

5. Оценка показаний участников уголовного судопроизводства, заинтересованных в исходе дела [Текст]: монография / А.В. Гарусов, С.У. Дикаев. – Москва: Юрлитинформ. – 2019. – 120 с.

© И.В. Янова, 2022.

МЕДИАЦИЯ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

*Дараселия Елизавета Васильевна,
Магистрант 3 курса
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель:
Коблева Мария Мухадиновна
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: В статье рассмотрены принципы медиации и их соотношение с принципами уголовного судопроизводства. Ставится вопрос об определении места медиации в системе норм уголовного процесса, о формировании механизма, который в дальнейшем позволит совместить принципы медиации и уголовного судопроизводства. Проведен сравнительный анализ применения принципов медиации и принципов восстановительного правосудия в уголовном процессе.

Ключевые слова: медиация, уголовно-правовой конфликт, принципы медиации, уголовное судопроизводство, восстановительное правосудие.

MEDIATION AS A FORM OF IMPLEMENTATION OF RESTORATIVE JUSTICE PRINCIPLES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

*Daraselia Elizaveta Vasilyevna,
Supervisor: Kobleva Maria Mukhadinovna*

Abstract: The article deals with the principles of mediation and their relation to the principles of criminal proceedings. The question of determining the place of mediation in the system of norms of criminal proceedings and the formation of a mechanism that will allow to combine the principles of mediation and criminal proceedings in the future is raised. A comparative analysis of the application of the principles of mediation and the principles of restorative justice in criminal proceedings is carried out.

Keywords: mediation, criminal law conflict, mediation principles, criminal procedure, restorative justice.

Медиация – это механизм альтернативного способа урегулирования уголовно-правового конфликта, ориентированный на разрешение уголовных дел, проводимый вне системы уголовного правосудия. Процедура медиации подразумевает процесс, в котором заинтересованные стороны, а именно обвиняемый и потерпевший, посредством диалога с участием посредника, находят способ урегулирования возникшего конфликта с целью дальнейшего устранения последствий преступления.

По мнению некоторых исследователей, применение процедуры медиации к уголовно-правовым конфликтам не возможна, с учетом большого участия государства, высокой общественной опасности и особенностям института медиации и техник, которые в нем используются.

На наш взгляд это возможно, но с учетом определения места медиации в системе норм уголовного процесса и формирования такого механизма ее применения, который позволит совместить принципы медиации и принципы уголовного судопроизводства.

Обращая внимание на основные принципы медиации, можно сделать последующий вывод о дальнейшем соответствии и непротиворечивости данных принципов уголовному судопроизводству. К основным принципам медиации относятся: конфиденциальность, добровольность, сотрудничество и равноправие сторон, беспристрастность и независимость медиатора.

Конфиденциальность, подразумевает под собой, сохранение всей информации. Исключением являются обстоятельства, предусмотренные федеральными законами, и те случаи, где стороны не договорились об ином. Медиатор не вправе разглашать информацию, относящуюся к процедуре медиации и ставшую ему известной при ее проведении, без согласия сторон.

Согласно общему правилу, разбирательство уголовных дел во всех судах открытое. Однако п. 2 ч. 2 статьи 241 УПК РФ устанавливает исключение и допускает закрытое судебное заседание, если рассматривается дело в отношении несовершеннолетнего. В этом случае принцип медиации конфиденциальность не противоречит принципам уголовного судопроизводства, применяемым в отношении несовершеннолетнего обвиняемого.[1]

Добровольность в контексте медиации означает, что каждая из сторон по своему волеизъявлению может отказаться от проведения данной процедуры на любой из её стадий.

Так, без добровольного волеизъявления подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления также не состоится примирение, поскольку лицо должно загладить причиненный вред. Также и особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, закрепленный гл. 40 УПК РФ, предполагает волеизъявление не только самого обвиняемого, но и согласие государственного или частного обвинителя, а также потерпевшего.

Таким образом, принцип добровольности проведения процедуры медиации не противоречит нормам Уголовно-процессуального кодекса.

Принцип сотрудничества и равноправия сторон в медиации предполагает, в первую очередь, процедурное равноправие сторон. Предпочтение не отдается ни одной из сторон, они имеют равные права и обязанности в ходе процедуры, равное время на высказывания, в том числе при выборе кандидатуры медиатора, согласовании порядка проведения процедуры, выработке и формулировании предложений по урегулированию спора, оценки их приемлемости и исполнимости, реализации своих прав и законных интересов. Сотрудничество предполагает возможность диалога между сторонами. Переговоры сторон носят конструктивный и созидательный характер, направлены на урегулирование спора, проходят в атмосфере доверия и взаимного уважения.

Статья 15 УПК РФ устанавливает принцип состязательности сторон, который предоставляет равноправие в судебном процессе стороне обвинения и защиты.

Таким образом, принцип сотрудничества и равноправия сторон не противоречит уголовно-процессуальным нормам. Принцип беспристрастности и независимости медиатора предполагает, что отношение медиатора к каждой из сторон является беспристрастным и уважительным. Медиатор обеспечивает равное участие сторон в процедуре медиации. Медиатор независим и осуществляет свою деятельность самостоятельно.

Уголовному процессу также знаком принцип независимости и беспристрастности. Статья 8.1. «Независимость судей» УПК РФ гласит, что «при осуществлении правосудия по уголовным делам судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону».

Таким образом, ни один из принципов, присущих медиации не противоречит принципам уголовного судопроизводства.

Применение принципов уголовного судопроизводства в отношении восстановительного правосудия тоже возможно. Например, применения принципа презумпции невиновности. В случае, если потерпевший и обвиняемый не достигнут соглашения, информация, которая обсуждалась в ходе процедуры не может рассматриваться, как доказательство его вины. Наличие или отсутствие факта проведения альтернативных процедур не может определять обстоятельства дела, если оно возобновляется в общем порядке.[2]

Принцип «Non bis in idem» также применим в отношении примирительных процедур в уголовном судопроизводстве. Повторное уголовное преследование по тому же делу, если стороны пришли к примирительному соглашению не допустимо. В рамках процедуры медиации, договорившись, стороны навсегда разрешают свой уголовно-правовой конфликт.

Процессы восстановительного правосудия должны соответствовать верховенству закона, принципам прав человека и правам, предусмотренным Конституцией Российской Федерации.

Восстановительное правосудие должно поддерживать достоинство жертв и правонарушителей и обеспечивать отсутствие доминирования или дискриминации.

На данный момент существование института примирения в уголовном судопроизводстве и реализация Концепции восстановительного правосудия предполагает возможность применения медиации в уголовном судопроизводстве, однако, не как самостоятельного института.

Понимание «восстановительного правосудия» и «медиации» не тождественны, хотя используют сходные принципы, механизмы и инструменты. Восстановительная медиация – это система мер, направленная на разрешение конфликта в целях восстановления взаимоотношений между лицами в уголовном судопроизводстве.

На основе вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Каждый из принципов медиации не противоречит принципам уголовного судопроизводства. Восстановительная медиация синтезирует принципы медиации, уголовного судопроизводства и ювенальной юстиции. Данные принципы отражены в международных нормах и стандартах, в национальном законодательстве Российской Федерации.

Список литературы

1. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // "Парламентская газета", N 241-242, 22.12.2001
2. Медиация в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / Л.А. Шестакова. – Самара: Издательство Самарского университета, 2021. – С. 45-50
3. Воскобитова, Л.А., Ткачев, В.Н., Сачков, А.Н. Мировая юстиция: к вопросу о внедрении идей восстановительного правосудия. // Российское правосудие, 2007. № 12. - С. 76-84.

© Е.В. Дараселия, 2022.

Научное издание

МЕЖВУЗОВСКИЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ФОРУМ

**В РАМКАХ НАУЧНОГО ПРОЕКТА
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА»**

Сборник статей

Дата проведения: 24-25 ноября 2022 г.

Редакционная коллегия:
*Полтавцева Лариса Ивановна
Палиева Оксана Николаевна
Серегина Елена Владимировна
Коблева Мария Мухадиновна
Розава Инга Георгиевна*

Издается в авторской редакции

Сдано в набор 22.11.2022.
Дата подписания к использованию 25.11.2022.

Издатель: ИП Беспамятнов С.В.
346715, Ростовская обл., Аксайский р-он,
п.Янтарный, пер.Незабудковый, 6.
тел. +7 (928) 190-80-42
e-mail: bes777@yandex.ru

Гарнитура «Times».
Уч.-изд. л. 14.66.
Объем данных: 3,05 Мб.

Тираж 100 CD-ROM.
Заказ № 468.

Записано CD-ROM: ИП Беспамятнов С.В.
346715, Ростовская обл., Аксайский р-он,
п.Янтарный, пер.Незабудковый, 6.
тел. +7 (928) 190-80-42
e-mail: bes777@yandex.ru

ISBN 978-5-6049038-6-5

9 785604 903865